

LEFT ВОЗМЕЗДИЕ BEHIND®

МЕСТО: ИЕРУСАЛИМ.

ЦЕЛЬ: АНТИХРИСТ

60 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ГАЗЕТА
ТАЙНАЯ
ВЛАСТЬ

СОЮЗ
КНИГА

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ВОЗМЕЗДИЕ

МЕСТО: ИЕРУСАЛИМ.

ЦЕАЬ: АНТИХРИСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 **Возмездие: Роман / Пер. с англ. М. Ковровой. —**
М.: Книжный Клуб Книгоvek, 2011. — 496 с. — (Left
Behind).

ISBN 978-5-4224-0367-7

В шестой книге серии «Left Behind®» на человечество обрушивается второе горе Апокалипсиса: трубят шестой ангел, освобождая четырех ангелов, скованных у великой реки Евфрат. Они вывели за землю двести миллионов призрачных всадников на конях с львиными головами, которые, по пророчеству, уничтожат огнем и серой третью часть неверующих.

Тем временем герои саги, исполненные праведного гнева, устремляются в Иерусалим, чтобы убить Антихриста. Каждый из них хочет сохранить свои намерения в тайне от других. И в конце концов одному из них удастся исполнить эту миссию.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #6: Возмездие, Russian
Copyright © 1999 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2011 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.
Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0367-7

© Книжный Клуб Книгоvek, 2011

*Посвящается доктору Джону Ф. Уолворду,
который более пятидесяти лет помогал нам
сохранять пылающий факел пророчества*

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ МЕСЯЦ ПЕРИОДА СКОРБИ

Верующие:

Рэйфорг Стил, около сорока пяти лет; бывший командир экипажа «Боинга-747» авиакомпании «Пан-Континентал», потерял жену и сына во время Восхищения праведников; бывший пилот потентата Мирового Сообщества Николае Карпати; один из основателей Отряда Скорби; в настоящее время скрывается в убежище в Маунт-Проспект, штат Иллинойс.

Кэмерон Уильямс, по прозвищу Бизон, около тридцати лет; бывший ведущий журналист журнала «Глобал уикли»; бывший издатель журнала «Глобал комьюнити уикли», принадлежащего Карпати; один из основателей Отряда Скорби; редактор сетевого журнала

«Истина»; в настоящее время скрывается в убежище в Маунт-Проспект, штат Иллинойс.

Хлоя Стил Уильямс, около двадцати лет; бывшая студентка Стэнфордского университета; потеряла мать и брата во время Восхищения; дочь Рэйфорда; жена Бизона; мать десятимесячного Кенни Брюса; глава Международного товарного кооператива — подпольной организации верующих; одна из основателей Отряда Скорби; в настоящее время скрывается в убежище.

Цион Бен-Иегуда, около пятидесяти лет; бывший раввин и израильский политический деятель; объявил о своем обращении в христианство по международному телевидению, в результате чего были убиты его жена и двое детей-подростков; бежал в США; духовный лидер и учитель Отряда Скорби; его ежедневная сетевая аудитория достигает миллиарда человек; скрывается в убежище.

Доктор Флойд Чарлз, около сорока лет; бывший врач Мирового Сообщества; скрывается в убежище.

Мак МакКаллам, около шестидесяти лет; пилот Николае Карпати; живет в дворцовом комплексе Мирового Сообщества в Новом Вавилоне.

Давид Хассиг, около двадцати пяти лет; директор по снабжению и закупкам Миро-

вого Сообщества; дворцовый комплекс в Новом Вавилоне.

Лия Роуз, около сорока лет; главный администратор больницы имени Артура Янга в Палатине, штат Иллинойс; живет одна.

Тирола Марк Диленти, по прозвищу *Ти*, около сорока лет; владелец и директор аэропорта «Палвоки» в Уиллинге, штат Иллинойс.

Лукас Миклош, по прозвищу *Ласло*, и его супруга, около пятидесяти пяти лет; владельцы угольных шахт; Греция.

Абдулла Смит, около тридцати лет; бывший военный летчик; Иордания.

Враги:

Николае Карпати, около тридцати пяти лет, бывший президент Румынии; бывший Генеральный Секретарь ООН; самопровозглашенный потентат Мирового Сообщества; дворец Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Леон Фортунато, около пятидесяти лет; правая рука Карпати; верховный главнокомандующий; дворец Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Питер Мэтьюз, около пятидесяти лет; бывший кардинал в епархии Цинциннати; само-

провозглашенный первосвященник Петр II, глава всемирной церкви Сокровенного Вавилона; дворцовый храм в Новом Вавилоне.

Колеблющиеся:

Хэтти Дюрхем, тридцать лет, бывшая бортпроводница авиакомпании «Пан-Континентал»; бывший личный помощник Николае Карпати, скрывается в убежище.

Доктор Хаим Розенцвейг, около семидесяти лет; израильский биолог и политический деятель; создатель удобрения, благодаря которому израильские пустыни превратились в цветущие сады; человек года по версии журнала «Глобал уикли»; Иерусалим.

ПРОЛОГ

Из книги «Аваддон»

Почти одновременно по всему миру возникла огромная сеть домашних церквей, которые возглавили обращенные в христианство евреи из числа ста сорока четырех тысяч свидетелей Христа. Они ежедневно наставляли свою паству, и их проповеди основывались на публикуемых в Сети многочисленных поучениях Циона Бен-Иегуды. Хотя такие церкви могли быть уничтожены в любой момент по воле сторонников Всемирной религии Сокровенного Вавилона, число их прихожан постоянно росло...

* * *

Бизон Уильямс давно уже выпускал собственный сетевой журнал «Истина», и те-

перь этот журнал остался единственной трибуной, с которой Бизон мог высказывать свои мысли. Но, как ни странно, количество его читателей стало в десять раз выше, чем когда он был ведущим журналистом «Глобал уикли». Конечно, он опасался за свою жизнь, но гораздо сильнее боялся потерять свою жену Хлою...

* * *

В перечень достижений Николае Карпати вошло не только восстановление городов, дорог и аэропортов, но и почти волшебное превращение Нового Вавилона в великолепнейший из городов. «Этот город — произведение искусства, которое вы не можете не посетить!» Его система сотовой связи Сот-Сол позволила людям общаться друг с другом по телефону и через Интернет из любых точек земного шара. Но все эти успехи означали лишь одно: Николае создавал единую гигантскую структуру, которая была нужна ему, чтобы править миром...

* * *

Близился день, когда верующие смогут узнавать друг друга по символу креста, запечатленному у них на лбах. И даже обычного взгляда на лоб будет достаточно, чтобы привлечь внимание врагов.

Беда в том, что приближался и день, когда сторонники их врагов тоже получат свою метку и она будет заметна для всех. В Библии сказано, что те, у кого не будет «метки зверя», не смогут ни покупать, ни продавать. А это значило, что огромной сети верующих, чтобы выжить, придется создать собственный черный рынок...

* * *

Верховный главнокомандующий Мирового Сообщества Леон Фортунато представил его святейшество потентата Николае Карпати международной телевизионной аудитории. Цион Бен-Иегуда предупредил Рэйфорда, что Николае непременно воспользуется быстро распространяющимися и часто преувеличенными слухами о своих сверхъестественных способностях, когда во второй половине периода Скорби объявит себя богом...

* * *

В жизни участников Отряда Скорби не осталось места ни праздному смеху, ни легкомыслию. «Горе высасывает из человека все силы», — размышлял Рэйфорд. Он мечтал дожить до того дня, когда Господь осушит их слезы и когда война наконец закончится...

* * *

— Я так вам сочувствую, — сказал Цион Хэтти, — я так хочу, чтобы вы пришли к Иисусу. — И он умолк, не в силах продолжать.

Хэтти взглянула на него с удивлением.

— Простите меня, — с трудом прошептал он, отпив воды и слегка успокоившись. Он стал говорить дальше сквозь слезы: — Господь позволил мне взглянуть на вас Его глазами, и я увидел испуганную, озлобленную, растерянную женщину, которую так часто использовали и предавали. Он искренне любит вас. Однажды Иисус посмотрел на людей, которые пришли к нему, и сказал: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» Мисс Дюрхем, вы знаете правду. Я слышал, как вы сами сказали об этом. И все же вы не захотели... Я смотрю на вашу хрупкую красоту и вижу, как жизнь обошлась с вами, и я мечтаю, чтобы вы обрели покой. Я думаю о том, что вы могли бы сделать для Церкви в эти тяжелые времена, и я мечтаю, чтобы вы вошли в нашу семью. Я боюсь, что вы очень рискуете, отвергая Бога, и я не хочу, чтобы вы страдали и дальше, пока Он не найдет путь к вашему сердцу.

* * *

Карьера летчика гражданской авиации для Рэйфорда закончилась давным-давно. Трудно представить, что каких-то три года назад он был обычным семьянином, причем далеко не примерным, и заботило его в этой жизни лишь расписание полетов.

Сейчас Рэйфорд не мог пожаловаться на отсутствие важных забот. Но какую цену он за это заплатил! Он мог лишь посочувствовать Циону. Если период Скорби стал тяжелым испытанием для обычного рядового, такого как Рэйфорд, то каково же было человеку, призванному возглавить сто сорок четыре тысячи свидетелей Христа и обучить, возможно, целый миллиард неопитов...

* * *

Бизону нравилось беседовать с Ционом. Они оба очень много пережили. Он сам не понимал, как мог жаловаться из-за сложной беременности жены человеку, жену и детей которого убили. И все же Цион обладал огромным запасом мудрости и здравого смысла и умел утешать людей...

— То есть потом вострубит шестой ангел, — сказал Бизон. — И что же тогда с нами будет?

Цион вздохнул:

— Все кончится тем, Кэмерон, что армия из двухсот миллионов всадников уничтожит треть населения Земли.

Бизон онемел. Он, конечно, читал пророчество, но никогда не пытался соотнести его с реальной жизнью.

— Все, что мы пережили, — продолжил Цион, — все ужасы, которые мы видели, поблекнут в сравнении с этой страшной из кар.

— А потом будет еще хуже?

— Трудно представить себе, да? Только четвертая часть людей, оставшихся на Земле после Восхищения праведников, доживет до Второго пришествия. Я не боюсь смерти, Кэмерон, но постоянно молюсь, чтобы Господь позволил мне увидеть собственными глазами, как Он придет на Землю, чтобы создать здесь Свое царство. Если Он заберет меня раньше, я встречу со своей семьей и со всеми, кого любил, но как я был бы счастлив дожить до пришествия Иисуса!

* * *

— Одно бедствие мы уже пережили. Но смотри, теперь нас ждут еще два. А затем вострубит шестой ангел: «Шестой Ангел вострубил, и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом, говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате».

Возмездие

* * *

«И освобождены были четыре Ангела,
приготовленные на час и день, и месяц и
год...»

Откровение 9:12—15.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ярость.

Вот что испытывал Рэйфорд.

Он знал, что жаловаться ему не на что. И Ирэн — его первая жена, с которой он прожил двадцать один год, и Аманда, брак с которой продлился меньше трех месяцев, уже избавлены от страданий. Рэйми тоже в раю. Хлоя и малыш Кенни живы и здоровы.

Он должен удовольствоваться этим. И все же Рэйфорду казалось, что его использовали. Он выбежал из убежища холодным майским утром, забыв надеть куртку. И довел его до этого не кто-нибудь, а Хэтти.

Она была в своем репертуаре: жаловалась на бездействие и упорно набиралась сил.

— Ты думаешь, что я не справлюсь, — сказала она, делая очередную серию упражнений. — Ты меня недооцениваешь.

— Я не сомневаюсь, что тебе хватит ду-
рости попытаться.

— Но ты ни за что меня туда не отпу-
стишь.

— Только через мой труп.

Рэйфорд шел по тропинке у полосы де-
ревьев, которая отделяла поле от убежища
и развалин соседних домов. Он остановил-
ся и окинул взглядом горизонт. Злость —
это одно, а глупость — совершенно другое.
Какой смысл выдавать их местоположение
ради пары глотков свежего воздуха?

Вокруг не было ни души, но Рэйфорд стар-
ался держаться поближе к деревьям. Как
тут все изменилось за полтора года! Когда-
то вся эта местность была густонаселенным
пригородом. А теперь здесь лишь оставшие-
ся после землетрясения руины, где нахо-
дят приют беженцы и бездомные. Рэйфорд
когда-то и сам был беженцем. И возможно,
скоро превратится в бездомного.

Он был охвачен ослепляющей яростью.
Несмотря на свой рациональный, логиче-
ский склад ума, Рэйфорд не мог подавить
это чувство. Он знал, что у каждого из них...
даже у Хэтти... имелись собственные моти-
вы. И все-таки Рэйфорд молился, чтобы Го-
сподь избрал его. Он хотел оказаться тем,
кому суждено совершить этот подвиг. Он ве-
рил в свое предназначение.

Рэйфорд покачал головой и прислонился
к дереву, прижавшись спиной к шершавой
коре. Где же запах скошенной травы, крики
играющих детей? Все изменилось безвоз-

вратно. Он закрыл глаза, в очередной раз обдумывая свой план. Пробраться под чужим именем на Ближний Восток. Оказаться в нужном месте в нужное время. Стать оружием Господа, Его смертоносным клинком. Убить Николае Карпати.

* * *

Давид Хассид вызвался сопровождать доставку вертолетом во дворец большой партии компьютеров. Половине специалистов из его отдела предстояло провести следующий месяц в поисках местоположения компьютеров, с которых Цион Бен-Иегуда отправлял свои ежедневные послания верующим, а Бизон Уильямс публиковал в Сети свой еженедельный журнал.

Потентат лично пожелал узнать, как быстро будут установлены компьютеры.

— Полдня на выгрузку, повторную погрузку и доставку с вертолетной площадки, — ответил ему Давид. — Потом снова выгрузить и потратить еще дня два на установку и настройку программ.

Карпати начал нетерпеливо пощелкивать пальцами, как только услышал про «полдня».

— Быстрее, — сказал он. — Как можно выиграть время?

— Это обойдется нам дороже, но мы могли бы...

— Затраты меня не волнуют, мистер Хассид. Время, время!

— Можно поднять всю партию легким вертолетом и перенести с площадки прямо к входу в здание.

— Да, — согласился Карпати. — Именно это нам и нужно.

— Я бы хотел лично наблюдать за доставкой.

Карпати уже перешел к какому-то другому вопросу и отмахнулся от Давида:

— Конечно, действуйте.

Давид позвонил Маку МакКалламу со своего защищенного телефона.

— Сработало, — сказал он.

— Когда летим?

— Как можно позже. Это должно выглядеть как ошибка.

Мак хохотнул.

— Ты собираешься отправить грузовой вертолет не на ту площадку?

— Конечно. Скажу одно, в документы впишу другое. Сделают они то, что услышат. А документы защитят меня от наших комиков.

— Фортунато все еще следит за тобой?

— Постоянно, но ни он, ни Николае ничего не подозревают. Тебя они тоже любят, Мак.

— А то я не знаю. Будем ехать на этом поезде, пока сможем.

* * *

Рэйфорд не решился обсуждать свои чувства с Ционом. Учителю и без того забот хва-

тало, а Рэйфорд знал, что он, скорее всего, скажет: «У Бога собственный план. Так что пусть все идет своим чередом».

Но что плохого, если Рэйфорд поможет этот план осуществить? Он же сам этого хочет. Он справится. А если это будет стоить ему жизни, ну и что с того? Он воссоединится с теми, кого любит, а потом подождет остальных.

Рэйфорд знал, что это безумие. Никогда раньше он не шел на поводу у своих чувств. Быть может, дело в том, что он выпал из обоймы, не занимался больше ничем важным? Да, ему было страшно и тяжело в те месяцы, когда он был личным пилотом Карпати, но зато он мог приносить Отряду Скорби ощутимую пользу.

Сейчас он тоже рисковал, но чувствовал себя совершенно иначе. Он был старшим пилотом Международного товарного кооператива, организации, которая, возможно, спасет жизни многих верующих, когда они уже не смогут открыто покупать и продавать товары. Пока что Рэйфорд просто встречался с людьми, прокладывал маршруты, фактически работал на собственную дочь. Ему приходилось скрывать свое имя и решать, кому можно довериться. Но теперь все было иначе. Он больше не чувствовал себя незаменимым.

Но если бы он только мог убить Карпати!

Кого он пытается обмануть? Убийцу Карпати прикончат без суда и следствия. А если Карпати и в самом деле Антихрист, как счи-

тают почти все, кроме его сторонников, он в любом случае останется жив. В результате погибнет один только Рэйфорд, но не Карпати. А Николае будут считать еще большим героем, чем раньше. Но кому-то ведь придется это сделать, и мысль о том, что, возможно, это предстоит сделать именно ему, придавала Рэйфорду силы жить дальше. И еще давала ему цель, ради которой стоило умереть.

Рэйфорд обожал своего внука Кенни Брюса, но его имя слишком остро напоминало о болезненных утратах. Покойный Кен Ритц был для Рэйфорда тем новым другом, который стоил старых двух. А Брюс Барнс стал его первым духовным наставником и очень многому научил его после того, как отдал видеокассету, которая и привела Рэйфорда к Христу.

В том-то и дело! Вот что вызывало в нем такую ненависть, такую ярость! Рэйфорд знал, что Карпати — всего лишь пешка в руках Сатаны, часть огромного Божьего замысла. Но этот человек причинил людям столько страданий и горя, что Рэйфорд не мог не испытывать ненависти к нему.

Рэйфорд не хотел очерстветь душой и с равнодушием смотреть на смерти и разрушение. Он хотел сохранить способность чувствовать боль и обиду. Вокруг царил хаос, и с каждым месяцем становилось все хуже. Цион говорил, что так будет продолжаться до середины семилетнего периода, которая должна наступить через четыре месяца. А потом последует великая скорбь.

Рэйфорду очень хотелось пережить эти семь лет и увидеть пришествие Христа, после которого начнется Его тысячелетнее царствование на Земле. Но каковы его шансы? Цион говорил, что в лучшем случае лишь четвертая часть людей, уцелевших после Восхищения, переживут период Скорби и выжившие позавидуют погибшим.

Рэйфорд пытался молиться. Рассчитывал ли он, что Господь ответит? Благословит его? Укажет, что делать? Конечно, нет. Для Рэйфорда молитва была лишь способом почувствовать себя живым, и все-таки она его поддерживала, давала смысл жить дальше.

Но у него имелись и другие причины. Рэйфорд любил дочку, ее мужа и их ребенка, хотя и чувствовал себя виновным в том, что Хлою не забрали во время Восхищения. Теперь все близкие люди, которые у него остались, вынуждены жить в том же мире, что и он сам. Что за будущее их ждет? Рэйфорду не хотелось даже задумываться об этом. Он хотел бы думать лишь о том, какое оружие сможет достать и как воспользуется им, когда придет время.

* * *

Когда в Новом Вавилоне стемнело, Давиду позвонил транспортный менеджер:

— Пилот спрашивает, садиться ли ему на площадке...

— Я же все ему объяснил! Передайте ему, чтобы делал что велено!

— Сэр, но в накладной указана вертолетная площадка дворца. А ему кажется, что вы говорили об аэропорте Нового Вавилона.

Давид сердито засопел.

— Ну а вы понимаете то, что я вам говорю?

— Вы говорили про аэропорт, но...

— Спасибо! Какое расчетное время прибытия?

— Тридцать минут до аэропорта. Сорок пять до площадки. Поэтому я и пытаюсь объяснить...

Давид повесил трубку и позвонил Маку. Через полчаса они сидели в легком вертолете на бетонной дорожке перед вертолетной площадкой. Естественно, грузовой вертолет с компьютерами здесь так и не появился.

Давид позвонил в аэропорт:

— Скажите пилоту, где мы!

— Слушай, парень, — заметил Мак, — ты тут всем уже головы заморочил.

— Думаешь, мне очень хочется, чтобы куча самых современных компьютеров были задействованы в поисках убежища?

Мак подключился к частоте аэропорта и подслушал отданный пилоту приказ подниматься в воздух и лететь на вертолетную площадку дворца. Он посмотрел на Давида.

— Лети в аэропорт, джигит воздушный, — сказал ему Давид.

— Мы разминемся с ним в воздухе.

— На это я и надеюсь.

Они разминутись. Кончилось тем, что Давид сжалился над пилотом, заверил его, что они с Маком останутся на месте, и приказал возвращаться.

С помощью крана они выгрузили партию компьютеров, и Мак поставил свой вертолет так, чтобы можно было подцепить груз. Бортоператор закрепил трос, заверив Мака, что его размеров и мощности вполне достаточно, чтобы без проблем доставить всю партию, и объяснил, как подниматься в воздух.

— В случае чрезвычайной ситуации у вас есть возможность сбросить груз, сэр, — добавил он. — Но никаких проблем быть не должно.

Мак поблагодарил его и переглянулся с Давидом.

— Ты же не сделаешь этого, — сказал он, покачав головой.

— Конечно, сделаю. Этот, что ли, рычаг нажимать? Кому еще этим заняться, как не мне?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вскоре после полудня Бизон уселся за компьютер в подземной части убежища, которая в последнее время сильно увеличилась в размерах. Они с тестем и доктором Чарлзом проделали огромную работу. Доктор Бен-Иегуда тоже пытался им помогать. Он оказался довольно сильным человеком для кабинетного ученого, проводящего большую часть времени за монитором.

Но Бизон и остальные убедили его, что от него гораздо больше пользы будет в Интернете, где он обучал новообращенных. Цион явно чувствовал себя уязвленным, оттого что остальные мужчины занимались тяжелым физическим трудом, пока он делал «легкую работу» в спальне наверху. Ему ужасно хотелось вместе со всеми копать, насыпать землю в мешки и выносить

ее из подвала на окрестные поля. Остальные говорили ему, что прекрасно обходятся без его помощи, что четверем мужчинам слишком тесно в замкнутом помещении и что его пастырская деятельность слишком важна, чтобы отвлекаться на земляные работы.

Кончилось тем, с улыбкой вспоминал Бизон, что Рэйфорд заявил Циону:

— Вы здесь самый старший, наш пастырь, наш наставник, наш учитель, но я пока что главный в этой банде, поэтому приказывать тут буду я.

Цион вскинул голову, притворившись испуганным.

— Да, сэр, — ответил он. — И каковы будут ваши распоряжения?

— Не путаться у нас под ногами. У вас, ученых, слишком нежные руки. Впрочем, и у нас тоже, но ваши ценнее.

Цион вытер лоб рукавом.

— Не надо дразнить меня, Рэйфорд. Я просто хочу вам помочь.

Бизон и Док прервали работу и тоже стали убеждать Циона.

— Доктор Бен-Иегуда, — обратился к нему Флойд Чарлз, — мы все считаем, что вы зря тратите время... вернее, это мы тратим ваше бесценное время, когда позволяем вам заниматься всем этим. Пожалуйста, не заставляйте нас чувствовать себя виноватыми и позвольте нам закончить работу без вашей помощи.

Рэйфорд притворился обиженным.

— Я начальник тут или кто? — заявил он. — Я ему приказ отдал, а этот докторишка его еще уговаривает!

— Вижу, джентльмены, вы настроены серьезно, — заметил Цион.

Рэйфорд взмахнул руками:

— Ну, наконец-то! До ученого дошло!

Цион заковылял наверх, ворча себе под нос, что «это полная ерунда», но после этого он больше не пытался помогать землекопам.

Бизон мог только радоваться тому, как хорошо они трое сработались. Рэйфорд лучше всех разбирался в технике, Бизона иногда слишком заносило в теоретические дебри, а вот Флойд, несмотря на ученую степень, оказался идеальным исполнителем. Бизон поддразнивал его этим, говоря, что раньше считал всех докторов всезнайками. Хотя Флойд вроде бы не обижался, Бизону ни разу не удалось его рассмешить. Обычно Флойд уставал раньше всех, но не бросал работу. Он просто чаще останавливался, чтобы отдышаться, пригладить волосы или протереть глаза.

Для ежедневного планирования работ Рэйфорд использовал довольно грубую схему, составленную на основе двух источников. Первым источником были исписанные мелким неразборчивым почерком блокноты бывшего хозяина этого дома Донни Мура, который полтора года назад погиб в церкви во время землетрясения. Тело его жены Бизон и Цион нашли на разрушенной веранде в задней части здания.

Донни, похоже, догадывался, какое будущее их ждет, и надеялся спрятаться вместе с женой в укрытии. Чего бы он ни боялся — ядерной войны или армии Мирового Сообщества, но план у него был впечатляющий. Донни собирался так увеличить небольшой и влажный погребок, чтобы он размещался подо всей площадью дома и даже под частью двора.

Вторым источником были правки, которые в первоначальный план внес Кен Ритц. Кен старался производить впечатление простого и не слишком образованного человека. Но в итоге оказалось, что он окончил Лондонскую школу экономики, умел управлять любыми воздушными судами и, как показали эти схемы, был талантливым архитектором-самоучкой. Кен упростил выемку грунта, изменил расположение опорных балок и разработал схему линий связи. Когда работы закончатся, убежище невозможно будет заметить снаружи, но его обитатели смогут пользоваться и спутниковой, и сотовой связью, а также оптической связью в инфракрасном диапазоне.

Пока Бизон работал с Доком и Рэйфордом, а Цион писал свои ежедневные послания миру, Хлоя и Хэтти занимались собственными делами. Хэтти качалась как одержимая, наращивая мышечную массу. Бизон боялся, что она что-то задумала. Это вполне в ее духе. Ни один из обитателей убежища не мог быть уверен, что она не выдала их местоположение, когда пыталась вырваться в Евро-

пу пару месяцев назад. Пока все было тихо, но надолго ли?

Хлоя большую часть дня проводила с малышом Кенни. А в остальное время, если не спала, то сидела в Сети, работая со все новыми и новыми поставщиками и торговыми агентами Международного товарного кооператива. Верующие уже начали торговать друг с другом напрямую, готовясь к черному дню, когда общий рынок будет для них закрыт.

Бытовые проблемы, тяжелый труд и постоянный страх перед будущим — вот во что превратилась жизнь Бизона. Он был рад, что успевает не только писать статьи и помогать Доку с Рэйфордом, но и проводить время с Хлоей и Кенни. Но иногда его дни оказывались слишком уж насыщенными. Ему удавалось повидать Хлою лишь поздно вечером, когда у них не оставалось сил даже на разговоры. Кенни спал с ними в одной комнате, и хотя он был тихим ребенком, Бизону и Хлое часто приходилось вставать к нему по ночам.

Однажды ночью Бизон лежал без сна, слушая ровное дыхание Хлои и зная, что она давно спит. Он размышлял о том, что еще может сделать Отряд Скорби и какой вклад мог бы внести лично он. В самом начале, когда Отряд состоял из покойного Брюса Барнса, Рэйфорда, Хлои и его самого, Бизону казалось, что они поставили перед собой цель колоссальной важности. В числе прочих уверовавших после Восхи-

щения Отряд Скорби должен был вести людей к Христу, противостоять Антихристу и дожидаться Второго пришествия Христа, до которого теперь осталось чуть больше трех с половиной лет.

Цион, которого Господь прислал на смену Брюсу, стал для Отряда бесценным приобретением. Его знания и душевный огонь, а также умение находить подход к людям сделали его главным врагом Николае Карпати. По крайней мере, главным после двух Свидетелей у Стены Плача, которые продолжали насылать на неверующих бедствия и кары.

Хлоя поражала его своей способностью управлять международной компанией и одновременно с этим заботиться о малыше. А Док был просто Божьим даром, он не только спас жизнь Хэтти, но лечил всех остальных. Хэтти была среди них единственной атеисткой, поэтому ее эгоизму никто не удивлялся. Она обычно занималась только собой.

Но сейчас Бизона беспокоил Рэйфорд. В последнее время его тесть был сам не свой. Он постоянно ссорился с Хэтти, часто погружался в свои мысли, и на его лице отражалось отчаяние. А еще он начал уходить из дома средь бела дня и бродить по округе. Бизон знал, что Рэйфорд не стал бы вести себя легкомысленно и подвергать всех опасности, но хотел бы как-то ему помочь. Он попросил Циона, чтобы тот расспросил Рэйфорда, но равви ответил:

— Капитан Стил иногда сам приходит ко мне, когда ему хочется чем-то со мной поделиться. Я не вправе совать нос в его дела.

Бизон решил посоветоваться с Доком.

— Так ведь он — мой учитель, а не наоборот, — ответил ему Флойд. — Если у меня возникают проблемы, я обращаюсь к нему, но он со своими проблемами ко мне не идет.

Хлоя тоже ничем не смогла помочь.

— Послушай, Бизон, у папы очень старомодные представления об отцовстве. Сам он лезет ко мне с советами, но я даже не мечтаю о том, чтобы он когда-нибудь излил мне свою душу.

— Но ты же видишь, что он не в себе?

— Вижу, конечно. Но чего ты хочешь? Мы тут все уже с ума сходим. Это что, жизнь? Мы целыми днями сидим взаперти, если куда-то и выбираемся, так только в «Палвоки», и то нам приходится называть друг друга вымышленными именами и постоянно бояться, что нас разоблачат!

У всех соратников Бизона имелись свои причины, чтобы не лезть к Рэйфорду. Значит, Бизону ничего не оставалось, кроме как сделать это самому. «Вот радость-то!» — подумал он.

* * *

Давид Хассид сидел на пассажирском сиденье личного вертолета потентата Мирового Сообщества рядом с Маком Мак-

Калламом. Рабочие из бригады наземного обслуживания аэропорта Нового Вавилона подцепили к толстому стальному тросу три связанных вместе контейнера со сто сорока четырьмя компьютерами. Бригадир дал знак Маку медленно подниматься, пока трос не натянулся. А затем вертолет плавно взмыл в воздух, чтобы доставить груз ко дворцу.

— С контейнерами ничего не случится, если только ты будешь держаться подальше от этого рычага, — заметил Мак. — Ты ведь не сбросишь их, правда?

— Чтобы помешать моим людям найти место, откуда выходят в Сеть Цион, Бизон и Хлоя? Я бы сбросил, можешь не сомневаться, если бы это была единственная возможность.

— А есть еще возможности?

— Ну что ты, Мак, ты же меня знаешь! Думаешь, я смог бы грохнуть такую кучу компьютеров? Может, я и младше тебя в три раза...

— Эй!

— Ну хорошо, почти в два раза, но не считай меня дураком. Думаешь, мы заказали именно такое количество компьютеров просто так?

Мак протянул палец к тумблеру и включил радиопередатчик.

— Борт один вызывает башню дворца, прием.

— Первый, это башня, слушаю вас.

— Расчетное время прибытия — три минуты, прием.

— Вас понял, конец связи.

Мак повернулся к Давиду:

— Так вот зачем нужна такая куча? По одному на каждую тысячу свидетелей?

— Нет, раздавать свидетелям я их не собираюсь, но и разбивать в пустыне тоже.

— Но и до дворца я их не довезу, так ведь?

Давид с улыбкой покачал головой. Перед ними расстился огромный дворцовый комплекс. Множество зданий окружало огромный сияющий замок — иначе и не назовешь, — который Карпати воздвиг в свою честь. В нем были все достижения цивилизации, которые только можно вообразить, и тысячи сотрудников, готовых выполнить любую прихоть потентата.

Давид вынул из кармана свой защищенный телефон и набрал номер.

— Капрал Кристофер, — сказал он. — Это директор Хассид. — Он прикрыл трубку ладонью и обратился к Маку: — Новый борт-оператор «Кондора».

— Я его знаю?

Давид пожал плечами и покачал головой.

— Да, капрал Кристофер. Грузовой отсек «Кондора» свободен?.. Прекрасно. Ждите нас... Нет, я ничем не могу помочь, капрал. Можете обратиться в отдел кадров, но, насколько мне известно, ваше мнение никого не интересует. — Давид выключил телефон. — Трубку кинули, — пояснил он.

— Загружать двести шестнадцатый никому не нравится, — заметил Мак. — Работа не ахти. Ты доверяешь этому парню?

— У меня нет выбора, — ответил Давид.

* * *

Когда Рэйфорд вернулся с утренней прогулки, Бизон сидел за кухонным столом и набивал на компьютере статью для «Истины».

— Привет, — сказал Бизон.

Рэйфорд кивнул в ответ и направился к лестнице, ведущей в подвал.

Бизон едва не растерял всю свою решимость.

— Какие планы на сегодня, Рэй?

— Как всегда, — буркнул Рэйфорд. — Нам надо заняться стенами. А потом будем делать убежище невидимым. Замаскируем выходы. А где Док?

— Его я не видел. А Хэтти...

— Снаружи наверняка. Готовится бежать марафон. Кончится тем, что из-за нее нас всех убьют.

— Слушай, — начал Бизон, — ты бы не думал о плохом, а?

Рэйфорд пропустил его фразу мимо ушей.

— А остальные? — спросил он.

— Цион наверху. Хлоя за компьютером в гостиной. Кенни спит. Где Хэтти, я уже сказал; один только Флойд в самоволке. Может

быть, он внизу, но я не видел, чтобы он спускался.

— Не говори про самоволку, Бизон. Это не смешно.

Это замечание было настолько не в духе Рэйфорда, что Бизон едва нашел что ответить.

— Я просто не знаю, где он, Рэй. По правде говоря, он плохо выглядит в последнее время, а вчера выглядел совсем ужасно. Не удивлюсь, если он еще спит.

— Спит до полудня?! Что с ним стряслось?

— Я заметил, что у него глаза пожелтели.

— А я нет.

— Внизу темно.

— Тогда как ты сумел заметить?

— Вот вчера вечером и заметил. Я даже сказал ему.

— А он что ответил?

— Отшутился. А я отстал.

— Он врач, — напомнил Рэйфорд. — Так что пусть сам своим здоровьем занимается.

Бизон решил, что это прекрасный повод для начала разговора по душам. Он мог бы сказать Рэйфорду, что раньше тот относился к своим товарищам с гораздо большим сочувствием. Но Рэйфорд сразу же перехватил инициативу, и подходящий момент был упущен.

— А ты что на сегодня запланировал, Бизон? Журнал или убежище?

— Ты же начальник, Рэй. Вот и скажи, чем мне заняться.

— Я мог бы припахать тебя внизу, но решай сам.

Бизон вылез из-за стола.

* * *

Мак осторожно опустил контейнеры на мостовую с западной части ангара, в котором стоял «Кондор-216». Дверь ангара была открыта, глубокий грузовой отсек «кондора» тоже стоял нараспашку. Давид выскочил из вертолета, когда лопасти еще вращались, и торопливо отцепил трос. Из ангара выехал автопогрузчик, подхватил первую часть груза, плавно ее поднял, развернулся на месте и скрылся в ангаре. Когда Мак присоединился к Давиду, водитель автопогрузчика уже закрыл грузовой отсек «кондора» и поставил погрузчик в угол.

— Капрал Кристофер! — крикнул Давид, и капрал повернулся к ним с расстояния в добрую сотню футов. — Поговорим в вашем кабинете!

— Выглядит недовольным, — заметил Мак, пока они шли к кабинету со стеклянными стенами в глубине ангара. — Не поздоровался, не ответил. У нас с ним будут проблемы?

— Капрал у меня в подчинении. Так что все решаю я.

— Кстати, Давид, если хочешь, чтобы тебя уважали, ты тоже должен уважать своих людей. Не хватало еще, чтобы один из твоих подчиненных...

— Поверь мне, Мак, все под контролем.

На соседней двери рядом с кабинетом Мака появилась новая табличка: «ККК».

— Это еще что?! — удивился Мак.

— Капрал Кристофер, бортоператор «кондора».

— Ну и ну! — воскликнул Мак.

Давид ввел Мака в кабинет капрала, закрыл дверь и уселся за стол, указав Маку на кресло. Тот сел с явной неохотой.

— Что тебя не устраивает? — спросил Давид.

— Вот так ты обращаешься с подчиненными?

Давид закинул ногу на стол и кивнул:

— Особенно с новичками. Чтобы сразу уяснили, кто тут босс.

— А меня учили, что если заставлять работников называть тебя «боссом», то преданности от них не дождешься.

Давид пожал плечами:

— Мы в страшное время живем. Отчаянное время, отчаянные меры...

Из-за двери слышались шаги, и ручка повернулась. Давид крикнул:

— Надеюсь, вы соизволите постучать, капрал, прежде чем войти к вашему боссу и вашему капитану?

Дверь уже приоткрылась на дюйм, но дальше не сдвинулась.

— Закройте дверь и постучите, капрал! — приказал Давид, закинув руки за голову и по-прежнему сидя с одной ногой на столе.

Дверь громко хлопнула. Затем последовала долгая пауза. И наконец, раздался громкий и отчетливый стук.

Мак покачал головой.

— Этот парень даже в дверь стучит с иронией, — прошептал он. — Но так тебе и надо.

— Войдите, — сказал Давид.

Мак тут же вскочил, потому в кабинет вошла молодая женщина в спецовке. Ее черные волосы под фуражкой были острижены очень коротко, почти по-мужски, но благодаря большим темным глазам, прекрасным зубам и безупречной коже она выглядела ухоженной и очень привлекательной.

Мак стащил с головы фуражку.

— Мэм.

— Не надо, капитан, — ответила она и с сердитым видом повернулась к Давиду: — Так, значит, я обязана стучать, чтобы войти в свой собственный кабинет?

Давид не сдвинулся с места.

— Садись, Мак, — сказал он.

— Только когда леди сядет.

— Я не давал ей разрешения присесть, — ответил Давид, а капрал Кристофер махнула Маку, чтобы он садился. — Капитан Мак МакКаллам, это капрал Энни Кристофер. Энни. Мак.

Мак снова попытался подняться, но Энни шагнула к нему и пожала его руку.

— Незачем, капитан. Я знаю, кто вы, и уже заметила ваш неандертальский шовинизм. Если мы собираемся работать вместе,

не стоит обращаться со мной как со слабой женщиной.

Мак перевел взгляд с нее на Давида.

— Возможно, ты обращаешься с ней именно так, как она того заслуживает, — сказал он.

Давид склонил голову набок.

— Как ты сам говорил, Мак, никогда не знаешь, кому можно доверять, а кому нет. А что касается вашего кабинета, капрал, пока вы под моим командованием, все ваше принадлежит мне. Эта комната была выделена вам для того, чтобы вам было удобнее выполнять мои приказы. Вам ясно?

— Да.

— И еще, капрал, я не военный, но по уставу вы обязаны снимать головной убор в присутствии начальства.

Энни Кристофер со вздохом стащила с головы фуражку. Она провела ладонью по коротко стриженным волосам и подошла к окну, отделяющему кабинет от остальной части ангара. Опустила жалюзи.

— Что вы делаете? — спросил Давид. — Там никого нет, и я не разрешал вам...

— Да хватит уже, директор Хассид. Мне что, нужно спрашивать разрешения на каждый чих?

Давид снял со стола ногу и уселся прямо, глядя на приближающуюся к нему Энни.

— Вообще-то да.

Он раскрыл ей объятия, и она села к нему на колени.

— Как дела, милый? — спросила она.

— Хорошо, лап, но, кажется, у Мака сейчас случится инфаркт.

Мак сполз на край кресла и наклонился вперед.

— Ну и артисты вы оба, — сказал он. — Простите меня, мисс Кристофер, если я вас задел.

— Ничего страшного, — ответила Энни, наклонившись над столом, чтобы быть к нему ближе. — Примерно так мы и вели себя, когда впервые встретились.

Мак взял ее лицо в ладони и провел большим пальцем по отметине на лбу. А потом нежно поцеловал в макушку.

— Ты так молода, что годишься мне в дочери, — сказал он, — сестра.

Энни пересела в соседнее кресло.

— Но по легенде, капитан МакКаллам, я ненавижу работать под началом у вас обоих. Я постоянно обращаюсь в отдел кадров с просьбами о переводе. Потому что начальник моего отдела меня унижает, а капитан «кондора» — неисправимый сексист.

— Но зато я, — вмешался Давид, — предупредил кадровиков, чтобы ее не слушали. Энни поднимала бучу в каждом отделе, где бы ни служила, и теперь расплачивается за это. А начальство в восторге.

Мак взглянул на нее, а потом на Давида.

— Просто умираю — хочу выслушать вашу историю, — сказал он.

* * *

Разговор с тестем пришлось отложить до лучших времен, потому что, спустившись в подвал, Рэйфорд сразу разложил под лампой чертежи и поинтересовался, нет ли у Бизона идей, как лучше замаскировать вход в убежище.

— Я уже и не надеялся, что ты спросишь моего совета, — заметил Бизон. — Но я как раз думал об этом.

— Я весь внимание.

— Ты помнишь ту морозилку в соседнем доме?

— Которая воняет?

Бизон кивнул. Они вынули испорченные продукты, но запах остался.

— Перетащить ее сюда, заполнить продуктами — они будут казаться испорченными из-за запаха, но на самом деле это будет вонь от морозилки, а лотки с продуктами подвесить на петлях, чтобы их можно было поднимать. Любой, кто заглянет сюда, не станет копаться в протухшей еде. Им в голову не придет поднять лотки, а если их поднять, то под ними будет второе дно, под которым откроется лестница вниз. А дверь в подвал, которой пользуемся сейчас, мы замуруем.

Рэйфорд склонил голову набок, обдумывая идею. Он пожал плечами:

— Мне нравится этот план. Если бы еще можно было скрыть его от Хэтти.

Бизон огляделся по сторонам:

— Так я был прав насчет Флойда? Его здесь нет?

* * *

У Мака запищал пейджер.

— Фортунато, — сказал он. — Великолечно. Можно воспользоваться вашим телефоном, капрал?

Энни ответила:

— Это не мой телефон, сэр. Его лишь выделили мне...

Мак позвонил в кабинет Фортунато:

— Это Мак МакКаллам перезванивает... Да, мэм... В пятницу?.. Сколько гостей?.. Нет, мэм. Можете ему передать, что тут какая-то неразбериха с этой поставкой. Ему придется переговорить с начальником отдела снабжения, но нет, сейчас доставить во дворец никак не получается... Может быть, когда мы вернемся из Ботсваны, тогда да, мэм.

* * *

Дверь в спальню доктора Флойда Чарлза была закрыта. В соседней комнате Бизон заметил Циона, тот сидел перед компьютером, опустив голову на сложенные на столе руки.

— Как вы себя чувствуете, Цион?

— Кэмерон! Заходи. У меня просто глаза устали.

— Вы молились?

Рабби устало улыбнулся:

— Не отрываясь от работы. У нас ведь иначе не получается. А у тебя как дела, дружище? Все еще беспокоишься из-за твоего тестя?

— Ага, но я хочу с ним поговорить. А вы Дока сегодня не видели?

— Обычно мы с ним завтракаем рано утром. Но сегодня я ел без него. Я не слышал, чтобы он спускался в подвал, но, честно говоря, я об этом даже не задумался, потому что писал. Мы понятия не имеем, Кэмерон, сколько может продлиться затишье между пятым и шестым бедствиями. Я пытаюсь понять, где в видениях Иоанна реальность, а где — иносказание. Ты же знаешь...

— Простите, доктор Бен-Иегуда. Я с радостью это выслушаю...

— Конечно-конечно. Тебе сейчас нужно найти Флойда. Мы поговорим позже.

— Я не хотел показаться грубым.

— Не нужно извиняться, Кэмерон. Беги. Мы еще успеем поговорить. Возвращайся, когда я тебе понадобится.

Бизон все никак не мог привыкнуть к тому, что живет под одной крышей с человеком, чьи ежедневные послания дают надежду миллионам верующих по всему миру. Хотя Цион всегда был рядом, когда он был слишком уставшим или слишком загруженным работой, обитателям убежища приходилось скачивать его сообщения из Сети. Но главное — Цион относился к своим открытиям с таким же восторгом, как и его читатели. Он

работал все утро и большую часть дня, чтобы выложить их в Сеть не позднее чем к началу вечера. Переводчики-энтузиасты из разных концов света переводили его тексты на свои родные языки. Другие верующие, знакомые с программированием, тратили свое время на то, чтобы систематизировать изложенную им информацию и сделать ее более доступной для новых читателей.

Когда Цион делал какое-нибудь очередное открытие, Бизон слышал его радостные возгласы и знал, что сейчас он выйдет на лестницу и обратится ко всем.

— Послушайте меня, — восклицал Цион, — вы все, кто может меня слышать!

Благодаря знанию библейских языков его толкования были толкованиями самого проницательного из исследователей Библии.

Бизону не терпелось поскорей услышать, что же выяснил Цион о предсказанном шестом бедствии. Но гораздо сильнее он волновался о Доке. Бизон постучал в дверь спальни — сначала тихонько, потом погромче. Затем он повернул ручку и вошел. Был ясный день, и весеннее солнце стояло уже высоко. Но в комнате было темно. Доктор Чарлз лежал в постели. И не шевелился.

* * *

— В пятницу летим в Африку, — сказал Мак. — Фортунато согласился на личную встречу с Мвангати Нгумо. Причем сам Нгу-

мо думает, что встречается с Николае. Наверное, все ждет, когда же Карпати выполнит свои обещания.

Энни Кристофер фыркнула:

— Представляю, что должен был пообещать ему потентат, чтобы он отказался от поста Генерального Секретаря.

— Вот в пятницу и узнаем. По крайней мере, я узнаю.

Энни удивленно посмотрела на Мака:

— Они разрешают вам присутствовать на переговорах?

Мак бросил взгляд на Давида:

— Ты ей не сказал?

— Скажи сам, — откликнулся Давид.

Они с Давидом вышли из кабинета вслед за Маком.

— Я буду называть вас капитаном или мистером МакКалламом даже наедине, — сказала Энни. — Можете и дальше трогать мою метку или целовать меня в лоб. Но я хотела бы, чтобы самым формальным вашим обращением ко мне было обращение «сестра».

— Я не согласен, — возразил Мак. — Мне проще обращаться к вам формально, чтобы случайно не оговориться на людях.

Энни вслед за ним вошла в кабину.

* * *

— Док? — тихо произнес Бизон, подходя к кровати. Доктор не шелохнулся. Бизону не хотелось бы его напугать.

Решив, что электрический свет не так ударит по глазам, как солнце, Бизон щелкнул выключателем. И вздохнул с облегчением. По крайней мере, Флойд дышал. Может, он просто не мог уснуть ночью, а к утру его сморило? Затем Флойд застонал и повернулся на бок.

— Как ты, Док? — окликнул его Бизон.

Флойд с растерянным видом приподнялся.

— Этого я и боялся, — сказал он.

— Извини меня, — начал Бизон. — Я просто...

Флойд сбросил одеяло. Он сидел на краю кровати в длинном махровом халате, из-под которого виднелась фланелевая рубашка, джинсы и ботинки. И вся эта одежда была пропитана потом.

— Неужели ночью было так холодно? — удивился Бизон.

— Ты не откроешь шторы?

Флойд закрыл глаза, когда в комнату ворвался яркий солнечный свет.

— Что с тобой случилось, Флойд?

— Твоя машина в порядке?

— Конечно.

— Отвези меня в больницу Янга. У меня глаза еще желтые?

Бизон наклонился к нему.

— Ох, Флойд, — сказал он. — Лучше бы они были желтыми.

— Покраснели?

— Это слабо сказано.

— Белого совсем не видно?

Бизон покачал головой.

— Мне очень плохо, Бизон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Давид, Мак и Энни Кристофер сидели в роскошном салоне «кондора» в двадцати футах позади кабины.

— То есть, — сказала Энни, — с помощью этой-как-ее-там интеркомовской штучки...

— Интеркомовский жучок с обратной связью, — поправил ее Мак.

— ...можно слышать все, что происходит в самолете?

Мак кивнул.

— В гостиной, салоне, спальном отсеке, туалетах... короче, везде.

— Потрясающе.

— Круто, правда?

— Потрясающе, что вас еще не поймали.

— Ты шутишь? Вот они эту штучку находят, и что? Я ничего не знаю... ничего не видел. Я вообще ни при чем. Рэйфорд мне о ней не рассказывал, а я ее не находил. Его и

так уже считают предателем. И никто из нас не знает, где он, верно?

Энни подошла к дивану у полированного деревянного столика.

— А здесь большая шишка смотрит телевизор?

Давид кивнул.

Она повернулась к Маку с таким видом, словно ей только что пришла в голову новая мысль.

— А вам не стыдно лгать?

Мак покачал головой.

— Антихристу, что ли? Я лгу ему всей своей жизнью. Если бы он догадался, меня бы запытали до смерти. Если бы он решил, что я знаю, где Рэйфорд, или дочка Рэя, или его зять, я был бы уже трупом.

— Цель оправдывает средства? — уточнила Энни.

Мак пожал плечами:

— Я же сплю по ночам. Что еще можно сказать?

— Теперь и я буду спать крепче, — ответила Энни, — зная, что Карпати у вас под колпаком.

— По крайней мере, когда он на борту. Но Леона подслушивать еще веселее. Это что-то с чем-то.

— Жаль, что я не могу лететь с вами, — посетовала Энни.

— Я тоже, — добавил Давид. — Но если не сидеть в кабине, все равно ничего не услышишь. Кстати, Мак, тебя все еще беспокоит твой второй пилот?

— Уже нет. Его продвинули. Теперь он будет пилотом Верховного Чвантифика.

Энни рассмеялась:

— Шикарно! А я вечно не могу запомнить его титул. Его превосходительство первосвященник Петр Второй, да?

Мак пожал плечами.

— Я называю его просто Пит.

— Вы бы видели самолет, который он себе заказал, — сказал Давид. — Николае и Леон превзошли самих себя.

— Лучше этого? — удивился Мак.

— Гораздо лучше. В полтора раза больше и в два раза дороже. Принадлежал какому-то шейху. Через неделю доставят.

— И они одобрили?

— Они заплатили, — ответил Давид, — а он пусть теперь отрабатывает. Его новый пилот хоть сможет управлять этой штукой?

— Он может управлять чем угодно, — сказал Мак. — Мне он нравился. Светлая голова. Но предан Карпати до глубины души. Мне так хотелось его убедить... ну, ты понимаешь, поговорить с ним... но я побоялся себя выдать. К нему уже пытался подкатиться один верующий из сектора С.

— Из техобслуживания? — вмешалась Энни. — А я не знала, что там есть верующие.

— Уже нет. Он донес на этого парня. И на меня бы тоже донес. Господу придется достучаться до него каким-нибудь другим способом.

Давид встал и провел пальцами по подставке широкоэкранный телевизора. Он

включил его и приглушил звук; передавали программу новостей.

— Потрясающее качество приема в металлическом здании, — заметил он.

— Меня уже ничто не удивляет, — откликнулся Мак. — Сделай погромче.

Большинство сюжетов в новостях были посвящены достижениям Карпати. На экране появился сам потентат, как всегда, излучающий уверенность и обаяние. Он благодарил каких-то местных политиков и со скромным видом принимал поздравления по случаю завершения очередного строительства. «Для меня большая честь служить каждому из членов Мирового Сообщества», — сказал он.

— А вон ты, Мак! — Давид указал на маленькую фигурку пилота на заднем плане, в то время как Карпати посещал с визитом очередную облагодетельствованную им страну бывшего третьего мира. — А это новый пилот Питера. Ты уже нашел верующего ему на замену?

— Если сможешь протащить его через отдел кадров.

— Я его знаю?

— Он иорданец. Бывший военный летчик. Абдулла Смит.

* * *

«Лендровер» Бизона мчался по направлению к Палатину. Флloyd Чарлз лежал на заднем сиденье.

— Что с тобой, Док? — спросил Бизон.

— Я дурак, вот и все, — ответил Флloyd. Он поднялся и сел позади Бизона. — Я давно замечал симптомы, но убеждал себя, что мне это просто мерещится. Когда начало падать зрение, надо было сразу обратиться в Центр по контролю заболеваний. А теперь уже поздно.

— Я тебя не понимаю.

— Скажем так, я выяснил, что чуть не угробило Хэтти. Я как-то умудрился заразиться от нее. Говоря по-простому, это что-то вроде яда, который действует не сразу. Накапливается в организме месяцами. А когда начинает действовать, ты покойник. Если это случилось со мной, то ничего уже не поделаешь. Я пытался бороться с симптомами, но это бесполезно.

— Не говори так, — возразил ему Бизон. — Если Хэтти выжила, то чем ты хуже?

— За ней постоянно ухаживали на протяжении нескольких месяцев.

— Мы будем молиться. А у Лии Роуз есть все, что нужно.

— Слишком поздно. Я идиот. Врачи — худшие пациенты.

— А остальным что, грозит то же самое?

— Нет. Если у вас до сих пор нет симптомов, значит, вы здоровы. А я, наверное, подцепил это, когда у нее случился выкидыш.

— А Лия не заразилась?

— Надеюсь, что нет.

Телефон Бизона запищал.

— Где ты? — спросила Хлоя.

— Еду по делу с Флойдом. Не хотел тебя тревожить.

— Меня тревожит то, что ты уехал, а я понятия не имею куда. Какие могут быть дела средь бела дня? И папа расстроен. Он собирался сегодня встретиться с Ти на аэродроме.

— Пусть возьмет машину Кена.

— Она слишком заметная, но дело не в этом. Никто не знает, куда вы поехали. Цион волнуется.

Бизон вздохнул.

— Флойд заболел, и мы не могли терять время. Мы едем в больницу Янга. Я буду на связи.

— Что с...

— Позже, милая. Ладно?

Она помолчала.

— Будьте осторожны, и передай Флойду, что мы будем за него молиться.

* * *

— Нас не должны видеть вместе, — сказал Мак, и Давид с Энни кивнули. — Не считая тех случаев, когда это необходимо. Кто-нибудь знает, что вы сейчас здесь?

Энни покачала головой.

— Но в десять мне надо будет уйти на совещание.

— Зато я совершенно свободен, — сказал Давид. — Но если вы еще не заметили, тут нормальных рабочих дней не бывает.

Не представляю, когда Карпати вообще спит.

— Мне хотелось бы выслушать ваши истории, Давид, — предложил Мак. — Я знаю, что у тебя родня в Израиле. А ты откуда, Энни?

— Из Канады. Я летела сюда из Монреаля, когда случилось землетрясение. Вся моя семья погибла.

— Ты еще не была верующей?

Она кивнула.

— Кажется, я и в церкви-то появлялась только на свадьбах и похоронах. Мы вроде и атеистами не были, но в церковь не ходили. Называли себя агностиками. Это не так радикально звучит. Мы были очень дружной семьей. Многие верующие, которых я знала, не были и вполовину такими хорошими людьми, как мои близкие.

— Но о Боге ты не задумывалась?

— Начала задумываться после исчезновения, но мы сразу же стали большими поклонниками Карпати. Он казался таким здравомыслящим, нес людям добро, любовь и мир. Я попыталась устроиться работать в ООН, когда они сменили название и объявили о переносе своей штаб-квартиры. Когда меня приняли, я была так счастлива! И вся моя семья радовалась за меня.

— А что случилось потом?

— Они погибли — вот что случилось. Я ужасно горевала. Конечно, я и раньше за них боялась. Некоторые из моих знакомых исчезли, другие погибли потом. Но мне еще не приходилось терять по-настоящему

близких людей. А потом мои мама и папа, и младшие братья, и половина города погибли под завалами, пока я, такая счастливая, летела на Восток. Нас завернули, и мы сели в Багдадском аэропорту посреди пустыни, и я видела, как садятся другие самолеты. Штаб-квартира Мирового Сообщества была разрушена, но в конце концов мне удалось найти их подземный бункер, и я увидела в новостях развалины моего города. Я была в жуткой депрессии, плакала, молилась сама не зная кому, упрашивала связистов, чтобы они выяснили хоть что-нибудь о судьбе моих близких. Но они так долго копались, что я сама стала искать информацию в Интернете. Отыскала нескольких своих знакомых в списках погибших. На букву «к» я даже боялась смотреть, но не смогла удержаться. — Энни закусила губу.

— Ты можешь не рассказывать, если...

— Я хочу рассказать, мистер МакКаллам. Мне кажется, все это было только вчера. Я смотрела списки пропавших без вести, искала сообщения о поминальных службах, об опознании тел. Но это было запрещено. Все останки сожгли, чтобы предотвратить эпидемии. Даже соболезнования выразить было некому. Я хотела покончить с собой.

Давид положил руку ей на плечо.

— Расскажи, что ты нашла в Сети.

— Вы, наверное, уже догадались. — Энни взглянула на Мака заплаканными глазами. Тот кивнул. — Сначала я увидела опро-

вержения посланий доктора Бен-Иегуды, которые он публиковал из своего убежища. А его сайт я нашла уже позже. Когда люди из Мирового Сообщества заявили, что просто зайти на его сайт — это уже преступление, я не могла удержаться, чтобы не заглянуть туда. Я все еще была предана Карпати, но он ведь сам выступал за свободу совести, по крайней мере на словах. Все связанное с религией меня пугало. Я никогда раньше не задумывалась о Боге. Теперь я жалею об этом. Ведь, кроме Него, у меня никого не осталось.

— И тогда ты нашла Циона.

— Нашла его страницу в Интернете. Я глазам своим не верила. Число в углу экрана — вы же наверняка его видели, оно означает, сколько людей заходят на сайт каждую секунду. Сначала я решила, что это ложь, что число не может быть таким огромным, но потом поняла, что именно поэтому Мировое Сообщество пытается писать опровержения. Они, видимо, поняли, что такое безумное количество посетителей — это серьезно. Я ползала по сайту и прочитала последнее сообщение Бен-Иегуды. Я вспомнила, что уже слышала о нем, когда он объявил по телевизору об обращении в христианство. Но тогда это не произвело на меня особого впечатления. И я не очень поняла то, что он в тот день написал в Сети. Для меня это была какая-то заумная религиозная фигня, но мне понравился его тон. Мне показалось, будто он сидит рядом со мной и пытается объяснить, что происходит вокруг и чего ожидать.

Я чувствовала, что, если задам ему вопрос, он мне ответит. Потом я увидела на сайте архив. Я подумала: «У них уже есть архив?!» Ну, то есть неужели этот сайт висит в Сети так долго? Я стала листать оглавление, и меня поразило, что доктор Бен-Иегуда уже столько времени выкладывает свои сообщения изо дня в день. А когда я нашла его пост под названием «Ко всем, кто скорбит», мне чуть плохо не стало. Меня бросило сначала в жар, а потом в холод. Я заперла дверь и надеялась лишь на то, что начальство не мониторит сейчас мой компьютер. У меня в жизни еще не было такого сильного ощущения, будто я знаю, что сейчас должно произойти. Я знала, что в этом сообщении есть что-то очень важное для меня. Я распечатала текст и носила его с собой несколько месяцев, пока не познакомилась с Давидом и он не предупредил меня, что мне не поздоровится, если у меня найдут этот листок. Тогда я выучила сообщение и сожгла его.

Мак взглянул на нее с недоумением:

— Ты выучила сообщение Бен-Иегуды наизусть?

— Почти дословно. Хотите, процитирую начало?

— Давай.

— Он написал: «Дорогие друзья, возможно, вы сейчас оплакиваете потерю ваших близких, которые исчезли во время Восхищения или погибли из-за его последствий. Я всем сердцем желаю, чтобы Господь помог вам утешиться. Я на собственном опыте знаю,

что такое трагическая гибель самых дорогих и любимых людей. Но позвольте сказать вам одну вещь: если бы ваши близкие могли вернуться к вам, они посоветовали бы вам сделать все возможное, чтобы, когда придет ваш смертный час, вы были к нему готовы. И для этого есть только один способ...»

Давид заметил, что Мак глубоко тронут.

— Доктор Бен-Иегуда так просто и понятно писал про Бога, Иисуса, Восхищение и период Скорби, что мне отчаянно захотелось поверить. Я почитала более ранние послания и убедилась, что он был прав насчет всех этих библейских пророчеств. Он предсказал все бедствия и ни разу не ошибся.

Мак с улыбкой кивнул.

— Ну конечно, — добавила Энни, — вы все это уже знаете. Я снова полезла в архив и стала читать, как молиться, как каяться в своих грехах и как сказать Господу, что Он мне нужен. Я лежала ничком на кровати и молилась. Я знала, что нашла правду, но понятия не имела, что делать дальше. Я весь день и всю ночь, до самого утра, читала этот сайт. Я вскоре поняла, почему Мировое Сообщество пытается опровергать сообщения доктора Бен-Иегуды. Он никогда не называл имени Николае, но было ясно, что новый мировой порядок враждебен Господу. Я мало что знала об Антихристе, но поняла, что среди сотрудников Мирового Сообщества таких, как я, должно быть очень мало. Я оказалась в логове врага, и здесь я стала верующей.

— И тут появился я, — вмешался Давид. — Она решила, что я за ней ухлестываю.

— Не лезь вперед, — сказала ему Энни. — Когда я в следующий раз вышла из комнаты, мне было очень страшно — я боялась, что люди поймут, что я верующая. Мне казалось, любой, с кем я ни заговорю, сразу заметит, что у меня есть какая-то тайна. Мне самой хотелось с кем-то поделиться, но я никого здесь не знала. Я приехала в самый разгар хаоса, мне выделили комнату, выдали форму и приписали к отделу связи. Я была слишком незначительным сотрудником в сравнении с Давидом, но я заметила, как он смотрел на меня. Сначала он казался взволнованным, а потом улыбнулся.

— Он увидел твою метку, — пояснил Мак.

— Ну да, но я еще не все поучения Циона прочитала и ничего не знала об этом. Короче, Давид передал мне через других людей, что хочет со мной встретиться. Я спросила: «Лично, что ли?» А как только я вошла сюда и дверь закрылась, он сказал: «Ты верующая!» Я перепугалась до смерти. Я стала возражать: «Нет... А во что, по-вашему, я должна верить?» Он сказал: «Не ври! У тебя же на лице написано!» Я подумала, что он просто пытается подловить меня на слове, и продолжила все отрицать. И тогда он сказал: «Если откажешься от Иисуса еще один раз, будешь совсем как Петр. Так что жди петушиного крика». Я вообще не въехала, о чем он говорит. Я не знала, что святой Петр был апостолом, и понятия не имела, что он трижды отрекся от

Христа. Так что я подумала, что Давид просто угадал мой секрет и приплел какого-то неизвестного мне человека по имени Петр, а про петушиный крик и вовсе не поняла. Но я все равно не смогла удержаться и сказала ему, что не отказываюсь от Христа. «А что же ты тогда делаешь?» — спросил он. Я ответила: «Пытаюсь спасти свою жизнь». И тогда он сказал мне: «Добро пожаловать в клуб. Я тоже верующий». — «Но как вы догадались?» — удивилась я. Он ответил: «Так ведь это написано у тебя на лице». Я продолжала расспрашивать, и он сказал: «В буквальном смысле. Бог поставил метку у тебя на лбу». И вот тогда я поняла, что жизнь моя висит на волоске.

* * *

Как только Бизон и Флойд Чарлз вошли в больницу Янга, молоденькая регистраторша воскликнула:

— Миз Роуз, ваши друзья приехали!

— Не кричите так! — одернула ее Лия, выбегая из кабинета. — Джентльмены, я не уверена, что сегодня смогу вам помочь. Что случилось?

Флойд шепотом рассказал ей, что произошло.

— Господи, спаси нас, — сказала она. — Сюда. Везите его.

— А у вас нет симптомов? — спросил ее Док.

Она молча покачала головой. Бизон ухватился за ручки инвалидного кресла и повез Флойда вслед за Лией. Она провела их мимо небольшого пандуса, ведущего к лифтам для посетителей, и свернула за угол к служебному лифту. Чтобы открыть дверь лифта, ей понадобился ключ из большой связки.

— Если кого-то увидите, закройте лицо, — сказала она. — Не хватало еще, чтобы о вашей болезни узнали.

— Ага, никто о ней узнать не должен, — буркнул Бизон.

Она окинула его возмущенным взглядом.

— Вы прекрасно знаете, что такое риск, мистер Уильямс, и я была бы очень благодарна, если бы вы не стали недооценивать опасность, которой подвергаюсь я.

— Простите.

Они въехали в лифт, и двери закрылись. Лия снова вставила ключ в скважину и нажала кнопку шестого этажа.

— Не знаю, поможет ли, — посетовала она. — В тех лифтах можно повернуть ключ, и тогда лифт не станет останавливаться на промежуточных этажах.

Не помогло. Кабина остановилась на втором. Бизон сразу же склонился над Доком и сделал вид, будто с ним разговаривает. Так он смог загородить его лицо от людей, ожидавших лифта.

— Простите, — сказала им Лия. — У нас срочный случай.

— Вот черт! — воскликнул кто-то.

Похожая ситуация повторилась и на пятом этаже, но там реакция была даже более бурной.

— Нехорошо получилось, — заметила Лия, когда двери снова закрылись. — Приготовьтесь, мы можем с кем-нибудь столкнуться в коридоре. Выйдя из лифта, сворачивайте налево.

К счастью, им удалось добраться до пустого кабинета незамеченными. Лия закрыла дверь, заперла ее на ключ и опустила шторы.

— Уложите его на кушетку, — велела она Бизону, — и снимите с него эту влажную одежду. Вы что, в ней спали, доктор?

Док кивнул, он выглядел совсем изможденным.

Бизон не мог смотреть на налитые кровью белки его глаз.

— Что с ним, Лия?

Не ответив, она вытащила из шкафчика халат и бросила ему.

— Если ему надо в туалет, пусть идет прямо сейчас. Вряд ли он теперь встанет с этой кровати.

— А когда сможет встать? — уточнил Бизон.

— Никогда, — пробормотал Док. — Она знает, что это.

Лия нажала клавишу громкой связи на висевшем на стене телефоне.

— Из ЦКЗ вчера привезли антивенин. Принесите мне две ампулы в шесть тысяч двести четвертую.

— Срочно? — спросила девушка из регистратуры.

Лия поморщилась.

— Да, срочно! — ответила она. — Прямо сейчас.

— Вам тут звонили.

— Вы думаете, у меня есть время на звонки? Сами же сказали — срочно. Так что можете поторопиться?

— Ладно, — ответила регистратор. — Но если что, я вас предупредила.

Лия ухватила Бизона за рукав и подтащила его к кушетке.

— Мне нужно задать ему пару вопросов. Когда эта девушка постучит, возьмите у нее лекарство и закройте дверь.

Тот кивнул.

— А теперь, доктор, — сказала она, — ответьте: когда вы заметили первые симптомы?

— Довольно давно, — пробормотал Док.

— Это плохо. А точнее?

— Я дурак.

— Мы знаем. Сколько времени прошло после того выкидыша?

— Наверное, месяцев шесть.

— И вы ничего не сделали?

Он покачал головой.

— Просто понадеялся на лучшее.

— Надежда вам не поможет.

— Именно этого я и боялся.

— Вы знаете, что самое действенное лекарство, которое можно использовать в качестве антидота, — это антивенин, но неизвестно...

— Все равно уже слишком поздно.

Лия взглянула на Бизона и кивнула.

— Он прав, — сказала она. — Антивенин даже предсмертные страдания ему не облегчит.

— Что вы такое говорите? — воскликнул Бизон. — У него что, нет ни единого шанса?

Док покачал головой и закрыл глаза.

— Даже если мы дадим ему максимальную дозу антивенина, это все равно что плевать против ветра, — ответила Лия. — Вы еще что-то видите, доктор?

— Почти ничего.

Лия поджала губы.

В дверь постучали. Бизон открыл и потянулся за лекарством, но девушка отшатнулась. Он кинулся вперед и выхватил ампулы у нее из рук.

— Миз Роуз, — позвала она. — Вам из Мирового Сообщества звонили!

Бизон начал закрывать дверь, но Лия проскочила мимо него и крикнула девушке вслед:

— Откуда именно?

— Кажется, из Висконсина.

— Что вы им сказали?

— Что у вас пациент и вы заняты.

— Но вы же не сказали им, кто он?

— Я все равно его не знаю. Знаю только, что он тоже врач.

— Вы им этого не сказали?

— А надо было?

— Подождите немного.

— Простите, мне надо идти.

— Всего одну секунду.

Лия вернулась и торопливо наполнила два шприца. Она вколола их Флойду в бедро, а он даже не поморщился.

— Позови ее сюда, — велела Лия Бизону.

Он выглянул в коридор и помахал девушке. Она медленно подошла.

— Входите! — сказал ей Бизон. — Никто вас не укусит.

Как только она заглянула в палату, Лия сказала ей:

— Можете очень быстро принести мне мою сумку?

— Да, но...

— Срочно, милая. Очень срочно!

Девушка убежала.

— Что происходит? — удивился Бизон.

— Заводите машину и подъезжайте к задней стороне здания. Там есть запасной выход, и я туда подойду.

— Но если он умирает, как можно?..

Лия схватила его за руку.

— Мистер Уильямс, мы с доктором Чарлзом не просто поговорили. Этот человек может умереть в любое мгновение. Если вы хотите сами похоронить его, или кремировать, или сделать еще что-нибудь, а не бросать его здесь, то я доставлю его к запасному выходу. Вам отделение Мирового Сообщества в Висконсине ни о чем не напоминает? Вы помните, что он работал там? Оттуда он ушел. И все это время они разыскивали его, зная, что он где-то рядом и может когда-нибудь объявиться. Они не знают, что он был здесь,

потому что я им солгала. Но если они его здесь найдут, живого или мертвого, у нас у всех будут большие неприятности. Так что быстрее!

— Есть хоть какая-то вероятность, что его можно спасти?

— Идите за машиной.

— Просто скажите, что для него лучше — остаться здесь или...

Лия в отчаянии зашептала:

— Он умирает. Это всего лишь вопрос времени. Где он умрет, не важно. Все, что я могла для него сделать, я уже сделала. Но если его здесь найдут, это худшее, что может случиться.

* * *

Мак посмотрел на часы.

— У нас еще осталось немного времени, так что теперь, ребята, можете рассказать мне о том, как вы стали парой.

— Мне кажется, вы уже слышали достаточно подробностей, капитан.

— Да ладно вам! Я же старый романтик.

— Это было непросто, — ответил Давид. — Естественно, мне пришлось прятать ее от тебя и Рэйфорда.

— Ага, а зачем?

— В то время мы оба считали, что чем меньше народу будет в курсе, тем лучше.

— Но нам так нужны были соратники.

— Я знаю, — сказал Давид. — Но для нас обоих это было внове, и мы еще не знали, кому можно доверять.

— Если ты и сомневался в Рэе или во мне, то никогда этого не показывал.

— Я старался, поверь. Но ты представь — сейчас большие шишки просто-напросто не видят наших меток, ну а если бы они специально стали искать людей, у которых этих меток нет?

— Тогда нам было бы не спрятаться, ребята.

* * *

Бизон спустился на лифте на первый этаж и только тут понял, что ему придется пройти мимо регистратуры. Не хватало еще, чтобы та девушка увидела его «лендровер». Он уже собрался устроить какой-нибудь переполох, чтобы отвлечь ее внимание, но, вбежав в фойе, обнаружил на ее месте полную пожилую женщину. Ну конечно! Молоденькая регистраторша побежала за сумкой Лии. Лия сама нашла способ отвлечь ее.

Бизон помчался к машине. Уже сворачивая за угол, он заметил, что толстая тетка стоит у окна и смотрит прямо на него. Оставалось надеяться, что это не девушка попросила ее проверить, на какой машине он приехал.

Бизон затормозил на асфальтированном пяточке у запасного выхода. Он выскочил из «лендровера» и открыл дверь перед Лией, которая, с сумкой через пле-

чо, толкала перед собой каталку с Флойдом Чарлзом, с головой накрытым простыней.

— Он что, уже умер?! — ахнул Бизон.

— Нет! Но благодаря этому его никто не узнал.

— Кроме вашей регистраторши.

Бизон опустил заднее сиденье, и Лия вкатила туда складную койку целиком.

— Вы что, решили украсть эту штуку? — удивился Бизон.

— То, что я положила себе в сумку, стоит гораздо больше этой несчастной каталки, — огрызнулась она. — Вы собираетесь меня стыдить или против Мирового Сообщества бороться?

— Меня абсолютно не привлекает ни то ни другое, — ответил Бизон, усаживаясь за руль. — Но мы ведь уже влипли, правда?

— Не знаю, как насчет вас, Уильямс, но я влипла по самые уши. Эту больницу давно уже финансирует Мировое Сообщество. Как, по-вашему, долго я смогу работать на Карпати, когда откажусь принять метку зверя? Лучше уж я умру, чем приму ее.

— Причем в буквальном смысле, — буркнул Бизон.

— Так вот, я только что похитила у нашего противника каталку и лекарства. Если вас это не устраивает, ничем помочь не могу. Меня устраивает. Это война. А на ней, как говорится, все позволено.

— Не могу не согласиться. Но... э... куда мне вас везти?

— А вы как думаете? Сворачивайте налево, и я покажу вам объездной путь. Тогда вас никто не увидит с фасада.

— А потом куда?

— Ко мне домой.

— А если Мировое Сообщество уже там?

— Тогда поедем дальше.

— Но если их там нет, вы попытаетесь вылечить Флойда?

— Подумайте сами, мистер Уил...

— Давай обойдемся без мистеров, Лия. Ты только что засунула ко мне в машину умирающего друга, так что хотя бы объясни, что ты задумала.

— Хорошо, — согласилась она. — Если мы доедем до моей квартиры раньше, чем Мировое Сообщество, я заберу столько вещей, сколько успею собрать за минуту. Ты знаешь, что они поедут ко мне сразу же, как только обнаружат, что меня нет в больнице.

— А потом куда тебя везти?

— А где ты живешь?

— Где я живу?!

— Вот именно, Бизон. Мне нужно будет исчезнуть. Ты и твои друзья — единственные люди, у которых есть где спрятаться.

— Но мы никому не рассказываем, где...

— Придется рассказать. Если ты считаешь, что после всего, что мы пережили, не можешь мне доверять, то кому еще ты можешь довериться? Я помогла тебе с тем вашим пилотом, Ритцем. И я помогла Доку, когда та женщина скинула уж не знаю чьего ребенка. Кстати, как она?

— Ей лучше.

— Ирония судьбы. Док помог ей справиться с ядом, а теперь сам же от него умирает.

— А Ритц уже мертв.

— Мертв?

— Погиб в Израиле. Долго рассказывать.

Лия умолкла. Она показывала, куда сворачивать, а Бизон так сжимал и дергал рычаг переключения передач, что у него заныла рука.

— Мне нравился этот парень, — наконец выдавила она.

— Нам всем он нравился. Мы ненавидим все, что сейчас происходит, до глубины души.

— Но вы меня в это втянули, ковбой. Ты сам хоть это понимаешь?

— Я не могу один принять такое решение.

Лия окинула его гневным взглядом:

— А что ты собираешься делать? Оставить меня на улице с завязанными глазами, пока ты и твои товарищи будете решать вопрос голосованием? Вы все в долгу передо мной, и ты это прекрасно знаешь. Я вам не навязывалась. Но ради вас я рисковала своей жизнью, а теперь мне больше не к кому пойти.

У Дока началась агония. Бизон услышал, как он тяжело, со вхлипами задышал.

— Остановиться?

— Нет, — сказала Лия. — Все, что я могу сделать, — это вколоть ему морфий.

— А он поможет?

— Уменьшит боль и, может, вырубит его перед смертью.

— Дайте хоть что-нибудь! — с мукой в голосе закричал Флойд.

Лия начала рыться в сумке. Бизон невольно притормозил, поглядывая на нее. Это ужасно. Флойд умирает, пока он, Бизон, гонит машину! Не будет прощаний, молитв, утешающих слов. Бизону казалось, что он так мало знает этого человека, хотя и прожил с ним больше года под одной крышей.

— Следи за дорогой, — сказала Лия. — Морфий его успокоит, но живым из этой машины ему все равно не выйти.

У Бизона сдавило горло. Ему хотелось позвонить Хлое, рассказать всем остальным, что происходит. Но что он мог сказать по телефону? «Док умирает, и я везу к нам медсестру?» Лучше уж поставить их перед фактом и просто привезти в убежище Лию и тело Флойда. Другого выхода Бизон не видел.

Вокруг дома Лии скопились машины Мирового Сообщества. После инъекции морфия Флойд затих. Лия скорчилась на полу под приборной доской, и Бизон проехал мимо ее дома. Он направился к Маунт-Проспект, надеясь, что Флойду посчастливится хотя бы умереть в своей постели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Поздним вечером Давид Хассид проводил Мака МакКаллама в его квартиру в жилом крыле дворца Мирового Сообщества.

— Есть одна вещь, которую я даже Энни не рассказал, — признался он.

— Я понял, что ты хочешь что-то мне сообщить, парень. Иначе ты ведь пошел бы ее провожать, а не меня, так ведь?

— Мы стараемся не появляться вместе на людях. Я даже не знаю, закончилось ли ее совещание.

— Так в чем же дело? — спросил Мак, когда они остановились в коридоре у двери.

— Ты знаешь, что я попал в рабочую группу, которая обслуживает систему защиты от прослушивания?

— Ага, и как же тебе это удалось?

— Да я Леону все уши прожужжал о том, как важно обеспечить полную защиту.

Я строил из себя пламенного энтузиаста, и все поверили. Ты о самой системе слышал?

Мак кивнул.

— Лучшая в истории и все такое.

— Ну да, но она требует постоянного мониторинга.

— Естественно.

— Я вызвался сам, и на меня с радостью свалили эту работу.

— Продолжай, я внимательно слушаю.

— Я тоже.

— Что?!

— Я мониторию все устройства, защищающие от прослушки, в кабинетах Карпати и Фортунато.

— Ну.

— Я должен выявлять любые попытки прослушивания. Но главный слухач — это я и есть. И по ходу дела я слушаю все, что хочу и когда хочу.

Мак покачал головой:

— Лучше бы я этого не знал. Давид, ты же сидишь на бочке с порохом!

— Как будто я не знаю. Но меня невозможно поймать.

— Ты уверен?

— С одной стороны, все это делается очень просто. С другой — это чудо современной техники. Вся информация записывается на крохотный диск, встроенный в центральный процессор компьютера, который управляет буквально всем в Новом Вавилоне.

— Того компьютера, который люди прозвали Зверем?

— Ну да, потому что в нем собраны сведения о каждой живой душе. Но мы-то знаем, что Зверь — далеко не машина.

Мак развел руками и прислонился к стене.

— Главное, что я знаю о шпионской работе, — это что ни в коем случае нельзя хранить информацию на твердых носителях. Рано или поздно они могут попасть не в те руки.

— Я в курсе, — сказал Давид. — Хочешь, я расскажу тебе, как я эту информацию защищаю?

Мак огляделся по сторонам.

— Ты уверен, что это безопасно?

— Эй! Я же сам этим занимаюсь. То, что мы тут скажем, может записаться на диск, но никто никогда этого не услышит. Я и сам не услышу, если не захочу. А если захочу, запись будет отсортирована по дате, времени и месту. И качество воспроизведения будет идеальным.

Мак присвистнул.

— Но кто-то ведь должен был сконструировать эту штуковину для тебя.

— Вот именно.

— Кто-то, кому ты полностью доверяешь.

— Этот человек сейчас стоит перед тобой.

— Ну и как ты можешь быть уверен, что никто никогда ее не найдет?

— В этом я не уверен. Но считать оттуда информацию они не смогут. Диск в диаметре чуть меньше дюйма, а благодаря технологии суперсжатия на него можно круглосуточ-

но записывать разговоры в течение почти десяти лет. Нам так много и не надо, правда ведь?

Мак покачал головой:

— Но ведь компьютер постоянно проверяют.

— Проверяют. Но ничего не найдут.

— А если все-таки найдут?

Давид пожал плечами.

— Допустим, меня заподозрят и станут искать мои жучки. Их найдут, отслежат путь до процессора, разберут весь компьютер и увидят там диск. Но вся информация так хорошо зашифрована, что, если они будут подбирать код со скоростью десять тысяч цифр в секунду, им и тысячи лет будет мало. Ты же знаешь, чтобы подобрать пятнадцатизначное число, нужно перебрать триллионы комбинаций, хотя теоретически это возможно. А как ты подберешь число, состоящее из трех сотен миллионов разрядов?

Мак потер глаза.

— Я для этого слишком стар. Это у вас, ребяташек, мозги под такое безумие заточены. А как ты сам сможешь считывать данные с диска, если он так круто зашифрован?

Давид оседлал своего конька:

— В этом-то вся и прелесть. Я знаю формулу. Я знаю, как используется число «пи» до миллионного знака после запятой, я знаю, как используются в качестве множителя текущая дата и время с точностью до секунды и как все эти цифры изменяются в зависимости от различных факторов. Число, ко-

торое нужно для расшифровки в это мгновение, через секунду станет уже другим, и его изменения невозможно предугадать. Но даже если кто-то сможет разобраться в этой технологии и ему останется лишь подобрать код, это уже будет чудом. Даже если бы он знал число, ему понадобились бы безумно быстрый компьютер и целый год времени, чтобы ввести его.

— И то, что ты услышал, стоило того, чтобы проделать такую кучу работы?

— Разве эта информация не пригодится Отряду Скорби?

— Но как ты им ее передашь, не подвергнув опасности их или себя?

Давид сполз спиной по стене и уселся на пол.

— Эта информация тоже зашифрована, но, конечно, не так, чтобы им пришлось расшифровывать ее целую вечность. Пока что мы можем общаться и просто по телефону, и по сотовой сети Карпати с использованием кодированных каналов. Кстати, он постоянно требует от меня, чтобы я нашел способ мониторить всех граждан без исключения.

— Для их же собственного блага, несомненно.

— Ну конечно! Потентат всего лишь заботится о нравственности жителей Земли.

— Но, Давид, ведь любую передачу возможно перехватить.

Давид пожал плечами:

— Мне хотелось бы верить, что я могу подслушать что угодно. Но я проверял, как

отслеживают передачу данных мои же подчиненные, и если я не подбрасывал им достаточно подсказок, у них ничего не получалось. Случайное шифрование и кодирование каналов ведутся с такой скоростью, что в сравнении с этим волоконно-оптическая связь кажется медленной, как черепаха... Сейчас в нашем мире уже нет ничего невозможного.

Мак встал и потянулся.

— А ты помнишь, что говорил доктор Бен-Иегуда? Что Сатана станет «князем, господствующим в воздухе»? Вся эта космическая связь и все такое...

— Это пугает меня до дрожи в коленках, — ответил Давид, оставшись сидеть. — Это значит, что я на переднем крае борьбы с ним. Я понятия не имел, на что подписываюсь, когда стал верующим, но я ведь перешел на правильную сторону, так ведь? Теперь уже поздно метаться. Я хожу по тем же коридорам, что и сам Антихрист, и играю в прятки с дьяволом. Пока я осторожен, но как только люди начнут носить метку зверя, все изменится. Тогда здесь не останется ни одного верующего, если только не найдется способ подделать такую метку. Но кто на это пойдет?

— Только не я, — сказал Мак, отпирая дверь. — Тогда нам всем придется разбежаться по убежищам. И я надеюсь оказаться в том же убежище, что и ты.

Давида так тронуло это признание, что он не нашел что ответить.

— В пятницу мы вылетаем, — добавил Мак. — Мне надо выяснить, кто спутался с Леоном и успею ли я привезти сюда Абдуллу.

С каким бы энтузиазмом ни относился Давид к своей роли, ему приходилось жить в постоянном напряжении. Но когда он направился по коридору к своей квартире, его походка была гораздо более легкой.

* * *

Флойд затих. Наверное, морфий подействовал. Примерно в миле от убежища Бизон замедлил ход. Он посмотрел в зеркало заднего вида. Никто не ехал за ними. И тут телефон зазвонил.

— Это Бизон.

— Ты обещал быть на связи, — сказала Хлоя.

— Я почти дома. Буду через пару минут.

— Флойд с тобой?

— Да, но ему очень плохо.

— Мы с Хэтти сменили ему постель и сделали уборку в комнате.

— Отлично. Мне понадобится помощь.

— Как он, Бизон? А ты сам?

— Скоро увидимся, милая.

— Бизон! У вас там все нормально?

— Не сейчас, Хлоя. Через минуту подъеду.

— Ну хорошо, — недовольным голосом ответила она.

Он захлопнул крышку телефона и сунул его в карман. Потом взглянул на Лию:

— Он эту ночь переживет?

— Мне очень жаль, Бизон. Он умер.

Бизон так ударил по тормозам, что его «лендровер» чуть не слетел с дороги.

— Что?!

— Мне очень жаль.

Бизон повернулся назад. Лия накрыла лицо Флойда простыней, но от резкого торможения его тело прижалось к спинке переднего сиденья.

— Да ты хоть знаешь, кто он? — воскликнул Бизон, и в его голосе было столько отчаяния, что ему самому стало страшно.

— Я знаю, что он был хорошим врачом и храбрым человеком.

— Он рисковал своей жизнью, когда рассказал мне, куда агенты Мирового Сообщества забрали Хлою. Сам поехал туда, чтобы помочь ей сбежать. Ухаживал за Хэтти. Спас ей жизнь. Лечил ее после выкидыша. Помог родиться нашему сыну. И никогда не брезговал даже самой тяжелой работой.

— Я соболезную, Бизон.

Бизон сдернул простыню с лица Флойда. В темноте оно было почти не различимо. Бизон включил свет в салоне и отшатнулся при виде застывших в предсмертной агонии черт. Зубы Флойда были оскалены, глаза открыты и все так же налиты кровью.

— О, Док!

Лия порылась в сумке и достала перчатки из латекса. Она осторожно закрыла глаза и рот Флойда, помассировала ему щеки, пока лицо не стало похожим на лицо спящего человека.

— Помоги мне его уложить, — сказала она.

Вместе они подтащили тело повыше, чтобы он лежал в более естественной позе. Затем Бизон медленно двинулся дальше, объезжая рытвины и ухабы.

Проезжая мимо убежища, он увидел, как в окне шевельнулась занавеска и наружу выглянула Хлоя. На руках у нее был Кенни. Бизон свернул за угол, но остановился неподалеку от заднего двора.

— Подожди минутку, — сказал он. — Ты же можешь побыть тут с ним?..

— Иди, — велела ему Лия.

Хлоя придержала дверь одной рукой, прижимая Кенни к плечу.

— Кто с тобой? — спросила она. — И почему не видно Флойда?

Бизон почувствовал, что сил у него не осталось. Он наклонился вперед и чмокнул в щеку Хлою и Кенни. Малыш рыгнул.

— Можешь уложить его?

— Но, Бизон...

— Пожалуйста, — попросил он. — Мне нужно кое-что всем сказать.

Все остальные ждали в кухне.

Хлоя сбегала в комнату, чтобы уложить малыша, и очень быстро вернулась. Рэйфорд сидел за столом, и по его грязной одежде было заметно, что он весь день проработал в подвале. Хэтти примостилась на краю стола. Цион с печальным и понимающим видом стоял, прислонившись к холодильнику.

Бизону трудно было начать, и Хлоя подошла к нему и обняла за талию.

— У нас еще одна потеря, — сказал он, а потом рассказал остальное, в том числе и то, что Лия ждет сейчас в машине рядом с телом Флойда.

Цион низко опустил голову.

— Благослови его, Господи, — сказал он хрипло.

Хэтти выглядела ошарашенной.

— Он, что ли, от меня заразился? Он умер из-за меня?

Хлоя крепко обняла Бизона, всхлипывая, как и он.

— Еще кто-нибудь мог заразиться?

Бизон покачал головой.

— У нас уже проявились бы симптомы. У Флойда они были, но он не говорил.

Бизон бросил взгляд на Рэйфорда. Все сейчас смотрели на него. Цион был их духовным наставником, но именно Рэйфорду предстояло принять решение насчет Лии и похорон. Но он почему-то молчал. Сидел с пустым лицом, сложив руки перед собой на столе. Перехватив взгляд Рэйфорда, Бизон понял, что совершенно не знает, чего ожидать. Куда же делся прежний Рэйфорд — прирожденный лидер, всегда готовый взять на себя ответственность?

— Э... нам не стоит оставлять Лию надолго там одну, — пробормотал Бизон. — И что-то нужно сделать с телом.

Рэйфорд глядел на него, не мигая, и Бизон не выдержал и отвел взгляд. Но что он сделал не так? Разве у него был другой выбор, кро-

ме как срочно отвезти Флойда в больницу, а потом вернуться с ним и с Лией?

— Папа? — тихо сказала Хлоя.

— Что? — ровным голосом произнес Рэйфорд, переводя взгляд на нее.

— Просто... я... мы хотели бы знать...

— Что? — повторил он. — Что?! Вы хотели бы знать, что нам делать дальше? — Он встал так резко, что стул ударился о стену и с грохотом опрокинулся набок. — Я тоже хочу это знать!

Бизон ни разу еще не слышал, чтобы он так повышал голос.

— Я тоже! — взревел Рэйфорд. — Сколько мы еще выдержим? Сколько мы еще должны выдержать?!

Он поднял стул и поставил его на место с такой силой, что стул зашатался. Тогда Рэйфорд снова ударил им об стену, и стул отлетел к столу, чуть не задев Хэтти, которая с испуганным видом бросилась к Циону.

— Рэйфорд, — тихо сказал Цион.

Стул не ударил Хэтти. Он ударился о край стола и завертелся, пока снова не остановился рядом с Рэйфордом. Тот дернул стул к себе, сел и стукнул по столу обоими кулаками.

Цион отпустил дрожащую Хэтти.

— Я думаю, нам нужно... — начал он, но Рэйфорд его прервал.

— Простите меня, — сказал он, все еще злясь и отводя глаза. — Впустите сюда Лию, а потом займемся похоронами. Цион, ты не можешь сказать пару...

— Конечно. Пусть Лия располагается, потом устроим похороны, а затем познакомимся с Лией поближе.

Рэйфорд кивнул.

— Простите меня, — повторил он.

Бизон вернулся к машине, въехал во двор, а потом ввел Лию в дом и познакомил с остальными.

— Сочувствую вашему горю, — сказала она. — Не могу сказать, что я хорошо знала доктора Чарлза, но...

— Мы будем молиться, — произнес Цион. — А потом мы бы хотели лучше вас узнать.

— Конечно.

Когда Цион встал на колени на жесткий пол, его примеру последовали почти все; лишь Хэтти осталась стоять.

— Господи, отец наш, — начал Цион слабым и дрожащим голосом, — нам очень трудно обращаться к Тебе в эти ужасные времена, когда мы потеряли близкого человека. Нам тяжело смириться с этой потерей. Мы не знаем, сколько еще таких потерь мы сможем вынести. Все, что мы можем, — это верить Твоему обещанию, что когда-нибудь мы снова встретим нашего любимого брата в земле, где печаль сменится радостью и больше не будет слез.

Когда молитва окончилась, Бизон направился к лестнице, ведущей в подвал.

— Куда ты? — спросил Рэйфорд.

— За лопатами.

— Принеси одну.

— Это тяжелая работа, Рэй. Чем больше рук...

— Одну, Бизон. А теперь, мисс Роуз, мне хотелось бы кое-что прояснить. Флойд умер от того же яда, которым Карпати пытался отравить Хэтти, так?

— Насколько я понимаю, да.

— Откровенный ответ, мэм.

— Сэр, я знаю только то, что рассказал мне доктор Чарлз. Сама я не знаю, как именно была отравлена Хэтти, но очевидно, что Флойд получил дозу яда от нее.

— То есть в его смерти виновен Николае Карпати.

К удивлению Бизона, Лия промолчала.

— Это убийство, ребята, — добавил Рэйфорд. — Самое настоящее убийство.

— Рэйфорд, — обратился к нему Цион. — Скорее всего, Карпати никогда не слышал о доке Чарлзе, и поэтому хотя он, несомненно, виновен в покушении на убийство мисс Дюрхем...

— Я не о букве закона сейчас говорю, — горячо возразил ему Рэйфорд. — Я пытаюсь сказать, что Дока убил яд Карпати.

Цион пожал плечами.

— А теперь, Бизон, — продолжил Рэйфорд, — где моя лопата?

— Пожалуйста, позволь мне помочь, — сказал Бизон.

Рэйфорд встал и расправил плечи.

— Не заставляй меня снова говорить то, о чем я потом пожалею, хорошо, Бизон? Я хочу это сделать сам. Мне нужно это сделать, понимаешь?

— Но если рыть могилу так близко к дому, она должна быть глубже шести футов и... —

Бизон перехватил сердитый взгляд Рэйфорда, и ему ничего не оставалось, кроме как смириться. Но зато он принес из подвала самую большую лопату.

Пока Рэйфорд рыл могилу во дворе, Лия объяснила, как нужно готовить тело к похоронам. Дно могилы следовало засыпать известью, но в доме ее не было, поэтому Лия соорудила какую-то смесь на замену из найденных на кухне химикатов.

— И еще, — сказала она Бизону, — мы должны завернуть тело в брезент.

Она раздала перчатки всем, кто собирался прикоснуться к телу, и рассказала, как продезинфицировать «лендровер» и каталку.

Бизон был поражен тем, как много сделал Рэйфорд после целого дня тяжелой работы. Он выкопал яму семи футов в длину, трех — в ширину и более восьми футов глубиной. Сам выбраться наверх он не смог, и когда его вытащили, он весь был покрыт грязью. Трое мужчин опустили в яму завернутое в брезент тело Флойда, и Рэйфорд сказал, что могилу можно засыпать.

Все обитатели убежища, за исключением спящего ребенка, собрались вокруг могилы в пятне света, падающего из окна. Хлоя, Хэтти и Лия прижались друг к другу на холодном ночном ветру. Мужчины, взмокшие после работы, скоро задрожали от холода. Бизон не уставал удивляться красноречию Циона.

— Дорога в очах Господних смерть святых Его, — сказал он. — Флloyd Чарлз был

нашим братом, любимым членом нашей семьи. Если вы хотите что-то сказать о нем, сделайте это сейчас, а потом я помолюсь за него.

— Я знаю, что он был талантливым врачом и храбрым человеком, — начала Лия.

Бизон сказал:

— Каждый раз, когда я буду вспоминать о нем, я буду думать о нашем с Хлоей ребенке и о его здоровье.

— Я тоже, — согласилась с ним Хлоя. — Столько всего произошло за такое короткое время.

Хэтти била дрожь, и Бизон заметил, как Рэйфорд посмотрел в ее сторону, как будто ожидая, что она тоже что-нибудь скажет. Она взглянула на него, опустила глаза и помотала головой.

— Ничего, — заключил Рэйфорд. — Тебе нечего сказать о человеке, который спас тебе жизнь.

— Рэйфорд, — одернул его Цион.

— Конечно есть! — срывающимся голосом воскликнула Хэтти. — Я не могу поверить, что он умер из-за меня! Просто не знаю, что еще сказать! Я надеюсь, что он получит свою награду.

— Дай я кое-что еще тебе скажу, — обратился к ней Рэйфорд, кипя от злости. — Флойд любил тебя, Хэтти. Ты обращалась с ним как с грязью, а он любил тебя.

— Я знаю, — со слезами в голосе сказала она. — Я знаю, что вы все любите меня по-сво...

— Я говорю, что он любил тебя. Любил! Глубоко и искренне и хотел признаться тебе в этом.

— Ты имеешь в виду?.. Откуда тебе знать?

— Он сам мне сказал! Я думаю, он хотел бы, чтобы ты об этом знала.

— Рэйфорд, — Цион положил руку ему на плечо, — ты больше ничего не хочешь сказать о Флойде?

— Только то, что его смерть должна быть отомщена. Как и смерть Кена, Аманды и Брюса.

— Мщение — удел Господа, — возразил Цион.

— Если бы он только позволил мне в этом участвовать.

Цион пристально взглянул на Рэйфорда.

— Будь осторожен со своими желаниями, — предостерег его он. — А теперь давайте помолимся.

Но Бизон его не слушал. Рэйфорд начал плакать. Сначала он просто тяжело задышал, закрыв рот ладонями. Потом он уже не мог сдерживать рыданий, упал на колени и завыл. Хлоя бросилась к нему.

— Все хорошо, папа, — бормотала она, помогая ему подняться и уводя в дом. — Все хорошо.

Рэйфорд оттолкнул ее и взбежал по лестнице. Бизон обнял Хлою, и грязь, попавшая на нее с одежды ее отца, пропитала и его одежду.

* * *

Стоя под горячим душем, Рэйфорд радоваться не мог, что у них есть колодец и водонагреватель, работающий от генератора. Наконец-то он смог хоть немного расслабиться. Ну и денек! Беспричинная ярость, погнавшая его на улицу холодным утром, копилась месяцами. Даже тяжелая работа в подвале не смогла усмирить эту ярость, тем более что весь день Рэйфорду пришлось вкалывать в одиночку. В итоге, услышав ужасную новость о смерти Флойда, он сорвался так, как не срывался ни разу за пятнадцать лет, прошедших после их громкой ссоры с Ирэн. Причем в тот раз он был пьян!

Но пока Рэйфорд мучился совестью из-за своей вспышки, ему пришло в голову, что его ярость возникла не на пустом месте. Что, если Господь специально поселил такую нетерпимость в его сердце, чтобы подготовить его к убийству Карпати? Или это самообман? Рэйфорду не хотелось думать о том, что он попросту сходит с ума. Разве это нормально — все время строить планы убийства, пусть даже убийства Антихриста?

Рэйфорд сделал воду почти нестерпимо горячей и низко опустил голову под струями воды. Теперь он молился лишь о том, чтобы Господь позволил ему совершить немислимый поступок. Сколько горя может вынести человек? Ну хорошо, жену и сына он потерял по собственной вине. Он мог бы отправить-

ся в рай вместе с ними, будь у него чуть больше веры и чуть меньше гордыни. Но смерть Брюса, Аманды, Кена, а теперь и Дока... чему он, впрочем, удивляется? Ведь это лотерея. Не верит же он в самом деле, что окажется в числе тех счастливиц, которые доживут до Второго пришествия? Конечно, нет, если собирается стрелять в Николае Карпати. Но, скорее всего, он не доживет в любом случае. Так лучше уж погибнуть как мужчина — с оружием в руках.

Рэйфорд вышел из душа, набросил на плечи полотенце и взглянул на себя в запотевшее зеркало. Пар потихоньку рассеивался, отражение становилось все более четким, но Рэйфорд не узнавал сам себя. Всего лишь год назад он был совсем другим человеком, и Аманда восхищалась его внешностью. Теперь же восхищаться нечем. Он и чувствовал себя и выглядел гораздо старше своих лет. Конечно, не всем такая жизнь шла на пользу, но Рэйфорду казалось, что он стареет гораздо быстрее, чем все остальные.

Его худое лицо покрылось морщинами, под глазами набрякли мешки, губы были скорбно поджаты. В его жизни и раньше случались периоды тоски или плохого настроения, и Рэйфорд никогда не называл это депрессией, но сейчас все было по-другому. Неужто у него депрессия? Клиническая депрессия? Об этом стоило бы посоветоваться с Флордом. Одна лишь мысль об этом ранила, словно удар ножом. Люди вокруг него умирали один за другим, и это будет продол-

жаться до тех пор, пока не вернется Иисус. Хватит ли у Рэйфорда сил дожидаться? Если смерть Флойда стала для него таким ударом, что будет, когда... если... он не мог об этом даже думать. Хлоя? Малыш? Бизон? Цион?

Эта женщина из больницы... Лия... Может, с ней поговорить? Поделиться своими мыслями с профессиональным медиком, практически с незнакомкой, гораздо проще, чем с любым из обитателей убежища. Как ни странно, Хэтти тоже очень хорошо знала Рэйфорда. Но для него она оставалась даже более чужим человеком, чем Лия. Он никогда не смог бы раскрыть перед ней свою душу.

Конечно, он не собирался рассказывать Лие Роуз о своем плане убийства. Но она могла бы помочь ему лучше понять себя. Возможно, ей приходилось общаться с людьми, страдающими от депрессии, или у нее были знакомые психологи.

Вытирая волосы, Рэйфорд вдруг понял, что ему кажется чужой не только собственная внешность, но и душа. Планы, которые он обдумывал, были настолько несвойственны прежнему Рэйфорду Стилу, что он даже представить себе не мог, что бы сказала Хлоя, если бы узнала о них. А она ведь не знает и половины того, что с ним сейчас творится.

Все участники Отряда Скорби не могли не заметить, что его характер ухудшился. Все они множество раз придирались друг к другу по пустякам. Все, кроме Циона. Казалось, он никогда ни на кого не обижается и всегда

ведет себя так, что его не за что упрекнуть. У некоторых людей есть талант оставаться собой даже в самых невыносимых условиях. Именно таким человеком оказался Цион.

Но Рэйфорд не просто повел себя эгоистично там, где этого делать не стоило. Теперь он представлял угрозу для всего их жизненного уклада. А ведь его признали лидером. Рэйфорд знал, что, по сути, он был кем-то вроде владельца бейсбольной команды. Ведущим игроком был Цион, именно он выигрывал для них матчи. Но все же Рэйфорд оставался одной из ключевых фигур, к его мнению прислушивались, он ощущал свою ответственность за душевное состояние остальных, чувствовал себя кем-то вроде старейшины в церковной общине.

Но достоин ли он? В глубине души Рэйфорд чувствовал, что не достоин. Но с другой стороны, если он не сходит с ума и Господь действительно избрал его для убийства Антихриста, значит, не такой уж он пропащий человек.

Он завернулся в халат и вышел из ванной. «Выходит, я или Божий избраннык, или маньяк. Великолепно! Теперь бы еще кто-нибудь объяснил, кто я на самом деле».

Прежний Рэйфорд Стил пытался заставить себя опомниться, а озлобленный, негодующий, оплакивающий потери, страдающий от депрессии, загнанный в угол участник Отряда Скорби наслаждался мыслями о своей великой цели. Или, скорее, о мести. «Я не-

нормальный», — сказал себе Рэйфорд. И тут снизу послышались голоса. Слова молитвы.

* * *

Мак МакКаллам бежал трусцой по залитым лучами рассветного солнца улицам Нового Вавилона. Он не мог не замечать царящей вокруг красоты и понимал, каким счастьем была бы для него жизнь в таком великолепном городе, окажись он тут при других обстоятельствах. «Произведение искусства», «шик и блеск», «высший класс» — все эти заезженные определения приходили на ум при первом же взгляде на сияющий мегаполис.

Но после своего обращения Маку пришлось стать шпионом, мятежником, бунтарем. Он перечеркнул все, что составляло основу его прошлой жизни, — годы армейской подготовки, привычку к дисциплине и субординации, веру в принцип «Один за всех и все за одного». Достигнув вершины своей летной карьеры, он теперь использовал все свои умения и навыки ради Божьего дела.

Удовлетворение, которое он при этом получал, можно было сравнить с удовлетворением от своей способности пробегать по шесть миль каждое утро. Для кого-то это было бы достижением. Но для него это была всего лишь необходимость. Он противостоял времени, гравитации, болезням и физической слабости, которую несло с собой старе-

ние. Так же он относился и к своей работе. Он мог бы гордиться своей карьерой, но его нанимателем был не кто-нибудь, а враг рода человеческого. И Маку бы радоваться, что он на правильной стороне — на стороне победителя.

Но радоваться мешал страх. Мак понимал, что как только он начнет наслаждаться своей ролью, то сразу станет уязвимым. Осознание того, что он ходит по краю, что малейшая ошибка, способная его выдать, может оказаться последней, убивало все удовольствие от работы. Некоторое удовлетворение приносила лишь мысль о том, что он мастер своего дела. Но если ты постоянно просчитываешь каждый свой шаг, постоянно боишься провала — разве это жизнь?

Когда солнце поднялось над горизонтом и Мак почувствовал выступившую на лице испарину, ему вдруг пришло в голову, что, когда его раскроют, он не узнает об этом сразу. И это самое страшное. Мало того что он не заметит своего провала — он узнает о нем последним. Как долго Карпати, Фортунато и остальные будут держать его на крючке, уже зная всю правду о нем? Станут ли они ждать, пока он заведет вместе с собой в западню своих товарищей и уничтожит все, чему служил?

А может быть, его уже раскрыли. Кто знает? Разоблачение предателя похоже на взрыв сверхновой — событие уже свершилось, но результат будет замечен еще очень-очень нескоро. Нужно быть очень вниматель-

ным. Успеет ли он понять, что разоблачен и что нужно бежать, спастись в убежище, послать сигнал тревоги американским участникам Отряд Скорби? Или когда они узнают о его провале, он будет давно уже мертв?

Маку оставалась всего одна миля, и он свернул, чтобы солнце светило ему в спину. Недавно он отправил очередное зашифрованное сообщение Абдулле Смиту, и теперь они с иорданцем повязаны.

«В отделе кадров тебя спросят напрямую о твоей верности делу, Мировому Сообществу и лично потентату. Помни, что ты на передовой. Скажи им все, что они хотят слышать. Ты любой ценой должен получить эту работу. Тогда ты сможешь противостоять планам зла и увидишь собственными глазами, как люди приходят к Христу, несмотря ни на что.

Если ты не знаешь, что именно нужно сказать и как сформулировать, просто сошлись на меня. Можешь говорить без колебаний, что разделяешь взгляды Мака МакКаллама и веришь в руководящую и направляющую силу Мирового Сообщества точно так же, как верит и он. Это будет совершенно искренний ответ.

Я не обещаю тебе легкой жизни. Платить будут, сам понимаешь, огромные деньги, но радости тебе они не принесут. Хотя зарплаты тут немереные, ты постоянно будешь чувствовать себя грязным. К счастью, мы можем очиститься, служа Господу. На долгую работу не рассчитывай, потому что Цион

Бен-Иегуда прав: как только без метки зверя нельзя будет ни покупать, ни продавать, мы не сможем больше оставаться здесь. В один миг мы из ценных сотрудников превратимся в изгоев.

Ты нужен мне, Абдулла, вот что я тебе скажу. Мы с Рэем и с тобой вместе работали. Сейчас уже так весело не будет, но и скучать нам не дадут. Я уже не дождусь, когда рядом со мной в кабине будет сидеть классный летчик и друг, которому я смогу доверять. Удачи тебе!

Мак».

* * *

Бизон уселся возле Хлои на диван. Рядом с ними сели Цион и Лия. Она была новенькой среди них, но уже собиралась вместе со всеми молиться за их лидера. Молясь, Бизон не мог избавиться от сомнений и чувства вины. Может, надо было позвать Рэйфорда? Он же близкий им человек, так разве можно говорить о нем с Господом без него? Но наверняка Цион побеседует с ним в свое время.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Рэйфорд терпеть не мог оказываться в стороне. Но мечты об уничтожении Карпати (пусть даже не навсегда) сближали его с Хэтти и отталкивали от остальных. Он один виноват в том, что вышел из себя и теперь они не знают, с которой стороны к нему подступить. Но что они делают там, внизу, ночью? Совместные молитвы всегда вызывали у Рэйфорда душевный подъем. А теперь участники Отряда Скорби решили собраться без него? Но стоит ли ему обижаться?

Конечно, они имеют полное право молиться в любом составе. Это же для души делается, а не по обязанности. Так что его не устраивает? И с каких это пор его начали задевать такие мелочи? Рэйфорд на цыпочках спустился вниз. Ну, естественно, они сидели в гостиной в креслах и на диване, склонив головы, молясь. Все, кроме Хэтти.

Неожиданно Рэйфорд почувствовал, что эта сцена его тронула и что ему хочется присоединиться. Но ему хотелось не только этого. Он стремился помириться с остальными, но при этом избежать извинений. Если он примет участие в общей молитве, это будет значить очень многое. Он сможет даже попросить у Господа прощения за несдержанность...

Но пока Рэйфорд крался в гостиную, в нем вдруг проснулась совесть. Какой же он дурак! Как это мелко! Находить радость в общении с Богом и в то же время обижать людей, использовать молитву как способ манипуляции... Он готов был сбежать, но все-таки решил включиться в общее богослужение. Ему не хотелось даже молиться вслух. Он просто должен был признаться Богу, что хочет быть частью этой маленькой общины. Он понимал, что будет чувствовать себя достойным снова ее возглавить только тогда, когда осознает, что не достоин.

Они молились за него. То один, то другой упоминал его имя. Они молились о том, чтобы Бог дал ему силу, покой, утешение. Просили сверхъестественного вмешательства, потому что сами были бессильны.

Рэйфорду бы обидеться, что о нем говорят за его спиной. Но вместо этого ему стало стыдно. Он оказался даже хуже, чем думал. Рэйфорд молча преклонил колени. Его друзья молились за него так искренне и горячо, что он почувствовал себя ничтожеством и понял, что не может больше прятаться от них. Он на-

клонился вперед и заплакал. Ему было стыдно, так стыдно, и он был благодарен им за то, что они не считали его безнадежным.

Хлоя первая бросилась к Рэйфорду, но вместо того, чтобы попытаться поднять его с пола, присела рядом с ним и обняла его. Он почувствовал робкое прикосновение Бизона, и ему захотелось сказать, чтобы тот не беспокоился и что его поддержка значит для Рэйфорда все. Цион опустил теплую ладонь на голову Рэйфорда и призвал Господа «быть для него опорой в самые тяжелые времена, какие только может вынести человек».

Рэйфорд плакал вот уже во второй раз за ночь, но теперь это были уже не слезы скорби и безнадежности. Он чувствовал любовь Бога и поддержку всех своих близких. Он не отбросил мысль о том, что Бог может использовать его для убийства Николае Карпати, но это желание, пускай и ненадолго, уступило место желанию быть частью их маленькой группы. Они простили ему его ошибки. Они были с ним, когда он вел себя не лучшим образом. Поддержали его, когда он оступися. Разве можно выразить словами, как много это для него значит?

Рэйфорд заметил, что Лия хоть и постеснялась прикоснуться к нему, но тоже за него молилась. Она не притворялась, будто знает суть проблемы, а просто заметила, что он не в себе, и надеялась, что Господь исцелит его.

Когда молитвы, наконец, утихли, Рэйфорд смог пробормотать лишь:

— Спасибо Тебе, Господи.

Цион замурлыкал знакомый мотив. Сначала Хлоя, а затем и остальные запели «Блажен тот союз, что связал нас в любви».

Четверо из них встали и расселись по местам, Рэйфорд придвинул кресло.

— Я уж думал, меня выгнали из клуба, — сказал он.

Цион хмыкнул.

— Никуда ты от нас не денешься, — сказал он. — А у тебя, Лия, я хотел спросить: ты согласна отложить свой рассказ до завтра? Сегодня был очень трудный день, и все слишком устали.

— Я сама хотела предложить то же самое Спасибо.

— Вы не возражаете, если мы поселим вас в бывшей комнате Флойда? — поинтересовался Рэйфорд.

— Нет, если остальные не против, — ответила Лия. — И вам может показаться странным, но я не смогу уснуть, пока не осмотрю дом. Может, кто-нибудь покажет мне, где тут что находится?

— Мы с Хлоей с радостью все покажем, — вызвался Рэйфорд, надеясь познакомиться с Лией поближе.

— Пойду проверю, как там малыш, — сказал Бизон.

Цион с усталым видом встал с кресла.

— Спокойной всем ночи.

К приятному удивлению Рэйфорда, Хлоя не стала показывать Лии подвал. Начала она с задней части дома, которую Лия уже успела увидеть.

— Это двухквартирный дом, и во второй квартире ничего нет. Она гораздо сильнее разрушена. Вы вошли с вот этого крыльца. Нам пришлось его ремонтировать, потому что во время землетрясения сюда упало дерево и убило жену хозяина. Ее муж был в это время в церкви и погиб под завалом. Дальше кухня, а слева от нее — гостиная. Затем — столовая, мы в ней не едим, но иногда используем для работы. За лестницей ванная комната и наша с Бизоном спальня.

Наверху они показали Лии вторую ванную и спальни Рэйфорда, Циона и Флойда.

— Спасибо, — сказала она. — Но где же тогда спал Ритц?

Рэйфорд и Хлоя переглянулись.

— Э... — протянул Рэйфорд. — Я думал, вы не знаете, что он жил здесь.

— Это что, тайна?

— Вообще-то весь дом — это тайна.

— Я не должна была знать о том, что он жил здесь? Но я же знаю о докторе Чарлзе и мистере Уильямсе и о том, что Хэтти тоже тут жила.

— Я просто не знал, что вы знаете, вот и все, — ответил Рэйфорд. — Надеюсь, вы не сочтете меня слишком подозрительным.

Лия застыла на месте.

— А в чем вы можете меня подозревать? Хотите метку мою проверить? Когда вам нужна была медицинская помощь, вы почему-то ехали ко мне. Если я недостойна доверия, то для чего мне было рисковать ради вас своей жизнью?

— Простите, я...

— Знаете что, мистер Стил. Если бы я работала на Мировое Сообщество, то давно бы уже доложила потентату о том, как его любовница скинула его ребенка. Я донесла бы на доктора Чарлза, когда он сжег останки, вместо того чтобы поступить с ними так, как предписано правилами. Я сообщила бы властям, когда ваш зять заставил меня выпустить из больницы Ритца с пробитой головой. Вы думаете, я не знаю, кто все эти люди и почему никто не в курсе, где они живут?

— Мисс Роуз...

— Я миссис Роуз, и я знаю, что Ритц жил здесь, хотя бы потому, что аэропорт был полностью разрушен. И если вы вдруг забыли, он был с вами, когда вы привезли Хэтти. По-вашему, я должна была предположить, что вы приехали из убежища, а с ним просто встретились по пути?

— Вы правы, я просто...

— Шпионы есть везде, мистер Стил. Не знаю, как они это делают, но люди из Мирового Сообщества смогли меня разоблачить. Но пока они не научатся подделывать символ, который мы видим друг у друга, я не представляю себе шпиона, которому хватит глупости сюда к вам сунуться. Можете допрашивать меня, сколько хотите, но глупо подозревать меня из-за догадки о том, что в вашем доме жил человек, у которого я даже имени не помню.

Рэйфорд взглянул на нее умоляюще:

— Если я скажу, что у меня был трудный день, вы простите меня?

— У меня день был не лучше, — огрызнулась Лия. — И прежде чем я соглашусь тут остаться, скажите мне, что вы меня не боитесь.

— Не боюсь. Простите меня.

— И я тоже. Простите, если я была слишком уж осторожной.

«Ничего себе познакомились», — подумал Рэйфорд.

— Даже не сомневайтесь.

— Значит, вы мне доверяете?

— Ну конечно! А теперь давайте ляжем спать. Можете воспользоваться ванной, а мы после вас.

— То есть вы мне доверяете?

Тут даже Хлоя потеряла терпение.

— Я очень устала, миссис Роуз. Я прошу вас меня извинить. Я верю вам. Вы довольны?

— Нет.

— Нет? — повторила Хлоя. — Мне давно уже надо было лечь спать.

— Вы что, считаете меня дурой? — спросила Лия.

— Простите, что?

— А где тайник?

Рэйфорд вздрогнул.

— Вы не хотите, чтобы я вел себя подозрительно, и при этом спрашиваете про тайник?

— Разве у вас его нет?

— А почему он вас интересует?

Лия покачала головой.

— Сначала вы приняли меня за шпионку, а теперь считаете идиоткой?

— Уже не считаю, — ответила Хлоя. — Скажите, откуда вы знаете про тайник, и я вам его покажу.

— Спасибо. Если бы я скрывалась в убежище, то понимала бы, что рано или поздно его найдут. Или у вас есть место, где можно спрятаться, или же в этом доме чего-то не хватает. К тому же есть еще одна вещь, настолько очевидная, что мне даже неловко о ней говорить, но неужели, по-вашему, я поверю, что Хэтти ночует на улице?

— Хэтти? — переспросил Рэйфорд.

— Ага. Помните такую? Печати у нее на лбу нет, но я видела ее перед молитвой. Так где же она спит?

Хлоя вздохнула:

— Иди ложись, папа. Я сама ей все покажу.

— Спасибо!

Они вместе направились к лестнице.

Рэйфорд не смог удержаться:

— А вы можете быть очень вредной, миссис Роуз.

— Папа! — воскликнула Хлоя, не оборачиваясь. — Ты же знаешь, что мы сами виноваты.

Лия остановилась и взглянула на него.

— При всем моем уважении, — заявила она, — это сексизм. Можете считать меня феминисткой, но вы никогда не сказали бы мужчине, которого так же оскорбили, как меня, что он вредничает.

— Может, и сказал бы, — ответил Рэйфорд. — Но я понял намек.

— Из-за вас я чувствую себя стервой. Недавно мне пришлось поговорить с вашим зятем на повышенных тонах. А теперь вот и с вами. Не знаю, что на меня нашло.

Рэйфорд чувствовал примерно то же самое, но признаться в этом не решился.

— Давайте с завтрашнего дня устроим перемирие, — предложил он.

— Договорились.

Женщины ушли, и наконец-то Рэйфорд смог добраться до кровати. Он снял халат и улегся на прохладную простыню, уже сейчас чувствуя боль в натруженных мышцах. Он закинул руки за голову и почти сразу задремал, пока его не разбудили шаги на лестнице и стук.

— Я повела Лию в подвал, — сказала Хлоя, — туда, где спит Хэтти. Но Хэтти пропала.

— Пропала?

— Куда она могла уйти? Ее нет в доме. Снаружи тоже не видно. И, папа, она забрала свои вещи. Почти все взяла с собой.

Рэйфорд вскочил и снова набросил халат, не представляя, как ему удастся справиться с еще одной чрезвычайной ситуацией и не свалиться с ног от усталости.

— Проверь в гараже машину Кена. Убедись, что машина Бизона на месте. Пешком она далеко не уйдет. Мы с Бизоном возьмем машины и поедем искать.

— Папа, мы понятия не имеем, когда она ушла. Она могла исчезнуть сразу после по-

хорон. Мне кажется, я после этого ни разу ее не видела, а ты?

Он покачал головой.

— Мы не можем допустить, чтобы она скрылась — она слишком много знает.

— Вот именно. Но если ее кто-нибудь подвез, мы ее уже не догоним.

Следы от дома вели к тому, что раньше было главной улицей. Теперь это было подобие грунтовой дороги с сохранившимися кое-где островками асфальта и глубокими рытвинами. Хэтти могла направиться куда угодно. Рэйфорд завел внедорожник Кена Ритца, а Бизон выехал со двора на своем «лендровере». Рэйфорд отправил его на север, а сам поехал на юг.

Убедившись, что в ближайших окрестностях Хэтти нет, Рэйфорд позвонил Бизону.

— Я тоже ее не нашел, — ответил Бизон. — И мне это очень не нравится. Ее необходимо вернуть.

— У меня появилась идея. Приедем домой, расскажу.

Рэйфорд позвонил в Палуоки, но наткнулся на автоответчик.

— Ти, — сказал он, — это Рэй. Если ты на месте, мне надо поговорить.

Он подождал пару минут, а затем с неохотой позвонил Диленти на сотовый. Из трубки донеслось хриплое приветствие.

— Извини, Ти. Я тебя разбудил?

— А ты думал? Что стряслось, Рэй? Не хочу думать, что это ЧП, но если нет, то какого черта ты звонишь в такое время?

Рэйфорд его перебил:

— Просто хотел узнать, Тру-ля-ля и Тра-ля-ля все еще у тебя ошиваются?

— Эрни и Бо? Эрни я год не видел. И мне его не хватает, хотя он и идиот. Я слышал, он подался на запад. Борегард Хансон тут, а что?

— Мне нужно знать, не могла ли Хэтти улететь с кем-то из них.

— Я ушел в шесть. Диспетчер до девяти сидит. А потом мы закрываемся.

— Но я как-нибудь могу выяснить, не вылетал ли от вас самолет сегодня вечером?

— Рэй, я не могу звонить человеку в такую рань.

— Почему! Я же позвонил.

— Ага, но ты знал, что я тебя за это не возненавижу.

— Точно не возненавидишь?

— Лучше я не буду отвечать. Мы же братья, ты помнишь?

— Кстати, ты теперь остался моим единственным братом.

— Что?

Рэйфорд рассказал ему о Доке.

— О господи! Прости, Рэй. Ты что, подзреиваешь Хэтти?

Рэй пересказал ему теорию Флойда о том, как он мог получить дозу яда.

— И все же мне нужно выяснить, где она сейчас.

— Я проверю записи.

— Мне не хотелось беспокоить тебя в такую рань.

— Я сделаю это из дома, братишка. Минутку.

Рэйфорд услышал, как скрипнула кровать, а затем начал загружаться компьютер. Затем Ти снова заговорил:

— Сейчас пролистаю. Сегодня был тихий день. Всякая мелочовка, бизнес-рейсы, пара рейсов Мирового Сообщества. Хм...

— Что?

— Странное что-то. Здоровенный «квантум» (это что-то вроде огромного «леарджета», но производитель другой) приземлился в 22. 30. Вылетел через час, заправился, груза нет, один неизвестный пассажир, место назначения не указано.

— И это все?

— Есть еще одна колонка об оплате. В ней пометка от Бо.

— Я не знаю, какие характеристики у «Квантумов», — сказал Рэйфорд. — Какова скорость и дальность полета?

— Скорость как у тяжелого самолета, но, похоже, ему понадобится еще одна заправка, чтобы лететь через океан. Куда, по-твоему, намылилась твоя беглянка?

— С нее станется заявиться в кабинет Карпати и лично его прикончить. То есть перехватить этот рейс невозможно?

— Не-а. Сколько сейчас, час ночи? Они уже полтора часа в воздухе и летят, я думаю, с максимальной скоростью. Даже если потратили минут двадцать на Западном побережье, чтобы сесть, дозаправиться и взлететь снова, они слишком уж далеко.

— Я могу связаться по радио с экипажем?

— Подумай сам, Рэйфорд. Кто бы ни управлял этим самолетом, он не станет тебе отвечать.

— Может, я смог бы его обмануть, убедить сесть в Испании из-за проблем с топливом или чего-нибудь в этом духе.

— Ты бредишь, Рэй.

— Спасибо, друг, обнадежил.

— Тебе придется самому ее перехватить или обратиться к твоим тамошним друзьям.

— Я знаю. Я очень благодарен тебе, Ти. Завтра мне нужно встретиться с тобой, чтобы обсудить дела кооператива.

— Сегодня, ты хочешь сказать?

— Прости, — буркнул Рэйфорд.

— Возможно, я возьму с собой пару ребят из нашей домашней церкви. Нам нужно кое-что выяснить.

Рэйфорд сильно подозревал, что, помимо прочего, Хэтти может выдать все, что знает, и об их кооперативе тоже.

* * *

У Мака МакКаллама было очень насыщенное утро. Поздоровавшись по пути с Энни Кристофер, он вошел к себе в кабинет и сразу же обнаружил три сообщения. Секретарша Леона Фортунато прислала примерный список сотрудников, которым предстояло через три дня вылететь в Бот-

свану. Сам верховный главнокомандующий, его камердинер, личный помощник, повар и двое слуг. Президента Ботсваны Нгумо тоже должны были сопровождать двое помощников. «Обратите внимание: верховный главнокомандующий требует, чтобы самолет не сдвигался с места, пока ботсванийцы будут находиться на борту».

Также в список входили капитан и второй пилот, причем должность второго пилота была помечена звездочкой. Внизу шла сноска: «Верховный главнокомандующий уверен, что вы будете довольны решением этого вопроса».

Мак был доволен. Следующим документом оказалось сообщение из отдела кадров о назначении вторым пилотом «Кондора-216» Абдуллы Смита. В результате собеседования были выявлены высокий уровень его профессиональной подготовки, некоторая немногословность («Отвечал лаконично», — было написано в протоколе), гражданская ответственность и преданность Мировому Сообществу.

Фортуна собственноручно дописал на полях: «Поздравляю с отличной находкой, Мак. Смит станет отличным вкладом в наше общее дело! В. г. Л. Ф.».

«Если бы только знал!» — подумал Мак.

Третье сообщение пришло от Давида Хассида. «Есть важная новость, капитан, — писал он. — Надо поговорить наедине».

Мак с Давидом привыкли общаться на людях с соблюдением всех формальностей.

В этом им помогала разница в возрасте. Хотя Карпати и пропагандировал пацифизм, организационная структура Мирового Сообщества очень напоминала военную. Принятая здесь иерархия Мака вполне устраивала, ведь он большую часть жизни провел в погонах. Но Давид пришел с гражданки и часто пренебрегал его советами. Сейчас они примерно сравнялись по положению, хотя и работали в разных отделах и время от времени могли встречаться, не вызывая подозрений.

Секретарша Давида провела Мака в кабинет.

— Капитан. — Давид пожал ему руку.

— Директор, — ответил Мак, садясь в кресло.

Как только секретарша вышла, Давид сказал ему:

— Смотри, — и повернул компьютер так, чтобы Мак мог прочитать написанное на экране. Это был рассказ Рэйфорда о событиях прошлого дня в иллинойском убежище.

— Господи, — воскликнул Мак, — доктор! Девушка выжила, а врач умер. Какой ужас!

— Это еще не все, — заметил Давид.

Мак дочитал до исчезновения Хэтти. Он откинулся на спинку кресла.

— Неужели он и вправду думает?..

Давид остановил его, приложив палец к губам.

— Давай я тебе все покажу, а потом подумаем. — Он пробежался по клавишам, и зашифрованный файл открылся до конца. —

Она сюда хочет приехать? Представить себе не могу. Я понял, что она совсем без тормозов, но на что она может рассчитывать? Удивительно, что она жива до сих пор, после всех попыток Карпати ее убрать. Стоит ей появиться в Новом Вавилоне, и она покойница.

Мак кивнул.

— Ей нужно где-то затаиться, чтобы застать его врасплох.

— Не представляю, как она к нему подберется.

Мак покачал головой.

— Вот именно. Тем более твои люди установили на прошлой неделе на «кондоре» аж два металлодетектора.

— Ага, даже священников собираются проверять. На самом деле это потому, что Карпати не доверяет Петру Второму.

— Знаю. Фортунато велел в первую очередь проверять десятерых царей, то есть региональных потентатов, или как там святой Николае разрешил им себя называть? Как будто специально хочет, чтобы они взбрыкнули.

— Можно подумать, они на это согласятся, — поддержал его Давид. — Сколько из них, по-твоему, искренне преданы Карпати?

Мак пожал плечами.

— Больше половины. Но не больше семи, это точно. Я знаю троих, которые готовы захватить власть при первой же возможности.

— Они решатся на убийство?

— Да хоть сейчас. И Питер тоже.

— Думаешь?

Мак сел прямо и сложил ладони вместе.

— Я слышал, как он сам это сказал. Карпати ему поперек горла стоит, но он усиленно изображает дружелюбие. И сам Карпати тоже с ним любезничает, как будто они ровня. Но я вот что скажу: если Леон вскоре не избавится от Мэтьюза, ему не поздоровится. Ему был дан четкий приказ.

Давид встал, вытащил из ящика несколько документов и разложил их на столе.

— На случай, если за нами подглядывают, — пояснил он, и Мак наклонился, притворившись, будто их изучает.

— Они вверх ногами лежат, — скрывая улыбку, заметил он.

— Это чтобы ты не отвлекался, — ответил Давид.

— А ты знаешь, о чем мечтал Рэйфорд?

— О чем?

— Нарочно разбиться, когда Карпати будет на борту.

Давид выпрямился и посмотрел на Мака, склонив голову набок.

— Но в Библии не так же сказано? Если он тот, кем мы его считаем, он не умрет до сорок восьмого месяца, правда ведь? А потом все равно воскреснет.

— Я просто говорю, что слышал.

— На капитана Стила не похоже. Он всегда казался таким спокойным и рассудительным.

— Я не хотел, чтобы ты начал думать о нем хуже.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

— Не буду, можешь быть уверен. Я сам о том же мечтал.

Мак встал и повернулся к двери.

— И я, — сказал он.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Эмоциональные встряски утомляли Бизона не меньше, чем физический труд. Часто после целого дня работы в подвале с Рэйфордом и Флойдом он не мог уснуть от усталости. А сейчас на него одновременно навалились и скорбь по Флойду, и беспокойство из-за побега Хэтти, и страх из-за странного поведения тестя. Бизон был вымотан до предела. Лежа рядом со своей измученной, но неунывающей женой, он боролся со сном и слушал, что она ему говорила.

Им с Хлоей вечно не хватало времени друг на друга, хотя они и жили в одном доме. Она жаловалась, что не может работать так много, как раньше, из-за забот о ребенке и травм, полученных во время землетрясения.

— Но ты ведь занимаешься кооперативом, дорогая, — возразил Бизон. — От того,

что ты делаешь, зависят жизни миллионов людей.

— Но я все равно в стороне. Взять хотя бы сегодняшний день, я ведь только и делала, что успокаивала тебя и папу и нянчилась с малышом.

— Но мы же без тебя не обойдемся.

— Знаешь, Бизон, есть вещи, без которых я тоже не могу обойтись.

Он обнял ее.

— Хочешь, я посижу с Кенни, а ты завтра вместе с папой съездишь к Ти? Они будут обсуждать дела кооператива.

— Конечно.

Бизон был уверен, что ответил ей. Он же хотел ей ответить. Но когда Хлоя сняла с себя его руку и отвернулась к стене, он обнаружил, что задремал. Хлоя говорила что-то еще, но он не понял, что именно. Бизон пытался собраться с силами, чтобы открыть глаза и попросить прощения, закончить разговор. Но его мысли становились все более путанными. В отчаянии от того, что упускает возможность хоть как-то поддержать свою жену, он провалился в сон.

* * *

После обеда Давиду приказали явиться в кабинет верховного главнокомандующего Мирового Сообщества Леона Фортунато. Роскошная резиденция Леона занимала весь семнадцатый этаж дворца, а резиденция его

святейшества потентата размещалась этажом выше.

Хотя Давид отчитывался непосредственно перед Фортунато, встречи с ним с глазу на глаз случались довольно редко. Как шутил Мак, организационная структура Мирового Сообщества была похожа на миску спагетти. Номинально у Карпати был только один заместитель, если не считать секретаря и целой толпы помощников. Но все административное крыло было битком набито подхалимами, которые одевались как потентат и верховный главнокомандующий, ходили как они, разговаривали как они, кланялись и расшаркивались в их присутствии.

Давид, младший из всего руководящего персонала, сумел заслужить уважение начальства, держась хоть и с почтением, но без излишнего лизоблюдства. Но сейчас он был в беде.

Дверь гигантского кабинета захлопнулась, и Давид еще сесть не успел, как Фортунато набросился на него:

— Я хочу знать, где все эти компьютеры и почему они до сих пор не работают?

— Э... вся партия...

— Самая большая партия оборудования с тех пор, как мы закончили техническое оснащение замка... то есть дворца, — заявил Леон, уместив свой огромный зад в кожаное, похожее на трон кресло. — Ты знаешь, о чем идет речь. Чем больше ты будешь мямлить, тем более подозрительным...

— Нет, сэр, конечно, я в курсе. Мы получили их вчера и...

— Где они?

— ...их нельзя сейчас установить...

— Что с ними? — рявкнул Леон и наконец-то указал на стул.

Давид сел.

— Техническая неполадка, сэр.

— Какая-то проблема?

— Проблема с ориентацией. Системы позиционирования во дворце не работают.

Леон окинул его гневным взглядом.

— Их нужно заменить?

— Да, сэр, это единственный выход.

— Тогда замени. Ты понял меня, директор Хассид?

— Да, сэр.

— Все понял?

— Сэр?

— Когда меня что-то беспокоит, ты понимаешь, что это не только мое беспокойство?

— Я знаю, сэр.

— Его святейшество желает, чтобы я... ты... чтобы мы это сделали. Он уверен, что мы справимся, потому что я убедил его в этом, я убедил его, что ты способен выполнить это задание.

— Мы установим оборудование так быстро, как только возможно.

Леон покачал головой.

— Я не об установке этих долбанных компьютеров говорю, а о том, чтобы выследить наших противников.

— Ну конечно!

— Ты знаешь, что его святейшество — пацифист. Но он понимает, что единственная сила, которой может обладать миролюбивый человек, — это информация. Поэтому он следит за той парочкой чокнутых проповедников из Иерусалима. Их день придет. Они и сами это знают. И каким бы терпимым он ни был к чужим взглядам, он не может не обращать внимание на горстку бунтарей, выступающих против нового мирового порядка. Ты ведь согласен со мной?

— С чем именно согласен, сэр?

Фортунато выглядел раздосадованным.

— С тем, что у его святейшества есть причины беспокоиться из-за Бен-Иегуды и этого бывшего писаки, который развернул против нас пропаганду!

— О да, конечно! Они опасны. То есть если бы это была просто горсточка недовольных, кого бы они волновали? Но они ведь собирают сторонников под знаменем...

— Да. И еще прячут женщину, беременную от его святейшества. Ее необходимо найти, пока она не сделала аборт или, того хуже, не выдала информацию, способную повредить... — Леон умолк. — Короче, — продолжил он, — замени компьютеры или исправь эту проблему с ориентацией и привлеки к этому делу побольше своих людей.

* * *

Бизону повезло проснуться раньше Хлои. Он чмокнул ее в щеку и поправил ее одеяло. На тумбочке он оставил записку: «Прости, что вчера отключился. Сегодня поезжай с папой. Я буду с малышом. Люблю тебя».

Он побрел на кухню и встретил там сгорбившегося над тарелкой Циона.

— Кэмерон! — прошептал тот. — Если бы я знал, что ты уже проснулся, я бы и на твою долю что-нибудь приготовил.

— Не надо. Мне пришлось встать пораньше, чтобы заняться моей писаниной, а то потом придется с ребенком сидеть. — Кэмерон налил себе сока и прислонился к кухонному столу. — А Хлоя с Рэем поедут на встречу с Ти.

Цион устало кивнул.

— Мне не хватает Флойда. Я так и подумал, что случилось что-то неладное, когда вчера он не пришел к завтраку. — Он вздохнул. — У Дока была светлая голова. Он задавал так много вопросов.

— У меня голова не такая, но тоже есть вопросы. Вы ведь писали комментарии по поводу второй кары и шестого трубного гласа?

— И я опоздал, — посетовал Цион. — Вчера столько всего произошло, что я не успел выложить текст в Сеть. Надеюсь сделать это сейчас. И еще я надеюсь, что мое вчерашнее отсутствие никого не напугало.

— Все молятся о том, чтобы вы не исчезли из Сети.

— Давид Хассид говорит, что в техническом плане мы опережаем Карпати. Но когда он начинает объяснять, как сигнал передается от спутника к спутнику, я ничего не понимаю. Слава богу, Давид знает, что делает.

Бизон сполоснул свой стакан.

— У вас вчера были какие-то трудности?

— Они и сейчас есть, — ответил Цион. — На протяжении многих лет ученые считали, что пророчества полны символов, которые можно интерпретировать множеством разных способов. Но Бог ведь не этого хотел. Тогда почему они такие непонятные? Я верю, что когда в Библии речь идет о видении, то оно описано символично. Но когда пророк напрямую говорит о грядущих событиях, я толкую его слова буквально. И пока что я не ошибался. Тот фрагмент, над которым я бьюсь, это видение Иоанна — двести миллионов всадников, которые уничтожат треть населения Земли, и это, конечно, символ. Вряд ли на самом деле речь идет о таком количестве людей и животных, но я верю, что последствия реальны. Треть населения действительно погибнет.

Бизон зажмурился, и учитель отвел взгляд.

— Это что-то новенькое, — заметил Бизон. — Вы в самом деле не знаете, да?

Цион покачал головой.

— И я чувствую огромную ответственность перед моими читателями. Мне не хотелось бы слишком увлечься при толковании пророчества, и в то же время я не хочу

ни о чем умалчивать. Я пытаюсь честно рассказать читателям о своих затруднениях. В любом случае сейчас уже многие верующие способны сами толковать Писание.

— А когда случится эта кара?

— Мы знаем только, что она будет следующей и что наступит в первой половине периода Скорби. То есть Господь нашлет ее если не прямо сейчас, то в ближайшие несколько недель.

Накануне Цион выложил в Сеть цитату из Библии, которую собирался прокомментировать на следующий день. Один только этот текст привел к экранам компьютеров величайшую аудиторию в истории человечества, и все эти люди со страхом ждали, когда же доктор Бен-Иегуда разъяснит им строки из Откровения:

«И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей.

Число конного войска было две тьмы тем; и я слышал число его.

Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней — как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера.

От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей; ибо сила коней заключалась во рту их и в хвостах их; а хвосты их были подобны змеям, и имели головы, и ими они вредили.

Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить.

И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем».

* * *

Когда Давид вернулся в свой кабинет, он одновременно чувствовал и страх перед Леоном, и восторг оттого, что снова сумел обвести его вокруг пальца. Он включил свой ноутбук и, не обратив внимания на мигающую иконку нового сообщения, оформил покупку новой партии компьютеров и указал, чтобы их доставили на вертолетную площадку дворца. Ни к чему навлекать на себя подозрения. А работе экспертов всегда можно помешать, запустив вирусы или неправильно интерпретировав полученные результаты.

* * *

В одиннадцать утра во вторник Бизон вместе с остальными пришел на собрание Отряда Скорби. Он сказал, что только что получил сообщение от Давида о назначении

Абдуллы Смита вторым пилотом в экипаже Мака. Рэйфорд вскинул кулак в знак победы.

Затем он сказал:

— Новости у нас такие. Мы передали людям, которым доверяем, чтобы они выследили Хэтти. Она может причинить нам больше вреда, чем кто бы то ни было. На сегодня работы в подвале отменены. После обеда мы с Хлоей встречаемся с Ти. А теперь, миссис Роуз, вам слово.

Бизон и остальные не ожидали, что Лия станет рассказывать о себе стоя. Им пришлось передвинуться назад, чтобы было удобней смотреть на нее. Она говорила тихо и казалась более застенчивой, чем накануне. Ее голос звучал монотонно, словно она пыталась сдерживать эмоции.

— Я так поняла, что все вы до Восхищения праведников были обычными людьми, только неверующими. Но я была другой. Мой отец был алкоголиком, мать страдала маниакально-депрессивным психозом. Они развелись, когда мне было двенадцать, а до этого постоянно скандалили. В следующие три года я начала пить, курить, спать с парнями, принимать наркотики и несколько раз чуть не погибла. В семнадцать лет я сделала аборт, а потом ушла в запой, чтобы забыть этот ужас. Я бросила школу и жила у друзей. Я почти ничего не ела, жила на выпивке и таблетках, а потом в одну прекрасную ночь очнулась на улице, истекая кровью. Я понимала, что дошла до ручки и если не сделаю что-нибудь, то умру. Но я не хотела умирать,

потому что понятия не имела, что меня ждет с той стороны. Я молилась, когда со мной случалось что-нибудь плохое, но по-настоящему о Боге не задумывалась. Я пришла в бесплатный реабилитационный центр, хотя не представляла, как я смогу жить без наркотиков. Когда я более-менее пришла в себя, ребята из центра заставили меня пройти тестирование. У меня оказался высокий ай-кью, прямо на удивление, и хорошие способности к учебе. Я была так благодарна этим людям, что решила тоже помогать нуждающимся. Я снова пошла учиться и получала очень хорошие оценки, а параллельно работала санитаркой и сурдопереводчиком, чтобы платить за учебу. Тогда-то я и встретила со своим мужем, и он помог мне окончить школу и курсы медсестер. Я не могла иметь детей, и поэтому после шести лет брака мы усыновили двух мальчиков.

Когда Лия попыталась назвать их имена, ее голос сорвался.

— Питер и Пол, — прошептала она. — Мой муж вырос в религиозной семье и, хотя мы с ним в церковь не ходили, всегда мечтал, чтобы его детей звали именно так — в честь апостолов Петра и Павла. Мы хотели, чтобы наши дети знали о Боге, и поэтому снова начали посещать церковь. Люди там были очень приятные, но все-таки это больше напоминало сельский клуб. Мы участвовали во множестве разных мероприятий, но ближе к Богу не стали. В больнице, где я работала, один из священников пытался меня обра-

тить. Хотя он вроде бы казался искренним, я почувствовала себя оскорбленной. И еще одна женщина из детского сада пыталась дать мне книги об Иисусе. Я ответила, что мы и так верующие. А когда мальчики принесли домой детские книжки с рассказами из Библии, я разозлилась. Я позвонила ей и сказала, чтобы она оставила моих детей в покое и что они ходят в воскресную школу.

Голос Лии звучал хрипло от наплыва чувств.

— На следующее утро после Восхищения я обнаружила, что мои мальчики исчезли. Это был самый ужасный день в моей жизни. Я подумала, что их похитили. Полиция, естественно, ничего не могла сделать, потому что пропали все дети. Я ничего не знала о Восхищении праведников, но в новостях сказали, что это одно из возможных объяснений. Я позвонила священнику из больницы, но он тоже исчез. Я позвонила в детский сад, но мне сказали, что заведующая пропала. Я поехала туда, но оказалось, что никто ничего не знает. На стойке в фойе лежали буклеты, такие же, как те, что пыталась дать мне заведующая. В одном из них говорилось, что однажды истинные верующие исчезнут и попадут в рай к Иисусу. Я машинально сунула буклет к себе в сумку, а когда вернулась домой, обнаружила, что мой муж заперся в гараже и отравился выхлопными газами.

Лия умолкла, но, справившись с волнением, продолжила:

— Он оставил мне записку, попросил прощения и написал, что ужасно испуган, что не может жить дальше без наших детей и утешить меня в моем горе.

Губы Лии задрожали.

— Может, на этом остановимся, дорогая? — спросил Цион.

Она покачала головой.

— Я пыталась покончить с собой. Съела все таблетки, что были в аптечке. Но похоже, Господь не хотел, чтобы я умерла, потому что, как я поняла, все эти лекарства нейтрализовали действие друг друга. Я долго была без сознания, а когда очнулась, у меня болело все — голова, живот, и вкус во рту был отвратительный. Я полезла в сумочку за мятными конфетами и наткнулась на этот буклет. И тогда я все поняла. Автор буклета знал, что все это должно произойти, и предупреждал верующих, чтобы они подготовились. Теперь же выход для меня был один, и вы его хорошо знаете — найти Бога, покаяться в своих грехах и сказать Ему, что Он мне нужен. Я боялась, что для меня это уже слишком поздно, но все равно стала молиться — просто на всякий случай. Не знаю, как я нашла в себе силы, но как только я смогла выйти из дома, сразу начала искать единомышленников. И я нашла их — в церкви. Большинство прихожан исчезли, но остальные знали, почему их оставили. Сейчас там примерно человек шестьдесят, и они встречаются втайне. Я буду по ним скучать, но мое исчезнове-

ние вряд ли стало для них неожиданностью. Я говорила им, что пыталась помочь людям, скрывавшимся от Мирового Сообщества, так что они знают.

— Мы передадим им, что у вас все в порядке, — заметно расчувствовавшись, заверил ее Рэйфорд.

— А у меня все в порядке? — с печальной улыбкой уточнила Лия. — Значит, мне можно остаться?

— Мы должны проголосовать, — ответил Цион. — Но я думаю, что здесь вы обрели свой новый дом.

* * *

Тем же вечером в Новом Вавилоне Давид сидел в своем кабинете и скучал по Энни. Встречаться с ней было рискованно, поэтому обычно они общались по телефону или по Сети. Он поставил программу, которая автоматически стирала все записи их разговоров, на тот случай, если Энни забудет стереть их сама. Но на самом деле он представить себе не мог, чтобы кто-то из них вдруг забыл удалить доказательства их отношений и особенно их веры.

— Может, нам перестать скрывать, что мы любим друг друга? — напечатала она. — Мне придется перейти в другой отдел, чтобы ты не был моим начальником, но зато мы сможем видеться друг с другом и не вызывать подозрений.

Он напечатал в ответ:

— Не такая уж плохая идея, нам пригодились бы свои люди в других отделах. Но сейчас очень важно, чтобы ты была здесь, чтобы мы могли и дальше вывозить товары и пересылать их верующим из других стран. Впрочем, стоит подумать. Я не могу жить в разлуке с тобой.

И вдруг вокруг него включились все телеэкраны. Так происходило только в тех случаях, когда передавались сообщения чрезвычайной важности. Например, если Карпати или Фортунато выступали с обращениями к мировой аудитории, и не важно, что сотрудники в это время были заняты работой. Если в помещении был телевизор, он включался автоматически.

Давид развернул кресло и уставился на экран. Журналистка из «МС Си-эн-эн» рассказывала об авиакатастрофе. «Хотя ни само воздушное судно — по отзывам очевидцев, это был большой частный самолет, — ни пилот или его пассажиры не найдены, личные вещи потерпевших были выброшены волнами к португальскому побережью. Послушайте сигнал бедствия, записанный несколькими местными станциями слежения: «Помогите! Помогите! Квантум ноль-семь-ноль-восемь теряет высоту! Помогите!» Вскоре после этого самолет пропал с экранов радаров, и спасатели начали поиск пострадавших. В результате были найдены личные вещи двух человек: мужчины и женщины. Уполномоченные лица уверяют, что

обломки самолета и тела жертв вскоре будут обнаружены. Имена погибших будут сохранены втайне до тех пор, пока их ближайшие родственники не получают сообщения о катастрофе».

Давид понять не мог, зачем руководство Мирового Сообщества решило транслировать эту новость на весь дворец, если жертвы все еще неизвестны. И тут на экране возникло внутреннее, наспех составленное сообщение:

«Внимание персоналу дворца Мирового Сообщества! Вероятными жертвами авиакатастрофы являются пилот Сэмюэль Хансон из Батон-Руж, Луизиана, Соединенные Штаты Северной Америки, и Хэтти Дюрхем, уроженка Дес-Плейнс, Иллинойс, США. Ранее мисс Дюрхем работала личной помощницей его превосходительства потентата Карпати. Выражаем соболезнования всем, кто ее знал».

Давид позвонил Маку.

— Я тоже видел, — сказал Мак. — Какая откровенная фальшивка!

— Ага! Пилот сейчас небось получает страховку, а Хэтти где-то в Европе.

— Наверное, они там вместе покупают лекарства от глупости, — съязвил Мак. — И мы должны верить, что Карпати и Фортунато на это купились?

— Конечно, нет, — сказал Давид. — Если только они сами это не подстроили. Возможно, они нашли Хэтти, убили ее и замели следы вот таким способом. Но они бы подбро-

силы на место предполагаемой катастрофы обломки или тела.

Давид услышал сигнал поступившего нового сообщения.

— Я позже перезвоню, Мак.

* * *

Рэйфорд и Хлоя сидели в кабинете Ти на первом этаже диспетчерской башни аэродрома Палуоки, кроме Ти там были еще два парня из его домашней церкви. Хлоя объяснила, как она собирается поддерживать связь между ключевыми участниками торговой сети и почему систему нужно проверить, прежде чем вся торговля уйдет в подполье.

— Мы должны держать все в тайне с самого начала, — предупредила она. — Иначе мы со всеми посредниками окажемся под колпаком у Мирового Сообщества.

Все кивнули. И тут у Рэйфорда зазвонил телефон. Звонил Бизон. Рэйфорд громко рассмеялся, когда тот пересказал ему странное сообщение из новостей.

— Включи-ка телевизор, Ти, — сказал он. Комментаторы Мирового Сообщества со скорбью рассказывали о трагедии, хотя имена по-прежнему не назывались и из моря не выловили ничего, кроме документов и личных вещей. Рэйфорд покачал головой. — Когда-нибудь Фортунато, или кто там попытался воспользоваться этой ситуацией, опозорится на весь мир.

Хлоя потянула его за рукав и прошептала:

— По крайней мере, можно верить, что Хэтти все еще жива.

— Вопрос в том, — сказал он ей, когда встреча уже закончилась, — где она сейчас. Ей не хватило ума, чтобы достоверно симитировать свою гибель в авиакатастрофе. Так сможет ли она застать Карпати врасплох?

Когда парни из церкви ушли, Рэйфорд, Хлоя и Ти взбежали наверх, чтобы расспросить диспетчера о самолете, вылетевшем накануне в одиннадцать тридцать вечера. Диспетчером оказался толстый лысый мужчина, он сидел в кресле и читал сборник научной фантастики.

— Он говорил по радио с южным акцентом, но как он выглядит, понятия не имею, — ответил диспетчер. — Посадкой и взлетом управлял Бо.

— Он заходил сюда? — спросил Ти.

— Нет, он вызвал меня около восьми и запросил разрешение на посадку.

— Я не нашел номер самолета в компьютере.

— Я его записал. Могу сейчас ввести. — Диспетчер порылся в стопке бумаг. — Ноль семь ноль восемь, — сказал он. — А что это был «квантум», вы знаете.

— Можно выяснить, на кого он зарегистрирован? — спросил Рэйфорд.

— Конечно, — ответил толстяк. Он забарабанил по клавиатуре, а потом начал постукивать себя по коленке, дожидаясь, пока

закончится передача информации. — Хм, — произнес он. — Сэмюэль Хансон из Батон-Руж. Может, он родственник нашего Бо? Бо ведь тоже из Луизианы?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мак рад был снова встретиться с Абдуллой Смитом. Он познакомился с бывшим военным летчиком из Иордании в те давние времена, когда был вторым пилотом в экипаже капитана Рэйфорда Стила. Абдулла потерял работу, когда Карпати конфисковал все мировое вооружение, но вскоре стал одним из лучших поставщиков черного рынка, работавших под руководством все того же Рэйфорда.

За четыре года до Восхищения праведников жена Абдуллы перешла в христианство. Он развелся с ней и пытался отсудить у нее опеку над двумя их детьми: девочкой и мальчиком. Даже постоянные перелеты и длительные командировки не смогли отвлечь Абдуллу от его горя, и все кончилось тем, что он отказался от опеки и стал дневать и ночевать на военной базе.

Обычно немногословный, Абдулла однажды признался Маку и Рэйфорду, что был почти на грани самоубийства.

— Я всегда любил жену, — говорил он со своим сильным акцентом. — Она и дети были для меня всем. Но ты представь, если бы твоя жена приняла религию чужой страны! Мы писали друг другу письма, но помириться не смогли. Мне стыдно сказать, но я не был религиозным человеком, и я пошел вразнос. Жена говорила, что она каждый день молилась, чтобы я нашел Иисуса Христа, пока не стало слишком поздно. Я проклинал ее в ответ. Я писал ей и умолял отвергнуть ложное учение и вернуться ко мне, потому что я люблю ее. А потом называл предательницей и ругал последними словами. Она написала мне, что все еще любит меня и что это я захотел развестись, а не она. Но я злился и винил во всем ее. У меня остались ее письма, где она пишет, что я могу погибнуть и не успею обрести истинного Бога или что Иисус придет забрать своих, а меня оставит. Я был в ярости. Я хотел отомстить ей и поэтому отказывался встречаться с детьми, но теперь я понимаю, что делал хуже и им, и себе. Мне очень стыдно, потому что они могли так и не узнать, как сильно я их любил.

Мак помнил, что Рэйфорд сказал Абдулле:

— Однажды ты сможешь им все рассказать.

И Абдулла только кивнул в ответ с расстроенным и отрешенным видом.

Он стал верующим только потому, что сохранил письма жены. Она подробно описала ему путь к спасению, цитируя Библию и рассказывая, как молилась, чтобы обрести Христа.

— Я много раз комкал эти письма и швырял их через всю комнату, — говорил Абдулла. — Но я их не порвал, не сжег и не выбросил.

Когда Абдулла узнал об исчезновении жены и детей, он упал ничком на пол своей квартиры в Аммане, рассыпав перед собой письма жены.

— Все было так, как она говорила. Я плакал и звал Бога. После этого я не мог не поверить.

В миниатюрном иорданце с его восточной внешностью, тюрбаном и просторной белой рубашкой в сочетании с камуфляжными штанами и военными ботинками невозможно было заподозрить христианина. После того как в христианство обратились сто сорок четыре тысячи еврейских свидетелей и миллионы их последователей по всему миру, большинство людей были уверены, что опознать христианина очень легко. Но сейчас, конечно, истинные верующие узнавали друг друга с первого взгляда благодаря метке, заметной лишь для них одних.

Абдулла, худой, черноволосый, с крупными и выразительными чертами лица, был таким же тихим, как и раньше. Он вел себя очень сдержанно, ничем не выдавая, что они

с Маком духовные братья и давние друзья. Он не стал притворяться, будто они не знакомы, тем более что Мак состряпал историю о том, как они якобы служили вместе. Но подружески обняться они смогли, только когда вошли в кабинет.

— Я хочу тебя кое с кем познакомить, — сказал Мак, вызвав Энни.

Она постучала и вошла, широко улыбаясь.

— Должно быть, вы тот самый Абдулла Смит! — воскликнула она. — У вас особенная метка для иорданцев.

Абдулла растерянно взглянул на Мака, а затем уставился на лоб Энни.

— Я не могу увидеть свою метку, — сказал он. — Разве у вас она другая?

— Да я шучу, — ответила она. — Ваша смотрится лучше, потому что у вас лицо смуглое.

— Понятно, — сказал он все с тем же непонимающим видом.

— Привыкай к американскому юмору, — пояснил Мак.

— Канадскому, — поправила его Энни. Она раскинула руки, собираясь обнять Абдуллу, но лишь смутила его этим. В итоге он протянул ей ладонь, и Энни ограничилась рукопожатием. — Добро пожаловать в семью, — сказала она.

И снова Абдулла взглянул на Мака с удивлением.

— Вообще-то это она — новый член семьи, а не я.

Мак ответил:

— Она просто приглашает тебя в здешний филиал Отряда Скорби.

Абдулла оставил часть вещей в своем маленьком кабинете рядом с кабинетом Мака, а остальное двое грузчиков доставили ему на квартиру. Пока Мак с Абдуллой шли вслед за грузчиками, Мак сказал:

— Как только распакуешься, можешь сразу браться за работу: мы в пятницу летим в Ботсвану, надо проложить курс. Вылетаем в восемь утра, с ними у нас час разницы, так что...

— В Йоханнесбург, наверное, — поправил его Абдулла.

— Нет, севернее. Мы должны встретиться с Мвангати Нгумо в Габороне на старой границе между Ботсваной и Южно-Аф...

— Прости, капитан, но ты, видно, давно туда не летал. В Габороне только вертолеты могут садиться и взлетать. Аэропорт был разрушен во время великого землетрясения.

— Но старая военная база...

— И она тоже, — сказал Абдулла.

— Восстановительная программа Карпати до них так и не дошла?

— Дошла, но... у регионального potentата Соединенных Штатов Африки дворец в Йоханнесбурге не намного меньше этого, а новый аэропорт просто шикарный.

Мак поблагодарил грузчиков и открыл дверь в квартиру Абдуллы. Глаза иорданца расширились от удивления.

— И это все мне? — спросил он.

— Ты это скоро возненавидишь.

Когда дверь закрылась, Абдулла взглянул на голые стены и прошептал:

— Мы можем здесь разговаривать?

— Давид говорит, что можем.

— Я так хочу его увидеть. Ох, капитан, я чуть было не назвал африканского потентата царем! Мне надо быть осторожнее.

— Да мы-то знаем, что он один из царей, но эти парни ничего бы не поняли. Я думал, что потентат Рехобот... как его имя, кстати?

— Биндура.

— Да, верно... Я думал, он перенесет свою столицу севернее, ближе к своей родине. Он же из Чада?

— Из Судана. Так он говорит, но, похоже, Йоханнесбург ему нравится больше. Он в такой роскоши живет, что ты и не поверишь.

— Все цари живут в роскоши.

— И что ты об этом думаешь, капитан? — прошептал Абдулла. — Карпати платит им за сотрудничество?

Мак пожал плечами и покачал головой.

— Разве между Рехоботом и Нгумо не было вражды?

— Была, еще какая! Когда Нгумо был Генеральным Секретарем ООН, Рехобот все время на него давил, он требовал поддержки для Африки, а особенно для Судана. А когда Нгумо ушел и на его место пришел Карпати, Рехобот не скрывал своей радости.

— А теперь они союзники.

— И Рехобот его царь, — добавил Абдулла.

* * *

Поздним вечером в тот же день Рэйфорд наконец-то оказался на кухне наедине с Лией Роуз. Она сидела за столом и пила кофе. Он тоже себе налил.

— Уже устроились? — спросил он.

Лия подняла голову.

— Не понимаю, на что это вы намекаете.

Рэйфорд указал на стул.

— Можно?

— Конечно.

Он сел.

— А на что я могу намекать?

— Что мне не следует чувствовать себя здесь как дома.

— Но мы же проголосовали за! Голосование было открытым. Все было решено единогласно.

— А если бы голоса разделились, каким было бы ваше решение?

Рэйфорд откинулся на спинку стула, сжимая кофейную чашку в руках.

— Наше общение с самого начала не заладилось, — сказал он. — Я думаю, это моя вина.

— Вы не ответили на вопрос.

— Прекратите. В вашем случае голоса не могли разделиться. Хэтти прожила здесь несколько месяцев, а она ведь неверующая.

— Вы пытаетесь помириться со мной или просто быть вежливым?

— Вы хотите помириться? — спросил Рэйфорд.

— А вы?

— Я первый задал вопрос.

Лия улыбнулась.

— Сказать по правде, я хочу не просто помириться. Мы не можем жить под одной крышей, лишь изображая дружелюбие. Мы должны на самом деле стать друзьями.

Рэйфорд не был уверен в этом, но ответил:

— Я согласен.

— То есть все, что вы мне говорили...

Он вскинул голову.

— Я выставил себе не лучшим образом?

Лия кивнула.

— Считайте, что я вас простила.

Он не нуждался в прощении.

— А вы меня? — поинтересовалась Лия.

— Что?

— Вы меня тоже прощаете?

— Мне нечего вам прощать, — ответил Рэйфорд с великодушием, которого на самом деле не ощущал. — Все, что вы мне сказали, было...

Лия накрыла его руку ладонью.

— Я была не в себе, — сказала она. — И не могу винить во всем только вас. А теперь перейдем к делу. Раз уж мы решили начать с чистого листа, мы должны быть равны. Изначально.

— Конечно, — согласился Рэйфорд.

— У меня есть деньги, — заявила Лия.

— Вы всегда так быстро меняете тему?

— Наличные. Нам нужно их забрать. Они в сейфе в моем гараже. Я не хочу быть халатницей. Я тоже хочу что-то делать и внести свой вклад.

— А если мы дадим вам кров и пропитание в обмен на медицинскую помощь и знания?

— Помощь могу оказать, а со знаниями проблема. Я не смогу заменить Флойда.

— Все равно хорошо, что теперь у нас есть вы.

— Но деньги вам тоже не помешают. Когда мы сможем их забрать?

Рэйфорд указал на ее чашку. Лия помотала головой.

— О какой сумме идет речь? — спросил он. Когда она назвала сумму, Рэйфорд ахнул.

— В каких купюрах?

— Двадцатидолларовые банкноты.

— Полный сейф двадцаток?

— Были бы купюры мельче, они бы в нем не поместились, — ответила Лия.

— И вы думаете, он еще там? Люди из Мирового Сообщества наверняка разобрали весь дом по кирпичику.

— Сейф так хорошо спрятан, что мы боялись, что сами его не найдем.

Рэйфорд встал и вымыл чашки.

— Спать хотите? — спросил он.

— Нет.

— Так, может, сейчас и поедем?

* * *

Мак и Абдулла встретились с Давидом утром в пятницу. Как только они познакомились, Давид спросил, не знают ли они, где

можно было бы с толком для нашего дела использовать сто сорок четыре компьютера.

— Я знаю множество мест, — ответил Мак. — Но они нам не по пути.

— Я тоже знаю, — сказал Абдулла. — В Хавалли очень большая группа верующих. Там много профессионалов, и они могли бы...

— Хавалли? — переспросил Давид. — В Кувейте?

— Да. У меня есть знакомый в...

— Это восток. А вы будете лететь на юго-запад.

— Всего-то и надо немного сместиться к востоку, — сказал Абдулла. — Нужно просто придумать причину, чтобы сесть там.

— Почти сразу после взлета? — возразил Мак. — Это вызовет подозрения.

Минуту они сидели в молчании.

— А что, если?.. — начал вдруг он.

Давид и Абдулла уставились на него.

— Нам ведь далеко лететь!

— В Кувейт? — уточнил Абдулла, вытаскивая свои карты.

— Нет, в Африку.

— Больше четырех тысяч миль.

— Значит, нам нужно полностью заправиться, чтобы лететь без остановок. Мы хотим сэкономить деньги Мирового Сообщества и поэтому сделаем небольшой крюк, чтобы заправиться по более низкой цене.

— Прекрасно! — одобрил Давид. — Сейчас я обо всем договорюсь. Все, что мне нужно, — это небольшая разница в цене топлива, и тогда посадка в Кувейте будет оправдана.

— Что нужно подготовить моему человеку, чтобы забрать груз? — спросил Абдулла.

— Большой погрузчик. И большой грузовик.

* * *

— Почему вы оставили записку? — спросила Лия у Рэйфорда, когда они выехали в «лендровере» по направлению к Палатину. — Мы же вернемся раньше, чем кто-то проснется.

— Я не удивлюсь, — ответил Рэйфорд, — если кто-нибудь ее уже читает. В этом доме отличная слышимость. Мы слышим все, что происходит за стенами, все, что происходит снаружи. Пока что нам везло. Мы надеемся, что вовремя услышим и успеем спрятаться внизу, если нас обнаружат. И мы всегда предупреждаем друг друга, если куда-то идем. Бизон нас не предупредил, когда повез к вам Флойда, но это была чрезвычайная ситуация. Все тогда очень расстроились.

Следующие сорок минут Рэйфорд петлял среди развалин, пытаясь найти более-менее ровную дорогу. Когда же хваленый проект восстановления городов доберется до этой глуши?

Лия тем временем расспрашивала его о каждом участнике Отряда Скорби, о том, как они встретились, стали верующими, объединились.

— Как много смертей за такое короткое время! — сказала она, когда Рэйфорд изло-

жил ей последние события. — После таких потрясений даже странно, что вы умудряетесь действовать так эффективно.

— Мы пытаемся об этом не думать. И знаем, что дальше будет еще хуже. Это кажется банальностью, но мы вынуждены смотреть вперед, а не оглядываться в прошлое. Если бы мы позволили себе упиваться своим горем, то вообще бы ничего не сделали.

Лия провела рукой по волосам.

— Иногда я сама не знаю, почему мне так хочется дожить до Второго пришествия. Но потом у меня включается инстинкт самосохранения.

— О, кстати... — произнес Рэйфорд.

— Что?

— Тут машин больше, чем я ожидал.

Она пожала плечами:

— Этот район пострадал не так сильно, как ваш. Здесь никто не прячется, и все друг друга знают.

Они решили, что Рэйфорд оставит машину в паре кварталов от дома Лии и дальше они пойдут пешком. Рэйфорд вытащил из багажника фонарик и большую матерчатую сумку.

У дома Лия остановилась.

— Они даже дверь за собой не закрыли, — сказала она. — Тут наверняка все разграблено.

— Если не агенты Мирового Сообщества все вынесли, то мародеры, — откликнулся Рэйфорд. — Как только они узнали, что вы пустились в бега, ваш дом стал для них законной добычей. Хотите зайти посмотреть?

Лия покачала головой.

— Лучше нам сразу пойти в гараж. Соседи могут слышать стук входной двери.

— А сбоку есть вход?

Она кивнула.

— Ключ есть?

— Нету.

— Я могу вскрыть замок. Никто не услышит, если только они не сидят там в засаде.

* * *

Когда Мак встретил Абдулла в ангаре, чтобы проводить его на борт «Кондора-216», Энни была уже там и наблюдала за погрузкой.

— Что-то еще грузите, капрал? — спросил Мак.

— Да, капитан. Директор по закупкам распорядился, чтобы мы доставили в Кувейт излишек продовольствия. Он договорился о закупке топлива по какой-то безумно выгодной цене, так что когда будете там заправляться, тогда и выгрузите все это.

Внутри самолета Абдулла молчал ровно до тех пор, пока они не зашли в кабину и Мак не показал ему подслушивающее устройство.

— Представляешь, что с нами сделают, если эту штуку найдут? — сказал он.

В десять минут восьмого Мак и Абдулла закончили предполетную подготовку и связались с командно-диспетчерским пунктом

дворца. К самолету бежали три каких-то типа в белых фартуках.

— Повара, — пояснил Мак. — Впусти их.

Абдулла открыл дверь и спустил трап. Повар, тучный мужчина средних лет, держал в пухлых ручках исходящую паром кастрюлю, накрытую фольгой.

— Прочь с дороги! Прочь с дороги! — восклицал он со скандинавским акцентом. — Меня не предупредили, что главнокомандующий будет завтракать на борту.

Абдулла шагнул в сторону, и повар с двумя помощниками пронеслись мимо него.

— Тогда откуда вы узнали? — спросил он.

Повар тем временем вбежал на кухню и начал отдавать приказы. Услышав Абдулла, он обернулся:

— Это был риторический, саркастический или искренний вопрос?

— Первые два слова я не знаю, — признался Абдулла.

Повар прислонился к столу с таким видом, словно поверить не мог, что ему придется отвечать на вопросы второго пилота.

— Я хотел сказать, — произнес он очень медленно, словно разговаривая с ребенком, — что никто не предупредил меня, пока верховный главнокомандующий лично не приказал мне доставить завтрак на борт. Если ему захотелось яиц по-бенедиктински, он получит яйца по-бенедиктински. Еще вопросы?

— Да, сэр.

Повар выглядел ошеломленным.

— Что еще?

— Вы хотите порадовать верховного главнокомандующего?

— Если только для этого мне не придется снова бежать к самолету с подносом горячей еды.

— Я знаю, что, когда главнокомандующий Фортунато сказал, что хочет завтракать на борту, он на самом деле другого хотел.

— Что, правда?

— У нас будет маленькая остановка в Кувейте, и вот тогда лучше подать ему завтрак. В тишине, спокойствии, без болтанки.

— В Кувейте?

— Когда мы будем заправляться.

— Дети мои! — громогласно обратился повар к помощникам. — Не дайте пище остыть. Мы сервируем завтрак в Кувейте.

* * *

Как Рэйфорд и ожидал, боковая дверь в гараж Лии была довольно хлипкой, и он сумел открыть ее почти бесшумно. Но когда он проскользнул внутрь и шепотом спросил у Лии, где здесь сейф, ее рядом не оказалось. Рэйфорд чуть было ее не окликнул, но вовремя спохватился. Он медленно повернулся и на цыпочках прокрался к двери. Сначала он ничего не увидел, только слышал ее шумные вздохи. Она сидела, скорчившись, на грязной траве и никак не могла отдышаться.

— Я... я... я... — пробормотала она.

Рэйфорд присел рядом с ней.

— Что случилось? Что с тобой? Ты что-то увидела?

Не поднимая головы, она дрожащей рукой указала куда-то вдаль. Рэйфорд крепче сжал фонарик и повернулся в ту сторону, но там никого не было.

— Что ты видела? — спросил он, но Лия лишь забормотала что-то неразборчивое. — Идем-ка внутрь.

Рэйфорд помог ей подняться и внес в гараж, словно спящего ребенка.

— Лия! — позвал он ее. — Очнись! С тобой ничего страшного не случилось.

Она села на пол, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

— Они еще там? — спросила она. — Ты можешь запереть дверь?

— Замок сломан. Кто там был?

— Ты, правда, их не видел?

— Кого? — громко прошептал Рэйфорд. Его бросило в дрожь. — Тебе нужно встать с этого холодного пола.

Он потянулся к ней, но она отшатнулась.

— Я не смогу отсюда выйти, — пробормотала Лия, закрыв лицо дрожащими руками. — Тебе придется подождать сюда машину.

Рэйфорд не ожидал, что с ней будет так трудно.

— Слишком рискованно.

— Я не смогу, Рэйфорд! Прости!

— Тогда давай заберем деньги и свалим отсюда.

— Забудь про деньги. Я теперь все равно не смогу открыть сейф.

— Почему?

И снова она показала на что-то снаружи.

— Лия, — произнес Рэйфорд так терпеливо, как только смог, — там ничего нет. Мы в безопасности. Сейчас мы возьмем твои деньги, ты сядешь в машину, и мы уедем отсюда домой, хорошо?

Она покачала головой

— Да, уедем, — повторил Рэйфорд, взял ее за локоть и заставил подняться. Ноги ее не держали. Он отвел ее к стене и поставил так, чтобы она опиралась спиной. — Расскажи, что ты видела.

— Лошади, — сказала Лия. — Огромные черные лошади. На горном хребте за домом, во весь горизонт. Мне было трудно разглядеть всадников, потому что лошади дышали огнем и дымом. Но их много, сотни, тысячи, такие страшные. С такими мордами! Рэйфорд, у них были морды как у львов, с огромными зубами.

— Подожди меня здесь, — сказал Рэйфорда

— Не уходи! — воскликнула она, хватая его за руки.

Он заставил ее разжать пальцы.

— Ничего с тобой не случится!

— Не подходи к ним! Они висят в воздухе.

— В воздухе?

— Их копыта не касаются земли!

— Цион говорил, что они не настоящие, — заверил ее Рэйфорд.

— Цион их тоже видел?

— Разве ты не читала его сообщение?

— У меня нет компьютера.

— О всадниках написано в Откровении, Лия! Они ничего нам не сделают!

— Ты уверен?

— А что они могут сделать?

Лия задышала спокойнее, но даже в слабом свете фонаря было заметно, как она бледна.

— Дай я проверю, — сказал Рэйфорд — А ты пока вспомни комбинацию для сейфа.

Она кивнула, но с места не сдвинулась. Рэйфорд метнулся к двери.

— С западной стороны, — прошептала Лия. — На горизонте.

Хотя Рэйфорд не чувствовал страха, он не стал выходить, а выглянул из-за двери. Ночь была холодной и тихой. Вокруг не было ни души. Он сделал еще шаг и пригнулся, пытаясь заглянуть за угол. Его сердце забилось сильнее, но он так ничего и не увидел. Было ли это видением? Для нее одной?

Он вернулся в гараж. Лия отошла от стены, но к выходу подойти побоялась.

— Ты их видел? — спросила она.

— Нет.

— Но они были там, Рэйфорд! У меня не бывает галлюцинаций!

— Я верю.

— Правда?

— Ну конечно! Цион говорил, что они, скорее всего, будут невидимыми. Ему понравится такая новость.

— Тогда куда они подевались? Их слишком много, они не могли исчезнуть так быстро.

— Лия, — обратился к ней Рэйфорд, — мы говорим о сверхъестественных вещах, о добре и зле, о последней битве. Эти существа не подчиняются никаким правилам и законам. Если ты видела всадников, о которых сказано в Апокалипсисе, кто знает, какими возможностями они могут обладать?

Лия развела руками.

— Я пережила землетрясение. Я видела саранчу. А ты?

Он кивнул.

— Ты видел их вблизи, Рэйфорд, правда, видел?

— Мы с Ти даже препарировали одну из них.

— Тогда ты понимаешь.

— Конечно.

— Страшнее этого я ничего не видела. Я плохо их рассмотрела, но они были чудовищны. Где-то далеко, на горизонте, но такие огромные, что видно каждую деталь. Они действительно ничего нам не сделают?

— Цион сказал, что они уничтожат треть населения Земли.

— И верующих тоже?

Рэйфорд покачал головой:

— Они убьют тех, кто не раскаялся в своих грехах.

— Если бы я не раскаялась раньше, то сейчас уж точно раскаиваюсь! — воскликнула Лия.

* * *

Когда на борт погрузились повар, его помощники, Фортунато и два его ассистента, Мак вырулил из ангара на взлетную полосу к югу от дворца Мирового Сообщества. Поднявшись в воздух, он поприветствовал пассажиров по внутренней связи и сообщил о том, что им предстоит краткая остановка в Кувейте, а затем долгий перелет до Йоханнесбурга. Через несколько секунд раздался громкий стук в дверь кабины.

— Это, наверное, Леон, — сказал Мак, сделав знак Абдулле, чтобы тот открыл дверь. — Пора тебе с ним познакомиться.

Леон не обратил на Абдуллу ни малейшего внимания.

— Что еще за остановка в Кувейте, капитан? У меня же есть расписание!

— Доброе утро, главнокомандующий, — откликнулся Мак. — Наш новый второй пилот уверяет, что мы приземлимся вовремя и вы не опоздаете на встречу, сэр. Абдулла Смит, это верховный главно...

— Позже, — ответил Фортунато. — Так что там с Кувейтом?

— Два зайца одним выстрелом, сэр, — пояснил Мак. — Директор Хассид нашел возможность дешево закупить топливо, а наш новый бортоператор организовала доставку товаров, раз уж мы летим этим курсом. Так мы сэкономим для администрации кучу денег.

— Можете не продолжать.

— Слушаюсь, сэр.

— Так как ваше имя, молодой человек?

— Абдулла Смит, сэр.

— Я проголодался. Вы не хотели бы перекусить яйцами по-бенедиктински, офицер Смит?

— Спасибо, нет, сэр. Я уже позавтракал.

— Капитан МакКаллам, впредь я буду очень благодарен, если вы станете заблаговременно предупреждать меня об изменениях в расписании.

— Как я уже сказал, сэр, ваше расписание не изменится. Это лишь небольшая смена кур...

Дверь громко захлопнулась. Абдулла взглянул на Мака, вскинув брови.

— Милый дядя, — заметил он.

Мак нажал кнопку возле своего кресла, чтобы можно было слышать разговоры в салоне.

— Карл, как там яйца? Нам на всех хватит?

— Да, господин верховный главнокомандующий. Я подам их, когда мы приземлимся... то есть позвольте переформулировать. Я подам их, когда мы сделаем временную остановку в Кувейте.

— Но, Карл, я есть хочу!

— Простите, сэр. Мне сообщили, что вы предпочитаете завтракать в тишине и спокойствии, а мы сможем обеспечить для вас именно такие условия во время дозаправки в Кувейте.

— Кто вам это сообщил?

— Второй пилот, сэр.

— Новенький? Он же меня не знает!

— Ну...

— Сейчас разберусь.

Мак снова щелкнул кнопкой, переключился на связь с Абдуллой и на одном дыхании выпалил все, что только что услышал.

Едва Абдулла успел сказать спасибо, как дверь снова открылась.

— Как вас зовут, офицер? — спросил Леон.

— Смит, сэр.

— Вы велели повару подать завтрак в Кухейте, а не во время полета?

— Я сказал ему, что мы сменили курс и что вам, наверное, лучше...

— Значит, это ваша идея. Вы сказали ему, что думаете по поводу моих вкусов, хотя мы с вами никогда до этого не встречались.

— Я взял на себя ответственность, сэр. Если я превысил полномочия...

— Вы были совершенно правы, Смит. Мне просто интересно, откуда вы узнали, что я ненавижу есть, болтаясь в воздухе. Без обид, Мак... э... капитан.

Маку очень хотелось ответить: «Я не в обиде, Леон», но он сдержался и ограничился взмахом руки. «Кондор» летел на автопилоте, но Маку нравилось делать вид, будто он, по выражению Рэйфорда, следит за дорогой и вертит баранкой.

— Так откуда вы это узнали, офицер Смит? — спросил Леон.

— Догадался, — ответил Абдулла. — Я бы не хотел, чтобы во время важной встречи на моей рубашке было пятно от желтка или от голландского соуса.

Наступила мертвая тишина. Мак даже оглянулся, чтобы посмотреть, не вышел ли Фортунато. Он не вышел. Он был в шоке и стоял, разинув рот. А затем разразился хриплым, лающим хохотом и так хлопнул по плечу Абдуллу, что тот упал в свое кресло.

— Неплохо! — проревел Фортунато. — Мне нравится! — А затем, уже выходя из кабины и закрывая за собой дверь, повторил: — Желток или голландский соус на рубашке!

Мак снова нажал кнопку.

— Я не хотел ни в чем обвинять второго пилота, — бормотал Карл.

— Ерунда! Отличная идея! Подайте завтрак в Кувейте. Долго еще лететь?

— Всего лишь несколько минут, сэр, если я правильно понял.

— Отлично. И я приду на встречу в чистой рубашке. Ты должен был сам до этого додуматься, Карл!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сейф Лии был спрятан под заплесневевшей детской палаткой на полке под самым потолком. Рэйфорд помог ей вскарабкаться наверх по лестнице и подождал, пока она отодвинет в сторону палатку и прочий хлам. Потом он тоже поднялся наверх и стал светить фонариком ей поверх плеча, пока она набирала код.

— Как вы затащили сюда эту штуку? — прошептал он. — Она же целую тонну весит.

— Мы не хотели, чтобы соседи узнали, — все еще дрожащим голосом ответила Лия. — Поэтому мы пришли поздно, примерно в такое же время. Мой муж Шэннон поставил сейф в картонную коробку и взял напрокат выдвижные леса с гидродомкратом. Когда сосед спросил, зачем это нам, Шэннон сказал, что собирается чинить в гараже крышу. И ему поверили.

— И вы что, вдвоем его туда подняли?
Лия кивнула.

— Боялись, что полка не выдержит.

Сейф был примерно фута три в высоту и два в ширину и в самом деле набит деньгами. Открыв дверь, Лия сказала:

— Остальные ценности нам пришлось хранить в банке.

Сейф был набит пачками двадцатидолларовых купюр.

— Да, мы бы нашли этому применение, — заметил Рэйфорд.

— Поэтому я тебя сюда и привела.

— Я про сейф, а не про деньги. У нас не так уж много лет осталось, чтобы их потратить.

— Ерунда. Вам нужны будут еще машины, и вы не знаете, сколько еще людей придут к вам в убежище.

Они торопливо набили сумку деньгами.

— Она слишком тяжелая, чтобы ее удержать, — сказал Рэйфорд. — Помогите мне столкнуть ее вниз.

Они с трудом подтащили сумку к краю. Она с глухим громким звуком упала на пол, подняв тучу пыли. Рэйфорд погасил фонарь и затаил дыхание, прислушиваясь.

— Ты меня видишь? — прошептал он.

— Еле-еле.

Он знаком велел ей следовать за ним и начал спускаться. Оказавшись внизу, он помог слезть и Лии.

— Считаешь себя джентльменом, — шепнула она.

— Только если ты леди.

Они нагнулись над сумкой, пытаясь взять ее поудобнее. И тут им в лицо ударил луч света.

— Вы миссис Лия Роуз? — спросил чей-то голос.

Лия со вздохом взглянула на Рэйфорда.

— Да, — еле слышно сказала она. — Прости, Рэ...

— Не называй мое имя! — прошипел он. — И зачем ты врешь?

— Так вы миссис Роуз или нет?

— Говорю же вам, да! — ответила Лия с такой интонацией, что ее слова прозвучали совершенно фальшиво.

Рэйфорд даже удивился ее находчивости.

— А вы, сэр?

— Что я? — переспросил Рэйфорд.

— Кто вы такой?

— А вы кто?

— Миротворческие силы Мирового Сообщества.

— Как же нам повезло! — воскликнул Рэйфорд. — И мы тоже. Командующий Салливан приказал навести здесь порядок. Тут поработали мародеры. Он велел нам надежно закрыть гараж.

Кто-то щелкнул выключателем, и прямо надо головой Рэйфорда зажглась лампочка. Перед ним стояли четверо вооруженных солдат Мирового Сообщества: трое мужчин и женщина.

— Что вы тут делали в темноте? — спросил командир. У него были лейтенантские погоны.

Рэйфорд взглянул наверх. До лампочки можно было достать рукой.

— Мы слышали какой-то шум снаружи и погасили свет.

— Хм, — произнес молодой парень, шагнул к ним. — Покажите ваше удостоверение.

Стоящая за ним женщина смотрела на Рэйфорда подозрительно. Один из мужчин разглядывал полку.

— Меня зовут Пафко, — ответил Рэйфорд, отчаянно пытаюсь вспомнить, в какой карман он засунул фальшивое удостоверение. — Эндрю Пафко. Вот оно.

— А вы, мэм?

— Ее фамилия Фитцджеральд.

— Мои документы в машине, — добавила Лия.

— Лейтенант, — сказал один из солдат. — Там открытый сейф наверху.

Лейтенант вернул Рэйфорду его удостоверение.

— А вы тут сами, случайно, не мародерствовали, Пафко?

— Я готов отчитаться за каждый пенни.

— Хм... — Лейтенант повернулся к женщине: — Свяжись с центром. Пусть проверят Эндрю Пафко, уроженца Дес-Плейнс. И Фитцджеральд. Ваше имя, мэм, и место рождения?

— Полин, — сказала Лия. — И тоже Дес-Плейнс.

Женщина потянулась к телефону.

Рэйфорду почти удалось выкрутиться, но звонок на базу стал бы для них роковым. Их

обоих разоблачат, наверное, станут пытаться и убьют, если они не выдадут остальных участников Отряда. Может, он это и заслужил, потому что был слишком неосторожен, но Лия точно не заслужила.

— Пойдите, лейтенант, — сказал Рэйфорд. — Прежде чем докладывать на базу, может, подумаем, не стоит ли всем нам забыть об этой встрече? Я такой же солдат, как и вы, но мы оба знаем, что Роуз мятежница. Если это ее деньги, почему бы им теперь не стать нашими?

Лейтенант явно засомневался, а женщина убрала руку от телефона. Лейтенант взглянул в сумку.

— И ты поверил? — спросила женщина. — Думаешь, он из Мирового Сообщества?

— А откуда еще ему знать, почему мы разыскиваем миссис Роуз?

Она пожала плечами и отвернулась. Остальные двое подошли к двери, наверное, чтобы проверить, не видит ли их кто-нибудь. Рэйфорд нервно взъерошил волосы. Неужели ему удалось переманить солдат на свою сторону?

Он перехватил взгляд Лии в надежде, что она поймет его игру. Она выглядела такой же ошеломленной, как когда увидела лошадей. Рэйфорд осторожно передвинулся, встав между лейтенантом и дверью. Лия шагнула к нему.

Увидев, сколько в сумке денег, лейтенант присвистнул. Мужчины кинулись к нему, и женщина тоже. Пока они смотрели в сумку,

Рэйфорд и Лия перебрались еще ближе к двери. Лия могла бы выскользнуть наружу, но Рэйфорд молчал, и она не сдвинулась с места.

— Да тут на всех хватит, — заметил один из солдат. лейтенант кивнул, но Рэйфорд обратил внимание, что женщина не сводит глаз с Лии. Она вытащила из заднего кармана пачку бумаг и начала их перелистывать. А потом остановилась и снова взглянула на Лию.

— лейтенант, — сказала она.

— Смотрите, что покажу, — вмешался Рэйфорд, сунув руку в сумку и вытащив стопку купюр. — Вы только представьте, тут по пятьдесят двадцаток в каждой пачке. — Он похлопал деньгами по ладони. Женщина потянулась за пистолетом. Рэйфорд взмахнул рукой. — Разве не здорово — поделить их на всех и... Беги! Сейчас же! — Он ударил по лампочке пачкой денег, и гараж погрузился во тьму.

Рэйфорд развернулся и выскочил вслед за Лией в боковую дверь. Сзади слышался звук выстрела, какой-то треск, а потом вспыхнул свет фонаря. Поскальзываясь на мокрой земле, Рэй подумал, что их шанс добраться живыми до «лендровера» примерно один к пяти. Но останавливаться он не собирался.

Кто-то нажал кнопку автоматического открывания дверей, и Рэйфорд услышал, как открываются ворота гаража. Он оглянулся и увидел четырех солдат, бегущих следом и размахивающих оружием.

— Быстрее! — крикнул Рэйфорд, снова повернувшись к Лие.

Но она вдруг застыла как вкопанная. Он налетел на нее, и они оба покатались по траве. Снова что-то треснуло. Неужели, падая, кто-то из них сломал ногу? Почему Лия остановилась? Она же так быстро бежала! Они могли бы спастись. До «лендровера» рукой подать. Их теперь застрелят? Или просто арестуют? Рэйфорд предпочел бы умереть, чем подвергнуть опасности своих близких.

— Пусть лучше стреляют, — сказал он и попытался подняться. Но Лия так и осталась стоять на четвереньках, глядя вперед из-под спутанной копны волос.

Рэйфорд обернулся. Солдаты исчезли. Тогда он снова посмотрел вперед — туда, куда был прикован взгляд Лии.

Там были лошади, в каких-то десяти футах от него... огромные, ужасные, мускулистые твари, раза в два больше любого животного, которого он когда-либо видел. Лия была права: их копыта не касались земли, и все же они двигались, перемещались, поворачивались к нему.

Из их ртов и ноздрей вырывались лепестки пламени и густой желтый дым. Пламя освещало их чудовищные морды — львиные морды, с клыками и развевающимися гривами. Рэйфорд медленно поднялся на ноги, уже не удивляясь, чего Лия так испугалась при первой встрече с чудовищами.

— Они ничего нам не сделают, — слабым голосом, с надеждой сказал он.

Он дрожа глядел на лошадей. Их были сотни, тысячи, они перебирали ногами и топтались на месте, готовые броситься вперед. Всадники были такими же огромными, как и их кони. Они были похожи на людей, но на людей ростом в десять футов и весом не меньше пятисот фунтов.

Рэйфорд сглотнул, ему было трудно дышать. Ему хотелось посмотреть на Лию, но он не мог отвести взгляд от всадников. В каких-то трех шагах от него кружились и переступали лошади. Рэйфорд ахнул, увидев круп одной из них: на месте хвоста была огромная змея с головой в два мужских кулака. Она извивалась и скалила зубы.

Всадники смотрели куда-то вдаль, поверх головы Рэйфорда. На каждом из них был желтый, синий или ярко-красный нагрудник, сияющий в свете пламени. Под кожей перекачивались мускулы — похоже, всадникам было непросто удержать коней в повиновении.

Рэйфорд не чувствовал запахов конского пота или гари. Он замечал, что лошади фыркали и дышали, только по лепесткам пламени и клубам дыма. Он не слышал звуков, которые издавали конская сбруя или доспехи. И все же эти похожие на львов лошади и их всадники казались ему более живыми, чем все, что он до сих пор видел в жизни.

Наконец-то Рэйфорд нашел в себе силы посмотреть на Лию. Она словно оцепенела: так и застыла не мигая и с раскрытым ртом.

— Дыши, — напомнил ей Рэйфорд.

Неужели Господь послал этих всадников, чтобы защитить их? Неудивительно, что солдаты бросились наутек. Рэйфорд повернулся и сначала не заметил ничего необычного до самого гаража. Но потом все-таки разглядел на земле четыре неподвижных тела.

Он слышал вой сирен, видел вертолеты с горящими прожекторами, слышал топот ног и крики солдат.

— Лия, нам надо идти, — сказал он. — Мы пройдем прямо сквозь них. Они не реальны.

— Эй, вы!

Рэйфорд стремительно повернулся. К лежащим на земле трупам подошли двое солдат.

— Оставайтесь на месте!

Солдаты медленно двинулись к ним, и наконец-то Лия смогла отвести взгляд от всадников и обернуться.

— Кажется, я сломала ребро, — прошептала она. А потом взглянула на солдат. — Почему они не боятся лошадей?

Действительно, почему? Они осторожно подошли ближе — два парня лет двадцати — и направили автоматы на Рэйфорда и Лию.

Рэйфорд знал, что лошади все так же стоят за его спиной, потому что на лицах парней плясали отблески пламени.

— Что случилось с теми солдатами? — спросил один из них.

— Ничего, — ответила Лия, все еще стоя на четвереньках. — А как вам нравится наша армия?

— Встаньте, мэм.

— Они их не видят, — догадался Рэйфорд.

— Кого не видим? — спросил первый солдат. — Следуйте за нами.

— Вы ничего не видите, — мертвым голосом повторил Рэйфорд.

— Я приказал вам встать, мэм! — крикнул второй. Он шагнул к Лие, но Рэйфорда преградил ему путь:

— Послушай меня, сынок. Если ты...

— Тебя, что ли, слушать? Да я могу пристрелить тебя, и мне ничего не будет!

— Тебе грозит опасность. Это не мы убили...

Все тело солдата вдруг вспыхнуло, и огонь был таким ярким, что вокруг стало светло как днем. Лошадь прошла мимо Рэйфорда и развернулась, хлестнув хвостом по лицу второго солдата. Он отлетел в сторону, словно тряпичная кукла, и ударился головой о дерево.

Лия медленно встала на ноги, по ее лицу текли капли пота.словно в замедленной съемке, она протянула к Рэйфорду руку.

— Мы... все... умрем, — выдавила она.

— Не мы, — выдохнул Рэйфорд. — Где болит? Покажи.

Она приложила ладонь к левой стороне груди, и Рэйфорд обнял ее за талию, помогая дойти до машины. Щурясь от яркого пламени, он шел прямо сквозь лошадей, как сквозь голограмму. Лия уткнулась лицом ему в плечо.

— Они в другом измерении, да? Что это вообще такое?

— Видение, — ответил Рэйфорд, только сейчас поверив, что им удалось спастись. — Цион был прав. У них нет физических тел.

Сейчас они находились в самой гуще толпы, и ей не видно было конца. Рэйфорд чувствовал себя ребенком в окружении огромного множества взрослых. Наконец, они прошли сквозь последний ряд лошадей и увидели перед собой «лендровер».

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Рэйфорд.

— Как во сне. Завтра я буду думать, что все это мне помешалось. Я и сейчас глазам своим не верю.

Рэйфорд указал на запад, где в полумиле от них собиралась еще одна армия всадников на огнедышащих лошадях. Лия указала в другую сторону, где их было еще больше. Отряд, оставшийся позади, сквозь который они прошли, двинулся к дому Лии.

Они сели в машину, и Рэйфорд вырулил прямо на улицу, хотя раньше на это бы не осмелился. Черно-желтый дым из лошадиных ноздрей буквально преследовал солдат Мирового Сообщества, и многие из них падали и умирали на месте. Дым распространялся по округе, и люди выбегали из своих домов, кашляли, задыхались, падали. Кое-где вспыхивали пожары.

— Жди здесь, — сказал Рэйфорд, свернув на стоянку у гаража.

— Рэйфорд! Не надо! Давай вернемся домой!

Он вылез из машины.

— Ну да. Можно подумать, я оставляю им эти деньги...

— Прошу тебя! — закричала Лия ему вслед.

Рэйфорд прошел мимо трупов и вошел в гараж. Он застегнул сумку и взвалил ее на плечо. Пройдя сквозь огонь и дым и не почувствовав ни запаха, ни жжения, он забросил сумку в багажник и снова уселся за руль. Вырулив со стоянки, он повернулся к Лие.

— Добро пожаловать в Отряд Скорби, — сказал он.

Она покачала головой, все еще держась рукой за ребра. Рэйфорд прибавил скорость, направляясь напрямик к убежищу. Он еще раз взглянул на Лию.

— Лучше пристегнись.

* * *

Мак протиснулся мимо Фортунато и компании, которые как раз завтракали, и вышел из самолета, чтобы проследить за процессом заправки. Заодно он увидел, как проходит передача груза. Абдулла открыл люк, и целая армия автопогрузчиков вырулила на бетонную площадку и по алюминиевому пандусу въехала в самолет. Пока Фортунато ел, сто сорок четыре компьютера и более тонны продовольствия были выгружены из

«Кондора-216», принадлежавшего Мировому Сообществу, и переданы врагам вышеупомянутого Сообщества. «Прекрасно, Абдулла! — подумал Мак. — Ничто не может так отвлечь верховного главнокомандующего, как вкусный завтрак».

* * *

Бизон проснулся от того, что Хлоя разговаривала по телефону.

— Сколько времени? — спросил он.

Она указала на часы, было половина первого.

— Тсс, — шепнула она. — Это папа.

— Он же написал, что они с Лией...

Хлоя снова шикнула.

— Выглянуть? — спросила она. — А зачем?.. Ну хорошо! Посмотрю... Циона позвать? Ты серьезно? Хочешь, чтобы я его разбудила?.. Приезжайте быстрее. — Она повесила трубку. — Бизон, поднимайся.

— Зачем? Что случилось?

— Вставай. Папа хочет, чтобы ты разбудил Циона и выглянул в окно.

— Какого...

— Быстрее! Они с Лией уже возвращаются.

— И что мы там увидим?

— Двести миллионов всадников.

— Уже началось? А ты видела?!

— Буди Циона!

* * *

Снова поднявшись в воздух, Мак приказал Абдулле следить за приборами.

— А я хочу послушать, станет ли Леон обсуждать свои планы.

Он проверил, заперта ли дверь, отстегнул ремень безопасности, поудобнее уселся в кресле, закрыл глаза и нажал кнопку подслушивающего устройства. Один из помощников Фортунато попытался к нему подлизаться.

— Представляете, как будет весело, когда он обнаружит, что здесь только вы, а Карпати и вовсе нет на борту.

— Мне показалось, или ты только что назвал потентата по фамилии?..

— Простите, главнокомандующий. Я хотел сказать, его святейшество потентат. Хотелось бы мне увидеть лицо Нгумо, когда он обнаружит, что потентат Рехобот не только знает о встрече, но и тоже получил приглашение.

И тут вмешался второй помощник:

— А в чем смысл этой поездки, кроме как поставить Нгумо на место?

— Хороший вопрос, — заметил Леон. — Наивный, но хороший. Во-первых, это невероятно умный способ это сделать. Это уже не просто оскорбление, а жгучее оскорбление. Несмотря на наши улыбки и почтение, он сразу поймет, что это плевок в лицо. Это не встреча с его святейшеством. Это даже не встреча с верховным главнокомандующим лицом к лицу. Он не получит ничего в ответ на свои просьбы, и ему ни-

чего не останется, кроме как утереться. Все это можно было бы сказать по телефону, но я хочу доставить себе маленькую радость. К тому же эта встреча послужит основой для нового альянса.

— С Рехоботом?

— Ну конечно. Очень важно, чтобы его святейшество доверял своим региональным потентатам. Пара-тройка договоренностей с Биндурой, и мы обеспечим его преданность. Ходят слухи о заговоре, но мы стопроцентно уверены в шести потентатах, на девяносто процентов уверены в Рехоботе и сомневаемся только в трех. Когда мы займемся иерусалимской проблемой, они будут у нас на коротком поводке, или мы их просто заменим.

— Иерусалимской проблемой?

— Не разочаровывай меня. Ты так долго со мной работаешь и не знаешь, что я имею в виду...

— Двоих Свидетелей?

— Да, то есть... нет! Их так мятежники называют. А сами они называют себя какой-то штукой из Библии, светильниками, или деревьями, или еще какой-то ерундой. Не опускайся до их уровня. Они всего лишь чокнутые проповедники, сидят там у своей стенки...

Последние слова утонули во взрыве хохота, и Леон продолжил упражняться в остроумии. Привыкнув к восторженному смеху подчиненных, он поверил, что и в самом деле обладает непревзойденным чувством юмора. Мак удивленно покачал головой, и тут Абдулла неожиданно хлопнул его по груди.

Мак подскочил в своем кресле, как будто его огрели палкой.

— Прости, — воскликнул Абдулла, — но ты смотри! Смотри! Ой, что там было!

— Что?! — спросил Мак.

Солнце светило с левого борта, и вокруг простиралось синее безоблачное небо. Мак не видел ничего необычного, и Абдулла, кажется, тоже.

— Но это было, капитан. Клянусь, я это видел.

— Я не сомневаюсь в тебе. Но что это было?

— Ты не поверишь. — Глаза Абдуллы были все еще расширены от удивления. Он наклонился вперед и посмотрел по сторонам.

— А ты попробуй.

— Армия.

— Что?! —

— То есть кавалерия.

— Абдулла, ты же даже не смотришь на землю!

— Если бы я на земле ее увидел, то не стал бы тебя будить!

— Я не спал.

— Если бы я увидел всадников на земле, то не удивился бы.

— А ты что, видел их в небе?

— Всадников на лошадях.

— Вокруг даже облаков нет.

— Я же сказал, что ты мне не поверишь.

— Я верю, что тебе кажется, будто ты что-то видел.

— С тем же успехом ты мог бы обвинить меня во лжи.

— Я не обвиняю, я верю, что ты что-то видел. И ты не дремал, правда?

— Ты хочешь сказать, что я лгун и что сплю на работе?

Мак рассмеялся.

— Раз ты говоришь, что что-то видел, то я тебе верю.

— Там их было меньше двухсот миллионов, но...

— Ага, так ты читал уроки Циона...

— Конечно. А кто не читал?

Мак вскинул голову.

— Ты задумался, может, даже уснул. И не смотри на меня так. На какое-то мгновение задремал, а в голове у тебя были сообщения доктора Бен-Иегуды...

— Ты оскорбляешь меня, капитан.

Мак хлопнул Абдуллу по плечу.

— Прости, брат. Но ты должен признать, что такое объяснение возможно.

Абдулла отодвинулся.

— Лучше признай, что я в самом деле их видел.

— И что же они делали? Гарцевали? — улыбнулся Мак. — Вышагивали, словно на параде?

— Капитан! Ты меня оскорбляешь!

— Да ладно тебе, Абдулла! Цион говорит, что всадники и их кони поднимутся из преисподней, как саранча. Что они забыли в небе?

Абдулла посмотрел на него с отвращением и отвернулся.

— Ты думаешь, я смог бы нарочно тебя оскорбить? — спросил Мак.

Тишина.

— Что, правда, думаешь?

Абдулла молчал.

— И не дуйся.

— Я не знаю, что такое слово «дуйся».

— Может, и не знаешь, но именно этим сейчас занимаешься.

— Если дуйся — это злиться на человека, которого я считал другом и братом, то, значит, я дуйся.

Мак расхохотался:

— Ты дуйся? Может, я так и буду тебя называть? Это мой друг и брат дуйся!

Не успел он и глазом моргнуть, как все небо вдруг них вдруг заполнилось всадниками. Абдулла дергнул штурвал на себя, и самолет взмыл почти вертикально, так что Мака вдавило в кресло. Из кухни и салона донесся грохот. Леон закричал.

Мак сразу же пожалел о том, что не был пристегнут. Абдулла не смог плавно выровняться, и самолет швырнуло вниз. Мака подбросило к потолку, и он едва успел повернуть голову, чтобы не удариться лицом о приборную панель. Ручки управления сломались, и одна из них проткнула ему ухо. На стекло и приборы полилась кровь.

Наконец Абдулле удалось справиться с управлением.

— Я сделал это не для того, чтобы тебе отомстить, — дрожащим голосом сказал он, глядя прямо перед собой. — Если ты не видел, как я чуть не столкнулся с ними, то прости. Надеюсь, ты не сильно поранился.

— Я видел их совершенно отчетливо, — ответил Мак, его сердце бешено колотилось. — Я никогда больше не буду сомневаться в твоих словах. Мне нужно остановить кровь. Если увидишь их снова, не пытайся увернуться. Держи курс. Они просто плывут в воздухе. Мы с ними не столкнемся.

— Прошу прощения. Я сделал это машинально.

— Я понимаю.

— Ты хорошо себя чувствуешь, капитан?

— Не очень, но ранка совсем неглубокая.

— Это хорошо, — заметил Абдулла. И передразнил стюардессу, объясняющую пассажирам правила безопасности. — Не следует отстегивать ремень, когда вы сидите в кресле, даже если лампочка аварийной сигнализации ремня безопасности отключена.

Мак закатил глаза.

— Теперь уже ты дуйся? — поинтересовался Абдулла.

Мак встал и потянулся к дверной ручке, и в тот же миг раздался громкий стук в дверь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Бизон извинился перед Ционом и сообщил ему:

— Рэйфорд и Лия ездили к ней домой и только что позвонили. Говорят, чтобы мы выглянули в окно.

Цион, весь взъерошенный после сна, набросил халат и спустился вниз вслед за Бизоном. Хлоя стояла у восточного окна, держа на руках Кенни.

— Может, выключить свет? — спросила он. — Я ничего не вижу.

— А что мы должны увидеть? — поинтересовался Цион.

— Двести миллионов всадников.

Цион бросился к центральному окну и отдернул шторы.

— Вот хорошо бы, если бы Господь перенес Второе пришествие на пару лет раньше, — заметил он. — Похоже, там облачно. Звезд не видно. А где луна?

— Вон там, — сказал Бизон.

— Представить себе не могу, что Рэйфорд говорил это всерьез, — пробормотал Цион, подойдя к Бизону и Хлое.

— Он был очень взволнован, — ответила Хлоя. — И даже напуган.

Бизон отошел от двери и тоже взглянул на восток, где над горизонтом поднималось красное зарево.

— Может, это оно? — спросил он.

— Там что-то горит, — устало заметил Цион. — Но разве дом миссис Роуз не в другой стороне.

— Стоило бы съездить туда и взглянуть, — предложил Бизон.

Хлое эта мысль не понравилась.

— Давай лучше подождем. Зачем рисковать, если это может оказаться обычным пожаром?

И тут зазвонил телефон. Хлоя передала недовольного Кенни Бизону и ответила на звонок.

— Нет, папа, — сказала она. — Там какой-то пожар на востоке... Ты уверен, что оно уже началось?... Ага, даю трубку Циону.

* * *

Как только Мак открыл дверь, в кабину с руганью ввалился растрепанный Леон.

— Воздушная яма, — пояснил Мак.

— Воздушная яма?! А как же дым, а запах? Один из моих помощников без созна-

ния, и Карл говорит, что кто-то из его людей в полной отключке! Нам надо срочно приземляться! А то мы все задохнемся! И у вас кровь идет!

Мак отвел его назад в салон, где один из помощников Леона лихорадочно пытался привести в сознание другого.

— Мы все тут сдохнем! — доносились с кухни вопли Карла.

Леон закашлялся и закрыл рот носовым платком.

— Сера! Откуда она взялась? Она ядовитая, да? Мы умрем?

Мак ничего не чувствовал. Он мог бы проверить приборы, но «кондор» был оснащен сверхчувствительной сигнализацией на случай задымления или пожара, и эта сигнализация не сработала. Мак понял, что если срочно не притвориться страдающим от удушья, это вызовет подозрения. Он зажал рот ладонью.

— Я включу систему вентиляции, — сказал он, глядя, как Карл вытаскивает из кухни потерявшего сознание работника. — Отнесите этих двоих в спальный салон. У нас есть кислород в баллонах, его хватит на всех.

— А мы можем где-нибудь приземлиться? — спросил Леон.

— Я посмотрю, — ответил Мак.

— Быстреей давай!

Мак бросился в кабину и закрыл за собой дверь.

— Что там? — поинтересовался Абдулла. — И у тебя все еще кровь идет.

— Я в норме, — ответил Мак. — Дым от этих лошадей проник даже сюда, в герметичный салон. Все там чувствуют запах серы, задыхаются, дышат кислородом и падают без сознания. Леон хочет, чтобы мы приземлились.

— Нам лучше лететь прямо в Йоханнесбург, — возразил Абдулла, проверяя вместе с Маком показания приборов. — Этот дым не из самолета. На земле сейчас творится то же самое.

— Но там им могут оказать медицинскую помощь!

Абдулла взглянул на Мака:

— Может, и так, но если эту хворь наслали двести миллионов всадников, им не поможет никакая медицина.

— Сколько нам еще лететь?

— Несколько часов.

Мак покачал головой и поморщился от боли.

— Нам нужно приземлиться, а не то Леон поймет, что эта отравка на нас не действует.

По знаку Абдуллы Мак занял его место, а Абдулла тем временем стал доставать карты.

* * *

— Кони появятся с минуты на минуту, — сообщил Цион, закончив разговор с Рэйфордом. — И изо рта их выходят дым, огонь и сера. Я такого даже не ожидал, но их можно увидеть, по крайней мере, некоторым это

удается. Рэйфорд и миссис Роуз тоже их видели. А неверующие погибают.

Бизон включил телевизор.

* * *

— Помогите! Помогите! — донеслось из радиоприемника.

— «Кондор» на связи, я вас слушаю.

— Помогите! Мой пилот мертв! Я задыхаюсь! В кабине полно дыма. Ай! Какая вонь! Я ничего не вижу! Мы падаем! Мы разобьемся!

— Где вы находитесь?

Но больше Мак не услышал ничего, кроме испуганных воплей. Это напомнило ему день Восхищения праведников, но на этот раз падали самолеты, которыми управляли летчики-атеисты.

В эфире звучали сплошные просьбы о помощи. Мак ничего не мог сделать. Он чувствовал, что у него голова идет кругом. Он переключился на программу новостей.

— Никто не может объяснить причину пожаров и распространения ядовитого газа с серным запахом, уже ставшего причиной гибели тысяч людей по всему земному шару, — говорил журналист. — Медики в растерянности, они пытаются понять причину массовых отравлений. Передаю слово главе Министерства чрезвычайных ситуаций Мирового Сообщества доктору Юргену Гаазу.

— Если бы это произошло в каком-то одном регионе, мы могли бы объяснить это стихийным бедствием, гигантским выбросом природного газа. Но такие выбросы сейчас происходят повсеместно, и, по-видимому, этот газ смертельно ядовит. Мы призываем граждан пользоваться марлевыми повязками и совместно бороться с пожарами.

— Что опаснее, черный дым или желтый? — спросил журналист.

Гааз ответил:

— Сначала мы были уверены, что черный дым — это следствие пожаров, но, похоже, у него есть какой-то независимый источник. Он очень ядовит, но желтые пары серы гораздо опаснее — они убивают мгновенно.

Журналист с ужасом в голосе сказал, что только что получил новое сообщение:

— Хотя в некоторых районах не было зарегистрировано появление дыма или паров серы, в зонах бедствия количество жертв уже исчисляется сотнями тысяч. Его святейшество потентат Мирового Сообщества Николае Карпати выступит с официальным обращением по радио, телевидению и в Интернете в течение ближайшего получаса.

Абдулла сунул карту прямо Маку под нос.

— Мы примерно на одинаковом расстоянии от двух аэропортов, где принимают тяжелые самолеты. Это Аддис-Абеба и Хар-тум.

— Надо спросить у Леона, — ответил Мак. — Это же он мечтает приземлиться.

Абдулла снова взял управление, а Мак вышел из кабины и обнаружил, что Леон с кем-то разговаривает по телефону. Мак взял на кухне полотенце, намочил его и приложил к уху, а второе такое же отнес в кабину, чтобы Абдулла стер кровь с иллюминатора.

— Минуточку, ваше святейшество, — сказал Леон, — я нужен капитану... Да, я спрошу. — Он прикрыл трубку ладонью. — Его святейшество хочет знать, где мы сейчас находимся.

— Над Красным морем. Мы можем либо...

Леон сделал ему знак замолчать и снова заговорил с Карпати. А потом протянул трубку Маку.

— Его святейшество желает поговорить с вами.

— Что вы собираетесь предпринять, капитан?

Мак объяснил Карпати, что они сейчас могут сделать.

— Вы не можете сесть в Мекке или в каком-нибудь из йеменских аэропортов?

— Там нет взлетно-посадочных полос, рассчитанных на такие самолеты, как наш, сэр.

— Но Аддис-Абеба в бывшей Эфиопии, — рассеянно заметил Карпати.

— Да, — подтвердил Мак. — А Хартум — это в бывшем Судане.

— Летите туда. Я позвоню потентату Рехоботу в Южную Аф... в Йоханнесбург и позвоню, чтобы его люди в Судане вас встретили. Если после этого вы сможете продолжить полет, это было бы замечательно.

— Можно спросить, что там у вас происходит?

— У нас? Несколько людей погибли и вонь стоит отвратительная. Я уверен, что это химическое оружие, но не удивлюсь, если оппозиционеры припишут это вмешательству потусторонних сил.

— Я тоже... сэр.

— Иерусалимская парочка уже подхватила эту версию.

— Что?

— Теперь я так их называю. Вам нравится?

Мак не ответил. По всему миру гибнут люди, а Карпати играет в слова.

— И конечно, все заслуги они приписали себе, — продолжил Карпати. — Тем легче для меня. Я покончу с ними, и все будут мне благодарны.

* * *

Бизон, Цион и Хлоя сидели перед телевизором и дожидались возвращения Рэйфорда и Лии. Из разных стран поступали репортажи о пожарах и распространяющихся клубах дыма. Люди кашляли, задышались, падали без сознания. Мир был охвачен паникой.

Тут зазвонил телефон. Мак хотел поговорить с Рэйфордом.

Бизон в ужасе выслушал рассказ Мака и Абдуллы. Мак рассказал ему о том, какое прозвище дал Карпати двоим Свидетелям.

— Он сейчас будет выступать по телевизору, — ответил Бизон. — Я передам Рэйфорду, чтобы он перезвонил вам.

Рэйфорд и Лия вошли в дом сразу после того, как диктор объявил о выступлении Карпати. Вся американская часть Отряда Скорби собралась перед телевизором, чтобы наблюдать ход истории. Когда перед камерой появился Карпати, Цион вскочил и принялся расхаживать по комнате. Потентат играл привычную роль «отца народов», уверяя испуганных зрителей, что очень скоро «ситуация будет взята под контроль. Мы пустим в дело все наши ресурсы. А тем временем я обращаюсь ко всем гражданам Мирового Сообщества с просьбой сообщать властям о любых подозрительных событиях, особенно о деятельности диверсантов. Как ни печально, у нас есть причины подозревать, что эти чудовищные массовые убийства — дело рук религиозных фанатиков, к которым мы всегда относились с предельной снисходительностью. Хотя они принимают в штыки любое наше начинание, мы всегда защищали их право на свободу вероисповедания. И все же они продолжали считать Мировое Сообщество своим врагом. Они думают, будто у них есть право насаждать взгляды своей тоталитарной секты, стремящейся к уничтожению всех несогласных. Но все вы имеете право жить полной, счастливой и мирной жизнью. И хотя я навсегда останусь пацифистом, я клянусь избавить мир от этой секты и начну с иерусалимской парочки, которые

даже сейчас не проявляют ни малейшего сочувствия к многочисленным жертвам этого чудовищного акта».

— А вы знаете, — сказал Цион, примостившись на подлокотник кресла рядом с Хлоей, — мне придется просить у Бога прощения за ту радость, которую я испытаю, когда этот человек умрет.

Карпати нажал кнопку, и на экране появились Эли и Моше у Стены Плача. Они говорили в унисон громкими, разносящимися по всей Храмовой горе голосами. На экране появилась бегущая строка с текстом. «Горе врагам всемогущего Бога! — восклицали они. — Горе трусам, которые грозят кулаками Создателю и вызывают на себя Его гнев! Поймите, вероломные, каждое бедствие — это не просто кара! Это очередная попытка нашего милостивого Господа достучаться до вас. Никто не будет больше нянчиться с вами. Услышьте Его зов, поймите, что Он любит вас. Обратитесь к Богу ваших отцов, пока еще не поздно. Потому что придет день, когда времени у вас уже не будет!»

На экране снова возник самодовольно улыбающийся Карпати.

— Настанет день, друзья мои, когда эти двое уже не смогут больше изливать на вас свой яд. Они не смогут превращать воду в кровь, вызывать засуху и насыпать бедствия на Святую Землю и прочие части света. Я честно выполнил свою часть соглашения,

заключенного много месяцев назад, и позволил мятежникам остаться безнаказанными. И вот награда, которую я получил. Так нам платят за наше великодушие. Но наша щедрость не безгранична, мои дорогие сограждане. Ваша стойкость и терпение будут вознаграждены. Наступит день, когда мы будем жить в едином мире, в единой вере, в единой семье. Мы создадим рай на земле, где будут царить мир и гармония, где больше не будет войн, кровопролития, смертей. А пока примите мои глубочайшие соболезнования. Ваши близкие умерли не напрасно. Продолжайте верить в идеи Мирового Сообщества, в принципы пацифизма и в гениальную доктрину единой всеобщей религии, объединяющей в себе все вероучения, и даже вероучения тех, кто считает себя нашими противниками. Всего через четыре месяца мы будем праздновать в том самом городе, где эти проповедники насмеются над нами и грозят нам всяческими карами. Мы будем радоваться их поражению и встретим будущее, в котором не останется места для эпидемий и стихийных бедствий, страданий и смерти. Храните веру и ждите этого дня. А пока я снова благодарю вас за вашу верность и поддержку Мирового Сообщества.

* * *

В двух полностью оснащенных машинах скорой помощи, дожидаящихся у конца

центральной взлетно-посадочной полосы в Хартуме, были собраны все новейшие достижения медицины. Все еще прижимая к уху влажную салфетку, Мак помог Абдулле открыть дверь и спустить трап, по которому заковыляли вниз Леон и Карл. За ними спустились их еле держащиеся на ногах помощники, а двоих умирающих оставили на борту. Врачи скорой помощи, в перчатках и марлевых повязках, с металлическими чемоданчиками в руках, торопливо вбежали в салон. Мак и Абдулла стояли внизу, отказываясь от помощи. Первыми четверьмя пострадавшими уже занимались врачи одной из машин. Вскоре медики выбежали из самолета и вернулись обратно с каталками. А когда снова вышли, оба пострадавших, уложенные на каталки, были укрыты простынями с головой.

Фортуно стоял у машины без пиджака, с развязанным галстуком, в промокшей рубашке. Он, тяжело дыша, вытирал пот со лба.

— Опоздали? — спросил он у врачей.

Они покачали головами.

— Мы не...

— Ну да, — сказал один из них. — Они задохнулись.

Леон повернулся к Маку:

— Позаботьтесь о своей ране и полностью проверьте самолет. Не хватало еще, чтобы такое повторилось.

У Мака обнаружили три небольших пореза на голове и глубокую рваную рану на шее, на которую пришлось наложить двад-

цать швов, а еще сорок швов наложили на почти оторванное ухо.

— Когда пройдет наркоз, болеть будет ужасно, — предупредили его.

Двое молодых людей погибли, еще четверо пострадали, и мир был охвачен хаосом. Мак решил, что боль уж он как-нибудь переживет.

* * *

Рэйфорд так и остался сидеть в гостиной, когда остальные давно разбрелись по комнатам. Он промок, замерз, и у него все болело. Но можно было лишь догадываться о том, как было больно Лии, когда он налетел на нее с разбега. И все же она проявила столько внимания и сочувствия к остальным во время и после выступления Карпати, что Рэйфорд был тронут до глубины души. Они действительно братья и сестры во Христе.

После того как Рэйфорд и Лия рассказали свою историю и все поблагодарили Бога за найденные деньги, Цион поделился идеями своего следующего выступления. Больше всего его заинтересовал тот факт, что только верующие видели всадников и лошадей, а жертвы не видели ничего. Даже на экране телевизора можно было увидеть лишь то, как людей кусают змеи, окутывают клубы дыма и поглощает пламя, возникшее словно из ниоткуда.

— Я представлял себе всадников как единую армию, — признался Цион, — и, возможно, в самом начале так оно и было. Но сейчас, похоже, они рассеялись по всему земному шару. Я не знаю, сколько это продлится. Если честно, мне даже жаль, что я еще не видел их собственными глазами.

Вскоре в гостиной остались лишь Рэйфорд и Хлоя.

— Ты идешь спать, папа? — спросила она наконец.

— Скоро пойду. Мне нужно прийти в себя. Такой безумный день. Я никогда не видел ничего подобного. И не хотел бы увидеть.

Она встала за его спиной и начала разминать шею и плечи.

— Тебе необходимо отдохнуть.

— Я знаю. — Он похлопал ее по руке. — И я отдохну. А вот тебе надо выспаться, чтобы ты могла как следует заботиться о ребенке.

Сидя в темной гостиной, Рэйфорд вспоминал события последних дней. Он не знал, как долго они смогут терпеть такую жизнь, и даже представить себе не мог, как им пережить следующие годы. Он продолжал терять товарищей, и трагедии случались все чаще и чаще.

Его ярость не утихла, но все-таки ему удалось задвинуть ее в дальний угол сознания. Он все так же мечтал стать убийцей Карпати и поэтому был благодарен за то, что увидел сегодняшней ночью. Он давно уже перестал отрицать возможность Боже-

ственного вмешательства. Но увидеть прямо перед собой всадников из Откровения, пройти сквозь них и остаться невредимым... Может быть, всадники и их кони не могли видеть верующих людей? Наверняка эти дьявольские твари были слугами Сатаны и предпочли бы убивать верующих, а не врагов Господа.

И Рэйфорд все еще не мог разобраться в своем отношении к Лии. Она не такая, как все. Несмотря на ее возраст, в ней сохранилось что-то детское и наивное. Но хотя сегодня они пережили вместе страшное испытание, Лия все равно казалась Рэйфорду слишком уж резкой и самоуверенной. При этом Рэйфорд был благодарен ей за ее самоотверженный вклад и не сомневался в ее искренности. Быть может, ее прямота только потому и раздражает его, что она женщина? Отнесся бы он к ней иначе, будь она мужчиной? Рэйфорд надеялся, что его отношение к ней было бы точно таким же.

Он осмотрел свои ушибы. Ему снова нужно было в душ. Один палец на ноге пульсировал и, вероятно, был сломан. Левое колено болело точно так же, как перед операцией во время учебы в колледже. Левый локоть ныл. Один из пальцев на руке был вывихнут. А еще Рэйфорд нащупал у себя шишку на голове. Как жаль, что ему уже сорок шесть. Маленькие дети постоянно падают и налетают друг на друга, и хоть бы хны.

Неожиданно он вспомнил сына. Рэйми было двенадцать, когда он исчез в день Восхищения праведников. Хотя Рэйфорду удавалось не давать волю чувствам, Рэйми он никогда не забывал. Его мучила совесть из-за упущенного времени — времени, которое он мог посвятить сыну. Стоило вспомнить те дни, когда они были вместе, и к горлу подкатывал комок.

Рэйфорд встал с дивана, опустился на колени и стал благодарить Господа за то, что Рэйми и Ирэн избавлены от этого мучительного существования. За Аманду, которая так недолго была с ним, но ее он любил не меньше. Хлоя, Кенни, Бизон, Цион, Мак, Давид, Брюс, Кен... Рэйфорд вспоминал их всех с благодарностью, сожалением, тревогой или надеждой.

Рэйфорд молился о том, чтобы быть достойным возглавлять Отряд Скорби. И он продолжал надеяться, что через четыре месяца, когда исполнится три с половиной года с начала периода Скорби, он сможет оказаться неподалеку от Николае Карпати. И Карпати только что сам объявил о том, где он будет находиться.

* * *

Мак был очень благодарен, что проверкой самолета занялся Абдулла. Голова все еще болела. Впереди у них был очередной полет, но на Абдуллу можно было полностью положиться.

Все, и Мак в том числе, были встревожены и напряжены. Мак обнаружил, что дергается от малейшего движения, в любой момент ожидая увидеть гигантских всадников. Абдулла нервничал не меньше.

Несмотря на последствия отравления, Фортунато хотел лететь дальше. Карл все время выглядел раздраженным и то кричал, то начинал суесться. Пока Мак и Абдулла занимались предполетной подготовкой, Фортунато провели в здание аэропорта. Вышел он оттуда в свежем костюме, приняв душ, и выглядел другим человеком. Но на его лице все еще отражалось беспокойство. Он заглянул в кабину, чтобы убедиться, что Мак и «кондор» готовы к полету.

— Как только унюхаете что-нибудь подозрительное, сразу же сажайте самолет, — приказал он.

* * *

В Новом Вавилоне время перевалило за полдень, когда Давид смог наконец перевести дух. Он помогал отправлять мертвецов в морг, а пострадавших — в больничные палаты. Он не видел, с чего началась катастрофа, но сразу сложил два и два, как только выслушал сообщение о жертвах пожаров, дыма и паров серы. Хоть из всего персонала дворца Мирового Сообщества пострадала едва ли десятая часть, погибли сотни людей.

Давид знал, что его американские товарищи, Рэйфорд и эта новая женщина уже видели всадников. Его утешало то, что он оказался не единственным верующим, которому не удалось их увидеть.

Он очень боялся за Энни. Он потерял ее из виду после первого сигнала тревоги, как только раздал указания своим подчиненным. Она не отвечала на звонки, не выходила в Сеть, и никто ее больше не видел. В случае опасности она должна была набрать сложный числовой код на пульте дистанционного управления, чтобы закрыть ангар. После этого ей нужно было проверить всех сотрудников в подразделении Давида. Ангар оказался закрыт, но проверять персонал Давиду пришлось самому.

Работа была адская. Из ста сорока человек, находящихся у него в подчинении, десять погибли, двое отравились дымом, еще одна пропала без вести, и это была Энни. Трое из числа погибших умерли в результате самовоспламенения. Во время этого кошмара Давид принял решение. Если Энни выжила, он всем объявит о том, что они любят друг друга. Он даже готов был заняться ее переводом в другой отдел, как того требовала политика компании, чтобы у них не было неприятностей, когда эта новость дойдет до начальства.

Заполнив бумаги, Давид промчался мимо своих сослуживцев, которые, сбившись в группы, плакали, разговаривали, утешали

друг друга. Время было самое подходящее, чтобы молиться или рассказать им о Боге. Но Давид был еще не готов рисковать.

При своем уровне доступа Давид без проблем смог получить ключи от квартиры Энни. Но там ее не было. В отчаянии он бросился к ангару и ввел код, отключающий систему защиты. Тяжелые двери разъехались, открыв вход в гигантское помещение, которое казалось еще огромнее, потому что внутри не было большого самолета. Вертолетов и нескольких маленьких самолетов было недостаточно, чтобы заполнить пространство.

Давид начал открывать двери в кабинеты Энни, Мака и Абдуллы и включать свет. Ни души. Но затем он услышал какой-то звук: тихое ритмичное постукивание. Оно доносилось из подсобки в дальнем углу здания. Вскоре Давид понял, что это азбука Морзе. Кто-то выстукивал сигнал SOS. Давид сразу же воспрянул духом.

В подсобке были отличная звукоизоляция и надежная стальная дверь. Энни сегодня закрывала ангар в первый раз. Возможно, она не знала, что замок в подсобном помещении срабатывает автоматически и что не стоит заходить туда, когда пользуешься дистанционным пультом запирания дверей. Когда эта комната заперта, позвать кого-нибудь на помощь изнутри невозможно. Ни телефонный сигнал, ни даже сигнал дистанционного управления не способен пройти через сталь. Чтобы выбраться оттуда, надо, чтобы сначала тебя кто-нибудь нашел.

Давид подошел к двери.

— Кто здесь? — крикнул он.

— Давид! — испуганно отозвалась Энни. — Выпусти меня отсюда!

— Слава богу, — буркнул он, отпирая дверь.

Энни бросилась ему на шею и чуть не задушила в объятиях.

— Теперь поняла, чем опасна подсобка? — спросил он.

— Я думала, что никогда уже отсюда не выберусь! Я проверяла оборудование и начала набирать коды, еще не успев выйти, и тут дверь захлопнулась. Я же еще людей должна проверить!

— Я это сделал сам.

— Отлично. Спасибо, что предупредил меня насчет подсобки.

— Извини. Я так рад, что нашел тебя.

— Ты рад? Я страшно перепуталась. Я думала, ты меняхватишься не раньше чем через несколько дней.

Давид видел, что Энни не на шутку разозлилась.

— Вообще-то это Мак должен был тебе объяснить...

Она окинула его сердитым взглядом:

— Не переводи стрелки. Это главное, что ты должен был мне рассказать.

Крыть было нечем.

— Что там хоть случилось? — спросила она. — Очередная учебная тревога?

— Ты в самом деле не знаешь?

— Откуда, Давид?! Я видела, как люди куда-то бегут, и слышала чей-то кашель, а потом сразу же направилась сюда.

— Идем, — сказал Давид.

Они сели в ее кабинете, и он рассказал ей обо всем, что случилось.

— Я могла бы чем-нибудь помочь, — сказала Энни. — А теперь из-за тебя я выставила себя трусихой.

— Я страшно за тебя волновался, — признался Давид. — Кажется, я понял, как много ты для меня значишь.

— Кажется?

— Я был не прав. Что я могу еще сказать? Ты мне нужна. Я люблю тебя. И хочу, чтобы все об этом знали.

Энни покачала головой и отвернулась.

— Ты так сильно меня любишь, что позволил мне запереть себя в подсобке.

Вот теперь разозлился Давид.

— Ты хоть инструкцию читала? Там все написано.

— Я думаю, теперь меня накажут.

— Наверное. Трудно будет скрыть, что я сделал за тебя твою работу.

— Так не переломился же, — буркнула Энни.

Давид попытался убедить себя, что она так себя ведет из-за пережитого испуга и клаустрофобии.

— Я люблю тебя, даже когда ты вредничаешь, — сказал он.

— Как мило с твоей стороны.

Он развел руки в знак примирения.

— Пойду-ка я отсюда. Пока мы не объявили о наших чувствах друг к другу, не надо, чтобы нас видели вместе. К тому же

я должен отчитаться о том, где ты находишься.

— Вот именно.

Давид покачал головой и встал.

— Но кто-то же должен был меня предупредить! — заявила вдруг Энни.

Он даже не взглянул на нее.

— Я это понял.

— Я пытаюсь сказать, — продолжила она, — что теперь меня могут снять с должности и перевести в другое подразделение. Ты понимаешь, что это значит?

Давид повернулся к ней.

— Десять минут назад я был бы счастлив этому. Ведь тогда мы смогли бы объявить о том, что любим друг друга, и больше времени проводить вместе.

Он понял, что задел ее своими словами.

— А теперь? — спросила Энни.

— Я же сказал, я люблю тебя, даже когда...

— Ты знаешь, чем придется пожертвовать, Давид. Я хочу того же, что и ты, но что важнее для Отряда Скорби?

— Я немного пользы принесу Отряду Скорби, если буду страдать по тебе.

— А кто еще, кроме тебя, умеет так морочить голову начальству?

— Ну да. Так что, у нас опять любовь или как?

Энни подошла к нему, и они обнялись.

— Прости, — прошептала она.

— И ты меня тоже.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мак не был в Йоханнесбурге со времен великого землетрясения. С воздуха город напоминал Новый Вавилон. Заново отстроенный аэропорт стал крупнейшим узлом международных авиалиний. Во дворце регионального потентата Рехобота размещались его несколько жен, дети, внуки, а также слуги и помощники.

Маку казалось, что вся левая часть его головы распухла, как арбуз, и он постоянно чувствовал пульсирующую боль. Даже просто надеть наушники было мучительно трудно, потому что повязка начинала давить на швы.

После приземления Мак и Абдулла открыли дверь и опустили трап. После этого они могли уйти с самолета, закрыться в своих каютах или остаться в кабине, лишь бы только не мешать встрече политиков. Карл

и его помощник оставались на борту, чтобы подавать угощение. Мак сказал Леону, что они с Абдуллой тоже останутся и побудут у себя в каютах. Но на самом деле они собирались сидеть в кабине и подслушивать разговоры Фортунато и его ассистента.

— Клэнси, — сказал Леон. — Я хочу, чтобы ты позвонил Нгумо в гостиницу для ВИП-клиентов. Она вон там, ее отсюда видно. Вот номер. Вряд ли он сам ответит, но на всякий случай включи громкую связь, чтобы я мог слышать разговор.

К сожалению, Мак не мог делать записи, потому что его могли увидеть с блокнотом в руках. Нужно было постараться запомнить как можно больше — нелегкая задача с больной-то головой! Он слышал, как Клэнси медленно набрал номер. Ответила женщина:

— Секретарь Мвангати Нгумо слушает. Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте, мэм. Я Клэнси Тайбер, личный помощник верховного главнокомандующего Мирового Сообщества Леона Фортунато. Рад сообщить вам, что верховный главнокомандующий готов принять мистера Нгумо и двух его помощников на борту нашего самолета.

— Спасибо, мистер Тайбер. Они придут через пять минут. Мистер Нгумо давно дожидается встречи с потентатом Карпати.

Клэнси повесил трубку и сказал:

— Это же прелесть что такое! Вы знали, что будет так весело?

— Дальше будет еще веселее, сынок.

В пятидесяти футах от самолета остановился лимузин, украшенный национальным флагом Ботсваны, и Мак увидел, как из него вышли трое мужчин. Абдулла отстегнул ремень и уткнулся носом в стекло.

— Разве он похож на Нгумо, Мак?

— Что?

— Это не Нгумо.

— Я никогда его раньше не видел.

— Я тоже, но если он не скинул пятьдесят фунтов с тех пор, как его в последний раз показывали по телевизору, то это точно не он. И с каких это пор такие большие люди носят с собой такие большие сумки?

Мак снял наушники и тоже наклонился вперед, но делегация уже исчезла из виду. И тут Фортунато ворвался в кабину так резко, что распахнутая дверь с грохотом ударилась о стену.

— Взлетайте! — воскликнул Леон. — Быстрее взлетайте!

— Но, Леон, у нас отключены двигатели.

— Тогда включите их! Быстро! У этих людей оружие!

— Но двери открыты, Леон! Мы не успеваем их закрыть!

— Сделайте что-нибудь!

— Заводи третий и четвертый, — приказал Мак, и Абдулла повернул несколько переключателей. — Теперь на полную!

Два двигателя с правой стороны самолета взревели, и Мак развернул самолет влево. Поток горячего воздуха буквально сдул троих убийц со взлетной полосы.

— Ты гений! — воскликнул Леон. — А теперь сваливаем отсюда!

Убийцы поднялись на ноги, подхватили свои автоматы и бросились к лимузину. Теперь трап и открытая дверь «кондора» были по другую сторону от них, и Абдулла побежал поднимать трап и закрывать дверь.

— Взлетай теперь! — орал Леон. — Взлетай же!

— У нас мало топлива. Нам снова придется сесть.

— Они едут сюда! Взлетай!

Мак подчинился, хотя и знал, что самолет еще не готов к взлету. Левые двигатели завелись, но пока показания приборов не были в норме, бортовой компьютер не позволил бы им взлететь. Если же отключить систему безопасности, то можно разбиться.

Он попытался развернуть самолет реактивной струей к преследователям, но те с воплями вырулили вперед, размахивая оружием.

— Пусть тут остаются! — кричал Леон. — Взлетай!

Но убийцы снова свернули в сторону, так что Мак не мог их больше видеть из кабины, и открыли огонь. Звук лопающихся шин был почти таким же громким, как и выстрелы. «Кондор» был ранен. Гигантская птица, накренившись, застыла посреди взлетной полосы. Теперь Мак не мог даже сдвинуть ее с места, а о том, чтобы набрать нужную скорость для взлета, не могло быть и речи.

Как ни странно, вокруг не было других самолетов. Всю эту безумную погоню на виду у

целого аэропорта, казалось, никто и не заметил. Мак понял, что все это было подстроено и их наверняка убьют. Они с Абдуллой были совершенно беззащитны перед бандой наемных убийц. Кем ни были эти люди, они наверняка работали на Рехобота.

Пули пробивали фюзеляж. Мак и Абдулла вскочили с кресел и вслед за вопящим Леоном промчались через кухню и гостиную в главный салон.

— Ложитесь на пол и держитесь ближе к центру! — крикнул Мак.

Убийцы явно не собирались никого щадить. Пули прошивали стены и иллюминаторы. Мак заметил, что в салоне их пятеро. Абдулла, Леон, Клэнси, помощник Карла и он сам скорчились под сиденьями, закрывая головы руками.

— Где Карл? — крикнул Мак, но никто не ответил.

Почувствовав рядом чьи-то шаги, Мак высунул голову из-за кресла и увидел, как повар бредет по проходу весь в крови.

— Карл! Ложись!

Повар упал, его глаза были широко распахнуты, во лбу зияла дыра от пули.

— У нас есть оружие? — спросил Леон.

— Так ведь начальник запрещает! — ответил Мак.

— Ты что, никогда правил не нарушал?! И я заранее тебя прощаю! Нам больше не на что надеяться, Мак!

В грузовом трюме и в самом деле были припрятаны два пистолета. «Да уж, — поду-

мал Мак, — иногда я нарушаю правила». Но добраться до оружия было невозможно, да и чем бы помогли пистолеты против целой банды автоматчиков?

— Сделай хоть что-нибудь! — взмолился Леон. — А телефон у тебя есть?

Мак вытащил телефон и бросил его Леону. Тот лихорадочно начал набирать номер, вздрагивая от каждой очереди.

— Тревога! Это АФ999 по защищенной линии! Сообщите его превосходительству, что борт один обстреливают в международном аэропорту Йоханнесбурга. Немедленно соедините меня с потентатом Рехоботом!

Мак услышал, что в гостинной звонит телефон. Хватит ли ему духу пробраться туда и узнать, кто звонит? Если вдруг окажется, что это напавшие на них люди хотят предъявить свои требования, то стоит рискнуть. Мак перелез через Карла, пригнувшись, добежал до гостинной и схватил трубку, смахнув базу на пол.

— Слушаю! — рявкнул он.

Это была та самая женщина, чей голос он слышал по громкой связи, но сейчас она явно была в истерике.

— Мистер Нгумо не виноват! Его захватили... о нет! Ой... — Из трубки донесся оглушительный треск, и Мак убрал телефон от уха. Когда он стал слушать дальше, женщина кричала: — Они убили его! Нет! Пожалуйста! — Снова послышались выстрелы, и связь оборвалась.

Мак на четвереньках вполз в кабину и схватил радиомикрофон.

— На помощь! Взлетная полоса Йоханнесбургского аэропорта. Борт один Мирового Сообщества под обстрелом!

Где-то в средней части самолета Леон пронзительно кричал в трубку:

— Ты, Биндура? Но почему? Карпати нет на борту! Я правду тебе говорю! Отзови их! Пожалуйста!

Если за этим стоит Рехобот, их ничто не спасет. Он наверняка предусмотрел все.

— На помощь! Йоханнесбург! На борту верующие! — крикнул в микрофон Мак.

Если каким-то чудом рядом окажется пилот-христианин, вдруг он поможет?

Раздался взрыв, и самолет стал наполняться дымом.

— Горим! — завопили Леон и Клэнси, а Абдулла вбежал в кабину.

— Может, нас и подстрелят, Мак, но надо бежать отсюда. Нас подожгли.

Мак с Абдуллой открыли дверь кабины, пригибаясь, чтобы не подставляться под пули. Леон подтолкнул оцепеневшего от ужаса Клэнси к двери. Как только Абдулла спустил трап, Леон загородился перепуганным парнем, как щитом. Клэнси прошила очередь, и Леон замер на верхней ступеньке. Только когда в салоне взорвалась очередная зажигательная бомба, он опомнился и шагнул вниз. Мак и Абдулла ринулись по трапу вслед за ним, когда из двери уже вырвалась волна пламени.

Мак не верил, что спустится вниз живым. Он уже утратил всякую надежду и вы-

прыгнул из самолета, только чтобы спастись от огня. Вокруг гремели выстрелы, сзади горел «кондор», и Мак крепко зажмурился, сжимая мертвой хваткой руку Абдуллы и врезавшись коленом в мясистый зад Фортунато. Он был уверен, что откроет глаза уже в раю.

Но этого не случилось.

Леон упал на четвереньки на взлетную полосу, Абдулла перекатился через него. Мак рухнул прямо Леону на спину, вдавив его в бетон. Пуля скользнула Маку по правой лопатке, еще одна прошла правую ладонь, а от взрыва, раздавшегося в каких-нибудь двадцати футах, намертво заложило правое ухо.

— Боже! — вопил Леон. — Боже, помоги мне!

Что-то ударило Мака по голове и погрузило в блаженное беспамятство.

Чернота.

Тишина.

Пустота.

Но запахи, вкусы и ощущения остались.

Мак ничего не видел только лишь потому, что не открывал глаз. Он слышал хриплое дыхание Леона. В воздухе пахло металлом и порохом, во рту был вкус крови, раны ужасно болели. Поверхностная рана на плече ныла примерно так же, как голова. Но с рукой дело обстояло гораздо хуже. Маку было страшно взглянуть на нее. Он догадывался, что увидит. Боль была такая, будто пуля раздробила кость.

Леон шевельнулся под ним, пытаясь вздохнуть. Мак скатился с него на бетон, приземлившись на левый бок, и остался лежать с закрытыми глазами. Все закончилось? Или когда он откроет глаза, над ним будут стоять убийцы? Леона ранили? А Абдуллу?

Жалея о том, что он все еще не в раю, Мак приоткрыл один глаз. Дым был таким густым и темным, что Мак не видел дальше своего носа. Он приподнял постреленную руку, чтобы взглянуть на рану, и плечо снова пронзило болью. Рука тряслась так сильно, что Мака всего бросило в дрожь, и кровь из раны брызгнула прямо ему в лицо.

Мак попытался придержать раненую руку здоровой, и только тогда убедился, что все его пальцы на месте, хотя и торчат под странными углами, а пуля пробила ладонь с внешней стороны. Его все еще трясло, и он боялся, что это последствия шока.

Как только дым слегка рассеялся, Мак заставил себя сесть. Леон лежал, тяжело дыша, его глаза были открыты, зубы оскалены. Тело Клэнси Тайбера лежало рядом, он был мертв.

— Абдулла? — еле слышно позвал Мак.

— Я здесь, — ответил Абдулла. — Мне прострелили бедро. А тебя тоже ранили?

— Как минимум дважды. А что с?..

— Ты видел лошадей?

— Я и тебя-то не вижу.

— Я думал, ты успеешь их увидеть.

— Я тоже думал.

* * *

Утром в субботу Рэйфорд проснулся около девяти. После такой ночи он с удовольствием проспал бы еще часа два, но его разбудил необычный шум. Рэйфорд еще немного полежал с открытыми глазами, надеясь, что сна было достаточно, что он успел восстановить силы и что, возможно, ему повезло и у него ничего не будет болеть.

Его внимание привлек тихий ритмичный звук, как будто кто-то потирал ладони. Прислушавшись, Рэйфорд решил, что это сопение или даже всхлипы. Доносился звук из соседней комнаты, где спал и работал Цион.

После ночного отдыха настроение Рэйфорда улучшилось, но мышцы и суставы были гораздо сильнее, чем накануне. Он со стоном натянул халат и заглянул к Циону в комнату сквозь приоткрытую дверь.

Сначала он Циона не увидел. Кресло перед компьютерным столом было пустым и кровать тоже. Но звук шел из комнаты. Рэйфорд тихо постучал и толкнул дверь. Цион лежал на полу у кровати, уткнувшись лицом в ладони, и его плечи вздрагивали.

— Что с вами? — тихо спросил Рэйфорд, но Цион не ответил. Рэйфорд подошел ближе и сел на кровать.

Рабби молился вслух:

— Господи, если это Хэтти, я молю Тебя спасти ее душу. Если это Хаим, я хочу, чтобы он вошел в Твое царство. Если это кто-то из обитателей этого дома, защити их и убере-

ги. Если это кто-то из недавно присоединившихся к нам братьев или сестер, кто-то, кого я не знаю, я прошу для него защиты и милосердия. — Он всхлипнул снова. — Господи, скажи мне, как я должен молиться.

Рэйфорд положил руку ему на плечо. Цион обернулся:

— Рэйфорд, Господь внушил мне мысль о том, что я должен молиться о ком-то, кому сейчас угрожает опасность. Я как раз писал свое сообщение, наверное, самое трудное из всех, что мне пришлось писать. Сначала я подумал, что должен молиться за своих читателей, но это что-то другое, гораздо более важное. Я просил Господа сказать мне, кому потребовалась моя молитва, но потом я понял, что на расспросы времени уже нет. Тогда я опустился на колени, и мне показалось, будто сам Дух Святой возложил на меня ответственность за этих людей, которым сейчас нужна моя помощь. Я так и не знаю, кто они, но я уверен, что это вовсе не игра воображения. Ты помолишься вместе со мной?

Рэйфорд неуклюже встал на колени, чувствуя каждый ушиб, полученный прошлой ночью, и понятия не имея, о чем он должен молиться.

— Господи, я поддерживаю молитву моего брата. Мы не знаем, что мы, простые смертные, можем сказать или сделать, чтобы повлиять на Твое решение, но мы доверяем Тебе. Ты велел нам молиться, велел обращаться к Тебе. И если кому-то из наших лю-

бимых и близких сейчас угрожает опасность, мы просим Тебя защитить этих людей.

Рэйфорд был так тронут слезами Циона, что не смог продолжать.

— Спасибо, — сказал Цион и сжал его руку.

Они встали. Цион сел за компьютер, вытирая глаза.

— Не знаю, что это было, — сказал он. — Но теперь я точно знаю, как Господь обращается к нам.

Он некоторое время сидел неподвижно, пытаясь взять себя в руки, а потом спросил Рэйфорда, не может ли тот просмотреть его сегодняшнее сообщение.

— Я и сам собирался вычитать его еще раз, прежде чем выкладывать в Сеть, но мне хотелось бы знать твое мнение.

— С радостью прочитаю, — ответил Рэйфорд, — но даже не представляю, что полезного я могу посоветовать.

Цион встал и предложил Рэйфорду занять его место.

— Пойду выпью чего-нибудь. А потом вернусь, чтобы выслушать твой вердикт.

* * *

Мак знал, что если останется на затянутой дымом взлетной полосе Йоханнесбургского аэропорта, то ему конец. Полученные несколько часов назад раны на голове все еще кровоточили, а обезболивающее давно уже перестало действовать. Плечо болело

так, будто по нему ударили раскаленным докрасна молотком. А руку вряд ли удастся вылечить. Мак мог лишь надеяться, что пальцы ему спасут, но неизвестно, будут ли они сгибаться так, как раньше.

Дым вскоре унесло горячим южным ветром, и футах в пятнадцати слева от себя Мак увидел Абдуллу. Парень сидел на коленях, в размотавшемся тюрбане, его лицо было искажено от страха и усталости. На правом бедре зияла глубокая рана. Абдулла указал рукой на что-то вдалеке.

— Они еще здесь.

Когда Абдулла сменил курс самолета, Мак едва успел заметить в небе фантазматическую кавалькаду из наводящих ужас всадников. Теперь они двигались в сотне футов от него по взлетной полосе, выдыхая дым, огонь и серу и жала своими змеиными хвостами ничего не подозревающих жертв.

На своем пути львиноголовые лошади оставляли мертвые тела. Некоторые из жертв бились в судорогах, а потом замирали в причудливых позах. Другие корчились в пламени, пока смерть не приносила им облегчения. «Тщетная надежда», — подумал Мак. На самом деле они просто переходили из одного пламени в другое. Один из лжеполитиков удирал по взлетной полосе со всех ног. Двое других лежали мертвыми у самолета, так близко к Маку, что их следующие выстрелы наверняка стали бы для него роковыми.

Даже с такого расстояния и лошади, и всадники казались Маку устрашающими.

Они висели над землей, но при этом перебирали копытами и двигались различными аллюрами, словно обычные лошади. Всадники гнали их вперед, давя людей, дома, машины, сея разрушение.

Из дыма выплыла массивная фигура Леона Фортунато. Он обхватил ладонями лицо Мака, и тот чуть не заорал от боли.

— Ты спас мне жизнь, Мак! — воскликнул Леон. — Ты закрыл меня своим телом! Тебя ранили?

— Дважды, — ответил Мак. Он отодвинулся подальше от рук Леона и указал на лошадей. — Ты что-нибудь там видишь?

— Трупы, — прищурившись, сказал Леон. — Огонь, дым. И что это за жуткий запах, как тот, что был в самолете? Фу!

— Нам нужно отойти от самолета, — заметил Мак.

— Прекрасный «кондор», — прошептал Леон. — Любимое детище его превосходительства.

— Нам нужно забрать тело Клэнси? — спросил Мак.

Леон поднялся на ноги и пошатнулся, пытаясь восстановить равновесие.

— Нет, — произнес он своим обычным голосом. — В мире не хватает места для могил. Мы бы все равно его кремировали. Какая разница где? — Он медленно огляделся по сторонам. — Я думал, нам уже крышка. А что случилось?

— Ты помолился.

— Что?!

— Ты попросил Бога помочь тебе, — ответил Мак.

— Так я ж религиозный человек.

— Я в этом не сомневаюсь. Наверное, Господь тебе ответил.

— А почему они перестали стрелять?

Мак поморщился, жалея о том, что они не перестали стрелять парой минут раньше.

— Откуда мы знаем? Один почему-то сбежал. А двое других попадали, как убитые.

Леон и Мак встали с двух сторон от Абдуллы и медленно повели его к терминалу.

* * *

Рэйфорд не мог отказаться от возможности первым прочитать сообщение, которого с нетерпением дожидались миллионы жителей Земли. Цион писал:

«Мои дорогие братья и сестры во Христе.

Я обращаюсь к вам с тяжелым сердцем, но вы понимаете, что в наше трудное время для этого есть причины. В то время как сто сорок четыре тысячи проповедников приводят миллионы людей к Христу, всемирная религия тоже набирает силу и, как это ни прискорбно, становится все более угрожающей. Провозглашайте это всегда и везде, мои возлюбленные братья и сестры: есть только один Бог и только один посредник между Богом и людьми — Иисус Христос, сын человеческий.

Прошло более полугода с тех пор, как вымерла дьявольская саранча, нашествие которой было предсказано в девятой главе Откровения. Но лишь три месяца назад прекратились страдания тех людей, которые были ужалены в последние дни этой кары.

Хотя после этого ужасного бедствия многие пришли к Христу, большая часть неверующих лишь укрепились в своих заблуждениях. Главе Всемирной церкви Сокровенного Вавилона давно следовало понять, что страдают от этих кар только приверженцы его религии. А нам, последователям Христа, так называемым диссидентам, врагам толерантности, раз за разом удается уцелеть.

Наши иерусалимские проповедники, несмотря на яростное противодействие и гонения, продолжают пророчествовать и обращать людей в веру Христову в городе, который некогда был святым, а теперь его можно сравнить с Египтом или Содомом. Так будем радоваться, что им это удается.

Сегодня вы уже знаете, что вострубил шестой ангел и началось второе горе, описанное в девятой главе Откровения. Хотя я правильно предположил, что двести миллионов всадников — это призраки, а не существа из плоти и крови, мой вывод о том, что они должны быть невидимы, оказался неверным. Люди, которых я знаю и которым доверяю, видели собственными глазами, как эти чудовища убивали огнем, дымом и серой, как предсказано в Писании. И все же неверующие утверждают, что мы это выду-

мываем и притворяемся, будто видим все то, чего они видеть не могут.

Мы знаем, что этому бедствию предшествовало освобождение четырех ангелов, связанных при великой реке Евфрат. Очевидно, это падшие ангелы, потому что нигде в Писании не упоминается о связанных ангелах, верных Богу. Наверняка их связали из-за их стремления вызвать на земле хаос. И теперь, вырвавшись на свободу, они получили эту возможность. В Библии сказано, что они готовились к определенному часу, дню, месяцу и году.

Очень важно, что эти четверо ангелов были связаны у реки Евфрат. Это самая известная река из всех, упомянутых в Библии. По ней проходит граница Эдема, по ней же в прошлом проходила граница между Израилем, Египтом и Персией, и в Писании она часто упоминается как символ врагов Израиля. У берегов этой реки свершились и грехопадение, и первое в истории убийство, здесь началась первая война, и здесь же, на месте нынешнего Вавилона, впервые была воздвигнута башня, задуманная как вызов Богу. Именно в Вавилоне зародилось идолопоклонничество, и отсюда оно распространилось по всему миру. Сюда в переселение, в плен шли дети Израиля, и здесь же свершится последний грех в истории человечества.

В восемнадцатой главе Откровения предсказано, что Вавилон станет мировым коммерческим, религиозным и политическим

центром, но впоследствии будет разрушен, потому что силен Господь Бог, судящий его.

Нынешнее бедствие, как гласит Библия, приведет к гибели третью часть людей, оставшихся на Земле после Восхищения праведников. Простые математические расчеты дают нам устрашающий результат. Четверть оставшихся людей уже погибла от болезней, войн и природных бедствий. Это значит, что выжить удалось семидесяти пяти процентам. Одна треть от этого — двадцать пять процентов, и это значит, что в результате массовой гибели выживет лишь половина тех, кто остался после Восхищения.

Я должен подчеркнуть, что далее я излагаю лишь свои предположения.

После изучения оригинального текста пророчества и множества толкований я пришел к следующему выводу: Господь все еще пытается привлечь к Себе людей, но это уничтожение третьей части неверующих имеет другие цели. Готовясь к последней битве между добром и злом, Господь уничтожает тех закоренелых сторонников зла, которые, как Он знает в своем всеведении, никогда бы не перешли на Его сторону.

Далее в Писании говорится, что те неверующие, которые избегнут гибели, не раскаются в делах рук своих. Они и дальше будут поклоняться бесам и идолам и продолжают убивать, чародействовать, блудить и воровать. Даже агентства новостей Мирового Сообщества не могут отрицать, что число убийств и грабежей неуклонно растет. А что

касается поклонения идолам, чародейства и сексуальных извращений, то в нашем толерантном обществе они только приветствуются.

К несчастью, это бедствие, последнее в первой половине периода Скорби, может продлиться еще четыре месяца — до тех пор, пока не пройдет три с половиной года после договора между Мировым Сообществом и народом Израиля. Тогда же должно закончиться служение двоих Свидетелей. И начнется период, когда верующие будут принимать мучения за свою веру, и таких мучеников будет больше, чем за всю историю христианства.

Многие из вас писали мне и спрашивали, как любящий и милосердный Господь может насылать на людей такие страшные страдания. Но Бог воплощает в Себе не только любовь и милосердие. Да, в Писании сказано, что Бог есть любовь. Но также там говорится, что Господь свят, свят, свят. Он справедлив. Он выразил свою любовь к нам, послав к нам своего Сына для искупления наших грехов. Но мы отвергли Его дар и тем самым навлекли на себя Его осуждение.

Я знаю, что сотни тысяч посетителей этого сайта читают мои ежедневные послания не потому, что считают себя верующими, а потому, что ищут правды. Поэтому сейчас я обращаюсь к ним — к тем, кто не считает себя моими братьями и сестрами во Христе. Я умоляю вас принять Иисуса Христа как Божий дар спасения.

Во второй половине периода Скорби, названного в Библии великой скорбью, пышным цветом расцветут грехи, о которых я говорил выше и от которых упрямые неверующие не желают отказываться. Представьте себе мир, население которого уменьшилось вдвое. Если период после Восхищения, когда исчезли дети, когда работа многих служб нарушилась и мы лишились многих привычных удобств, казался вам кошмаром, попытайтесь представить себе общество, где погибла половина людей, облегчавших нам жизнь. Пожарные, полицейские, рабочие, администраторы, учителя, врачи, медсестры, ученые... и многие, многие другие. Впереди нас ждет время, когда все мы будем озабочены проблемой собственного выживания. И не хотел бы я жить в таком мире, не зная, что Господь со мной, что я на стороне добра, а не зла и что в конце концов мы победим. Начинайте молиться прямо сейчас. Скажите Господу, что вы раскаиваетесь в своих грехах, что вам нужно прощение и вам нужен Спаситель. Примите Христа и войдите в семью верующих в Бога.

С наилучшими пожеланиями, Цион Бен-Иегуда».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мак и Леон помогли Абдулле дойти до охваченного паникой терминала Йоханнесбургского аэропорта.

— Нападение — дело рук Рехобота, — сообщил Леон. — Он сам мне это сказал. Он думал, что его святейшество находится на борту. Нам нужно найти людей, которые помогут нам, и избежать гибели.

— Не поздно ли? — спросил Мак. — Разве ты раньше не мог им сказать, что Карпати нет с нами?

— Нам нужно было, чтобы мистер Нгумо верил, что его святейшество — и вы, капитан, должны называть его именно так — сейчас на борту. Региональный потентат Рехобот тоже был приглашен на встречу, но мы не знали, что он готовит покушение на его святейшество.

— Я уверен, что Нгумо и его секретарша мертвы, — сказал Мак, а потом рассказал Леону о телефонном звонке.

— Лучше бы и Рехобот погиб, — добавил Абдулла. — Он не допустит, чтобы мы ушли отсюда живыми.

Леон застыл на месте, и его лицо побледнело.

— Когда я разговаривал с ним, он был во дворце. Он же не здесь, правда?

— Нам нужно идти, — сказал Мак, чувствуя, что уже еле держится на ногах. — Если Рехобот захочет убить нас, ему достаточно отдать приказ любому из этих охранников.

Охранники казались таким же испуганными, как и все вокруг, — кашляли, задыхались, пытались помочь упавшим товарищам. В здании терминала кричали люди, везде лежали мертвые тела и разбросанный багаж. За стойками было пусто, информационные табло отключены.

Как только они вошли в здание, Мак услышал рев двигателей «суперджета». Этот самолет, созданный на основе самолетов типа «гольфстрим», был черным, гладким с потрепанными аэродинамическими качествами. Это был первый самолет, севший в Йоханнесбурге после «кондора». Над его бортовым номером были изображены австралийский флаг и надпись «Честная игра». Как только самолет остановился, из кабины выскочил пилот и какая-то женщина, и оба бегом бросились к терминалу.

— Эй! — пронзительно крикнул мужчина. — Кто посылал сигнал бедствия и говорил, что у него верующие на борту? — Он был высоким, белокурым и веснушчатым. Его австралийский акцент был таким сильным, что Мак не удивился бы, если бы он оказался фальшивым. Его жена была тоже очень высокой, с копной темных волос.

Мак и Абдулла переглянулись, а Фортунато обернулся на крик.

— Я посылал, — сказал Мак, заметив метки на лбах мужчины и его жены. Австралийцы с тем же выражением уставились на него лоб. — Я был в отчаянии, — добавил Мак. — Подумал, а вдруг кто-то решит помочь, а так бы пролетел мимо. Сработало ведь?

— Естественно, сработало, приятель, — ответил пилот, бросив взгляд на лоб Абдуллы. — Мы верующие и не стыдимся этого, даже если тебе пришлось обмануть нас, чтобы затащить сюда. Моя фамилия Дарт. А имя не имеет значения. Это моя жена Оливия.

— Лив, — поправила она. — И всем вам срочно нужна помощь.

— А ты кто такой? — обратился Дарт к Фортунато.

— Я верховный главнокомандующий Леон Фор...

— Ага, я уже понял, — перебил его Дарт. — Твоему боссу умирать еще рано, поэтому я не спрашиваю, был ли он на том горящем самолете.

— К счастью, нет, — ответил Фортунато.

— Так что же случилось, до вас всадники добрались?

— А, так вы из этих? — спросил Фортунато. — И тоже их видели?

— Ну конечно.

— Дарт, — тихо обратилась к нему жена, — нам нужно им помочь.

— Ага, конечно. Но сначала я хочу сказать, что чувствую себя помощником и соучастником врага. Будь моя воля, я бы оставил тебя тут помирать, но Бог все равно до тебя доберется. Почитай Книгу. Мы победим.

Фортунато развернулся к нему всем телом.

— Вас надо в тюрьму посадить за оскорбление...

— Кстати, мистер Эф... ты же не возражаешь, если я буду тебя так называть? Можешь не возражать, потому что все равно не поможет. Так на что ты жалуешься? Похоже, тебя лечить надо.

— Сэр, закон требует, чтобы вы называли меня верхов...

— Послушай, мистер Эф, я больше твоим законам не подчиняюсь. Я отвечаю только перед Богом. Ты ничего не можешь мне сделать без Его позволения, так что умолкни. Твой парень послал сигнал о помощи, соврав, что у вас верующие на борту, и нам с женой стало любопытно, откуда могли взяться верующие на самолете Антихриста. Только поэтому мы...

— Антихриста?! Называть его святейшество потентата Никола...

— Ты что, не понял, Эф? Я думаю, что он Антихрист, и ты прекрасно знаешь, кто в таком случае ты.

— Я не собираюсь выслушивать эту чушь и посоветовал бы вам...

— Мне не нужны твои советы, приятель, а вот помочь я могу. Сдается мне, ты жалуешься на порванные штаны и парочку синяков. А этим ребятам действительно нужен врач.

— Вы знаете, я...

— В следующем крыле есть медпункт, но ты со своей прорехой на заднице будешь только отвлекать врачей от раненых, которым нужна помощь.

И тут по радио начали передавать объявление:

— Внимание! Внимание! Верховный главнокомандующий Мирового Сообщества Леон Фортунато, пожалуйста, зайдите в штаб миротворческих сил Мирового Сообщества в крыле Б.

Когда объявление повторили, Дарт заявил:

— Это прямо рядом с медпунктом, мистер Эф. Идите вперед, а мы отведем ваших товарищей к доктору.

— Да по вам тюрьма плачет!..

— Если тебе это так важно, можешь меня арестовать. Но на твоем месте я бы поторопился уйти в безопасное место и отвести ваших ребят туда, где их подлатают. А потом, когда отдышишься, можешь нас ловить.

Фортунато готов был взорваться от негодования. Он повернулся к Маку:

— Без сомнения, его святейшество уже позаботился о том, чтобы нам помогли.

— Идите вперед, командир, — сказал Мак. — Узнайте о Рехоботе, свяжитесь с Кар... с потентатом.

— Я не доверяю этим людям.

— Послушай, мистер Эф. Я безобиден, как голубь небесный. Как бы мне ни хотелось прикончить парочку ваших людей, я обещаю этого не делать. Мы отведем их к врачу и полетим себе дальше.

Дарт оттолкнул Фортунато от Абдуллы и подставил иорданцу свое плечо. Лив одной рукой обхватила Мака за талию, а второй поддержала его под руку, и теперь Фортунато был свободен.

— Вы, сэр, — заявил Фортунато, неохотно шагнув вперед, — позорите Мировое Сообщество.

— Мы будем считать это честью, не правда ли, Лив?

— Ох, Дарт, — откликнулась она.

— Спасибо, что не выдали нас, — шепнула Мак, когда Леон отошел на безопасное расстояние.

— Между нами, праведниками, — ответил Дарт, теперь уже с южным акцентом, почти таким же, как у Мака, — нам очень повезло. Я чуть было вас не спалил. Увидел метки у тебя и у этого паренька и решил, что толстяк тоже с нами. Но потом я пригляделся, понял, кто он такой, и мне пришлось соврать, чтобы прикрыть вас.

— Замечательно получилось, — сказал Мак, а потом представился сам и представил им Абдуллу.

— Ну а как тебе понравились Дарт и Оливия? — поинтересовался Дарт.

— Вот тут я чуть не спалилась, — призналась Лив.

— Ты прекрасно среагировала, дорогая. «Лив» — это было гениально.

На самом деле их звали Дуэйн и Трудитаттл, и родом они были из Оклахомы.

— Я меняю флаг и девиз на фюзеляже пару раз в неделю. Мы уже побывали немцами, норвежцами, англичанами. Мы работаем на Международный товарный кооператив. Слышали о таком?

— Если только нас тут не прибьют из-за твоей болтовни, — заметила Трудитаттл.

— Не мог же я упустить шанс высказать лжепророку в лицо все, что я о нем думаю.

— Лжепророку? — удивился Мак. — Леоноу, что ли?

— Так разве он не утверждает, что Карпати воскресил его из мертвых? Боготворит этого парня, называет его святейшеством. Вы же сами увидите, так оно или нет. А вы-то как туда попали? Специально внедрились или обрели Иисуса, уже когда работали на Мировое Сообщество?

* * *

Бизон смотрел на себя в зеркало. Шрамы на его лице все еще были красными и припухшими даже через год с лишним. Хотя медицинская помощь, которую ему оказали в

импровизированной клинике в Иерусалиме, оказалась лучше, чем он ожидал, он остался изуродованным на всю жизнь.

Хлоя подошла к нему и передала ему Кенни.

— Хватит об этом думать, — сказала она.

— О чем?

— Не притворяйся идиотом. Ты думаешь о том, какую пользу можешь извлечь из измененной внешности.

— Да, — признался Бизон.

Он задумался о том, не нарочно ли она дала ему младенца, чтобы заставить его образумиться. Но они уже прошли через это. Хлоя смирилась с тем, что ее странствия по самым опасным местам земного шара остались в прошлом. Хоть ей по-прежнему хотелось находиться в гуще событий, она не собиралась подвергать опасности своего сына. А ее работа в товарном кооперативе была очень важна не только для Отряда Скорби, но и для миллионов людей, недавно обратившихся к вере, которые вскоре потеряют все прочие возможности покупать и продавать товары. Хлоя говорила Бизону, что была бы очень рада, если бы он тоже удовлетворялся своей работой — выпуском сетевого журнала «Истина», необходимого для борьбы с пропагандой «Глобал комьюнити уикли». Но благодаря новым технологиям, которыми их снабжал Давид Хассид, Бизон мог выпускать свой журнал в любой точке земного шара и не бояться, что его обнаружат. Повсеместное внедрение сотовой связи было почти закончено, а Бизон чувствовал, что ему просто

необходимо находиться во многих других местах.

Также они обсуждали и свою ответственность за судьбу ребенка. Конечно, растить малыша в такое время — совсем не то, что раньше, и оба знали, что взросление Кенни придется на годы царствования Христа на земле. И все же для любого младенца очень важно, чтобы рядом были и мама, и папа. Но Бизон говорил в ответ, что даже если ему и придется иногда уезжать на пару недель, то в оставшееся время он по-прежнему будет находиться с сыном круглые сутки.

— Пустой разговор, — заявлял он. — В итоге я все равно буду проводить с ним столько же времени, как если бы я каждый день ходил на работу.

Бизон отнес ребенка на кухню, и Хлоя пошла вслед за ним.

— У тебя такой взгляд, — сказала она. — Я чувствую, еще пара дней, и тебя уже ничем не остановишь. Куда ты хочешь поехать?

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — ответил Бизон. — Дело в том, что Циону нужно, чтобы кто-нибудь вернулся в Израиль. Повидался с Хаимом. Он доволен тем, как они общаются по электронке, но считает, что со стариком нужно поговорить с глазу на глаз, чтобы убедить его принять решение.

Хлоя покачала головой.

— Хотела бы я запретить тебе, но не могу. Папу посылать туда рискованно. Он считает, что нужно выследить Хэтти, пока она не выдала наше убежище или не вляпалась в беду.

Цион, конечно, не должен ехать. Не представляю, что будет с миром, если с ним что-то случится. Я знаю, что Бог не оставит нас и, наверное, пришлет кого-нибудь на замену, как это случилось с Брюсом, но...

— Я понимаю. Нам пришлось бы нанимать для него телохранителей и хорошо его прятать.

— Когда поедешь, Бизон?

Это было так в ее духе — сразу переходить к делу.

— Цион как раз хотел поговорить с тобой об этом.

Хлоя улыбнулась.

— Это вроде как попросить друга, чтобы он заступился за тебя перед родителями? Он что, думает, что я не смогу ему отказать?

— А ты смогла бы?

Она фыркнула:

— Я даже тебе отказать не могу. Но если ты погибнешь, я буду ненавидеть тебя до конца своих дней.

— Я думаю, сегодня вечером мне нужно будет повидаться с Заком.

Хлоя забрала у него Кенни.

— Я тоже так считаю. И запасись всем нужным для ребенка. Я сделаю список того, что нам нужно купить. И еще с Лией поговори. Она сказала, что нам надо кое-какие запасы пополнить.

Той же ночью Бизон проехался до полуразрушенной автозаправки в районе, который некогда был деловой частью города. Верующие покупали здесь горючее, продук-

ты и всякие товары по мелочи. Зак держал эту заправку вместе со своим сыном Заком-младшим, отзывавшимся на прозвище Зет, длинноволосым парнем, с ног до головы покрытым татуировками. В прошлом Зет зарабатывал себе на жизнь татуировками, тюнингом машин и росписью футболок. Иногда ему даже приходилось расписывать огромные грузовики. Понятное дело, что этот источник дохода давным-давно иссяк.

Жена Зака-старшего и двое их дочерей погибли в пожаре, возникшем после Восхищения. В христианство отца и сына обратил один из дальнобойщиков. Теперь оба Зака посещали тайные собрания верующих в Арлингтон-Хайтс и тщательно скрывали свою религиозность, чтобы не потерять возможности и дальше снабжать своих братьев по вере товарами первой необходимости.

Раньше Зет был наркоманом, и его случайных заработков едва хватало на дневную дозу. Теперь он превратился тихого, нервного паренька, и если кому-то из местных христиан вдруг требовались фальшивые документы, они обращались к Зету.

Зак заливал горючее в бак «лендровера» и оглядывался по сторонам, высматривая клиентов или прохожих без божьей метки на лбу.

— Нужно кое-что прикупить, — сказал Бизон. — И есть работа для Зета.

— Ясен перец, — ответил Зак. — Он там телик смотрит и читает послания Бен-Иегуды. Давай сюда список. Я отгоню твою

тачку в гараж и закину в нее все, что требуется.

Бизон собирался уже войти в дом, когда подъехала еще одна машина.

— Вы сможете мне полный бак залить? — спросил водитель. — Или у вас тут по норме бензин выдается?

— Залью полный, — откликнулся Зак. — Только разберусь с трансмиссией у этой железяки, и тогда уже вами займусь.

Бизон мог только посочувствовать этим людям, которым приходилось каждый день лгать, чтобы сохранить себе жизнь. Он вошел в дом, похожий на обычную грязную автозаправку. Яркие календари на стенах, фотографии машин, засаленная телефонная книга, сплошная грязь. А вот одна из стен в крохотном туалете была фальшивой. Надпись на ней гласила: «Опасно. Высокое напряжение. Не прикасайтесь». И любой, кто усомнился бы и прикоснулся к стене, почувствовал бы неприятное покалывание в пальцах.

Этим, однако, вся опасность и ограничивалась. Если нажать в определенном месте, за стеной открывался проход к деревянной лестнице, ведущей в подземное убежище Зака.

Где-то там, внизу, Зак собирал товары по списку Бизона, чтобы потом поднять их по расшатанным ступеням в гараж и загрузить в «лендровер». А Зет в это время сидел в уютной и прохладной комнатке без окон, но зато с огромным вентилятором. На нем были

черные ковбойские сапоги, черные джинсы и черный кожаный жилет на голое тело. Как и сказал Зак, Зет смотрел новости по телевизору и одновременно что-то выписывал в блокнот с экрана ноутбука.

— Привет, Бизон, — равнодушно бросил Зет, отложил блокнот в сторону и медленно поднялся. — Что тебе вдруг понадобилось?

— Новые документы.

Зет сел на корточки перед продавленным темно-зеленым диваном и вытащил здоровенный ящик с двумя отделениями для хранения документов. Он пролистнул пальцем папки и выбрал десяток из них. Когда дверца застряла и не захотела закрываться, он, не долго думая, стукнул по ней ногой. Папки вылетели из туго набитого ящика, и Зет застенчиво улыбнулся.

— Выбирай, что подходит, — сказал он, швырнув их на диван.

Бизон сел и просмотрел папки при свете лампы.

Может, картотеку Зета и можно было назвать примитивной, но он знал, где у него что лежит. В каждой из папок были собраны документы белых мужчин, похожих на Бизона и комплекцией, и возрастом.

— Я смотрю, ассортимент у тебя растет, — заметил Бизон.

Зет кивнул, снова отвернувшись к телевизору.

— Где эти лошади пройдут, там кучи трупов. Ты сам-то этих чудищ видел?

— Еще нет. Говорят, они страшные.

— Ага. Зато мне проблем никаких. Все, что нужно, — это собрать бумажники, пока Мировое Сообщество тела не забрало. А людям зато есть из чего выбирать.

— Вот это, — сказал Бизон, положив раскрытую папку сверху, и протянул всю стопку Зету.

Тот засунул остальные папки под диван и просмотрел выбранную, одновременно настраивая фотоаппарат. Бизон сел перед висящим на стене голубым экраном, и Зет сделал два снимка — анфас и профиль.

— Я как его увидел, сразу о тебе подумал, — признался он. — Водительские права, паспорт, удостоверение гражданина, еще что-нибудь?

— Да, мне нужна карточка прихожанина церкви Сокровенного Вавилона. И донора органов. Можешь?

— Легко. Когда?

— Через пару дней можно? — спросил Бизон.

— Конечно.

Когда Бизон отыскал Зака и вышел через гараж, Зет уже всю работу в соседней комнате под огромной лампой.

Бизон знал, что, когда он в следующий раз появится на людях, у него будут новые документы, ничем не отличающиеся от настоящих, и только на место фотографии покойного Грегга Нортон будет вклеена его фотография.

* * *

Маку никогда не нравилось, когда врачи слишком уж с ним возились. В то время как Йоханнесбург был охвачен паникой и тысячи жителей погибли или умирали, имя Фортунато открывало перед ним все двери. Региональные Миротворческие силы Мирового Сообщества захватили власть в городе и взяли штурмом дворец Рехобота. Его нашли мертвым в своем кабинете в окружении трупов.

Мака и Абдуллу осмотрели и оказали первую помощь в медпункте аэропорта, а затем отвезли для дальнейшего лечения во дворец. Леон сказал им:

— Говорят, что семья Рехобота погибла от огня и дыма. Но там до сих пор воняет порохом от автоматов Мирового Сообщества.

В то время как Мака и Абдуллу доставили во дворец, из дворца выносили тела многочисленных родственников Рехобота.

— В новостях объявят, что Рехобот организовал неудачное покушение, а вот смерть его семьи мы наверняка спишем на стихийное бедствие. Но наши враги все равно узнают правду.

— А что с Нгумо? — спросил Мак.

— Убит, конечно. И его секретарша тоже, как вы и говорили. Все это организовал Рехобот, и он же руководил операцией из своего кабинета. Нгумо убрали, в аэропорт вместо встречающей делегации отправили убийц, а после гибели его превосходительства Рехобот собирался занять его место.

Над рукой Мака несколько часов трудились хирурги, рана в плече тоже потребовала серьезного вмешательства, а старые порезы на голове пришлось зашивать заново. Очнувшись после наркоза, он обнаружил, что лежит на левом боку и прямо перед ним — койка Абдуллы. Нога у второго пилота была загипсована. Рядом на тумбочке стояла банка. В ней лежала сплюснутая пуля, которую извлекли из четырехглавой мышцы.

— Тяжелая рана, — сказал Абдулла. — Но жить буду.

Плечо Мака все еще казалось онемевшим. Рука была обмотана таким слоем бинтов, что казалась похожей на пистолет.

В палату вошел врач Мирового Сообщества, выходец из Индии.

— Мне сказали, что вы уже проснулись, — начал он. — Операция прошла успешно. Меньше всего проблем с ранами на голове. На плече останется довольно большой шрам, нам пришлось вырезать осколки пули, но более серьезных повреждений нет. Останутся онемение и, возможно, некоторая ограниченность в движениях. Вашу руку спасли, пальцы целы. Но эта рана будет причинять вам неудобства еще очень долгое время, и, скорее всего, потребуется дальнейшее лечение, чтобы вы смогли пользоваться рукой. Безымянный и средний палец останутся неподвижными. Мы их согнули, и такими они и будут. Мизинец особого значения не имеет. Вероят-

но, вы сможете пользоваться указательным пальцем, но стопроцентной гарантии я не даю. Большой не будет гнущся.

— Если я смогу держать рычаги управления одним пальцем, нажимать кнопки и поворачивать переключатели, я снова смогу летать, — сказал Мак.

— Думаю, да, — согласился с ним доктор. — Вам очень повезло.

Потом их навел на Фортунато.

— У меня хорошая новость для вас обоих: за храбрость вы получите высшие награды Мирового Сообщества. Его святейшество лично вручит вам ордена Золотого круга за проявленное мужество и за спасение моей жизни.

Мак и Абдулла промолчали.

— Я знаю, что вы оба очень рады и только ваша скромность мешает вам прочувствовать, насколько вы достойны этой награды. А теперь отдыхайте. Вас будут лечить столько, сколько потребуется, а затем ваш бывший второй пилот снова доставит вас в Новый Вавилон на новом борту один.

— А когда построят новый самолет? — спросил Мак, зная, что Фортунато понятия не имеет о том, сколько времени требуется для строительства самолета.

— Бортовой номер сменят завтра же, — ответил Леон. — Петр Второй любезно согласился сделать его святейшеству подарок. Этот мрачный эпизод ничего не изменит. А уже через неделю у Соединенных Штатов Африки будет новый региональный

потентат — преданный человек, которого потентат Карпати выберет сам.

* * *

Бизон возвращался домой с полной машиной припасов, полным баком горючего и мыслями о Маке и Абдулле. По радио передавали новости о мятеже и гибели Биндуры Рехобота. В числе случайных жертв называли повара и двух его помощников, но сильнее всего Бизона взволновало сообщение об уничтожении самолета. Он позвонил домой и с радостью узнал от Рэйфорда, что с ним связался Давид и что их товарищи хоть и серьезно ранены, но живы.

* * *

Спустя неделю Энни и Давид сидели в кабинете начальника отдела кадров во дворце Мирового Сообщества. Начальник держал в руках служебную записку от Давида.

— То есть вы хотите сказать, мистер Хасид, что берете на себя ответственность за то, что мисс Кристофер нарушила инструкцию?

Давид кивнул.

— Я должен был разъяснить ей все эти мелочи.

— Возможно. А может, и нет. Зачем главе отдела брать на себя ответственность, когда

у подчиненных есть вся нужная им информация?

Давид пожал плечами:

— Возможно, Энни... Мисс Кристофер... отвлекло романтическое чувство к сослуживцу.

Начальник отдела кадров взглянул на него поверх очков.

— В самом деле? — произнес он почти без вопросительной интонации. — Но это ее не оправдывает. И вы заинтересованы в продолжении этих отношений, мисс Кристофер?

— Да, очень.

— Этот сослуживец работает в вашем отделе?

— Он сейчас перед вами, — вмешался Давид.

— Великолепно. Ну что ж, посмотрим... в послужном списке мисс Кристофер множество мелких промахов, нарушение субординации и так далее. Но я не стану понижать вас в должности за эту ошибку при условии, что она согласится перевестись туда, где, по моему мнению, она сможет принести наибольшую пользу.

— Куда именно перевестись? — с сомнением спросила Энни.

— В административную службу. После этого кризиса мы потеряли больше дюжины аналитиков. Судя по вашим данным, вы пойдете.

— И что же это за служба?

Он пролистнул страницу и начал читать:

— Административная служба, служебная иерархия следующая: потентат, верхов-

ный главнокомандующий, начальник разведслужбы, начальник аналитического отдела, рядовые сотрудники. Основные служебные обязанности: изучение и интерпретация данных, поступающих из источников, недружественных по отношению к Мировому... и так далее и тому подобное. Аналитик разведслужбы, да или нет?

— Да.

— И постарайтесь не запереть себя в офисе.

Как только они вышли из отдела кадров, Давид взял Энни за руку. Он чувствовал себя таким свободным! И тут он увидел, как Леон Фортунато шагает к лифту, а Петр Второй бежит за ним и что-то кричит ему вслед:

— Мне не с тобой нужно поговорить, Леон.

Фортунато нажал кнопку и обернулся.

— Для тебя, Питер, я верховный главнокомандующий.

— Тогда уж будь любезен называть меня...

— Ты тоже меня называй, — огрызнулся Леон.

— Ну хорошо, главнокомандующий! Но я не позволю Карпати отнять у меня...

— Его превосходи...

— Ну хорошо! Но он должен был у меня спросить, прежде чем отбирать мой самолет и...

Когда они входили в лифт, Леон сказал:

— Если ты думаешь, что потентат Мирового Сообщества обязан перед тобой отчитываться...

— Мне надо это слышать, — шепнул Давид. — Я позвоню тебе, Энни.

— Будь осторожен, — сказала она.

Давид помчался к себе, запер дверь, сел за компьютер и включил жучок, установленный в кабинете Фортунато.

Петр Второй как раз что-то говорил:

— ...собираюсь садиться, потому что сейчас я должен быть совсем в другом месте.

— Дальше тебя попросту не пустят.

— Почему его святейшество так меня унижает? Ты сообщил всему миру, что я заказал себе самолет, и я был бы счастлив, если б это оказалось правдой. Но ведь со мной даже не посоветовались, даже не дали возможности...

— Все, что у тебя есть, ты получил только благодаря потентату. Ты думаешь, что церковь Сокровенного Вавилона не зависит от Мирового Сообщества? Ты думаешь, у тебя есть еще какие-то начальники, кроме его превосходительства?

— Я требую, что ты пропустил меня к нему!

— Ты требуешь?! Чего-то требуешь от меня? Я охраняю ворота, мистер первосвященник. И тебя велено не пускать. Ты это понимаешь?

— Клянусь тебе, Леон, ты пожалеешь, что оскорблял меня.

— Я же просил тебя не называть...

— Как хочу, так и называю. А ты сидишь тут весь такой крутой и важный вовсе не потому, что умнее или лучше других, а потому,

что задницу боссу лизать научился. Так я лизать не буду, но все равно добыюсь, чтобы меня услышали.

Наступила долгая тишина.

— Может, и услышат, — сказал Леон. — Но не сегодня.

Прозвучали тяжелые шаги, затем хлопнула дверь.

— Маргарет? — окликнул Леон.

— Да, сэр?

— Проверь, свободен ли сейчас потентат. Можешь рассказать ему о том, кто только что отсюда выбежал.

— Будет исполнено, сэр.

Давид переключился на кабинет Карпати и выслушал разговор с секретаршей. Она передала сообщение от Фортунато.

— Чего он хочет? — спросил Карпати.

— Его секретарь сказала, что у него только что была встреча с первосвященником.

— Пригласи его.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мак встал на ноги гораздо раньше Абдуллы, и ему не терпелось вернуться в Новый Вавилон. Какой бы трудной ни была его работа, лечение оказалось еще более утомительным. В Йоханнесбургском дворце с него разве что не пылинки сдували, но раны мешали ему наслаждаться отдыхом. Как только заканчивалось действие обезболивающих, возвращалась безумная боль. Но Мак сам попросил врачей, чтобы ему давали минимальные дозы лекарств. Он не хотел подсесть на обезболивающие.

Мак не мог простить себе двух ошибок. Во-первых, он раскричался на весь эфир, что на борту один есть верующие. Им очень повезло, что Дуэйн Таттл, он же Дарт, прикрыл его. Но, кроме того, Мак отдал не кому-нибудь, а самому Леону Фортунато свой защищенный телефон. Он так набит всякой дополнитель-

ной электроникой, что весит раза в два тяжелее обычного сотового телефона. Вероятно, Леон этого не заметил, но что, если бы Маку кто-нибудь позвонил, пока трубка была у Леона? Если бы они не узнали голос Леона или если бы связь была плохой, они могли бы выдать врагу весь Отряд Скорби.

Самое ужасное, что обе свои ошибки Мак совершил не потому, что был в панике или в отчаянии, а из-за недостатка веры. Он совершенно искренне был убежден, что ни один из них не выйдет из этой бойни живым, так чего ему было бояться?

К счастью, он очень удачно выбрал себе второго пилота. Абдулла его выручил.

В первую ночь после госпитализации Мак проснулся среди ночи словно от толчка. Он разбудил Абдуллу.

— У Леона мой телефон, — сказал он. — Всего один звонок от кого-нибудь из наших, и нам всем крышка.

— Спи спокойно, дружище, — ответил Абдулла. — Ты делишь палату с карманником.

— Что?

— Когда вы с Леоном вели меня к терминалу, я вытащил телефон у него из кармана.

— Но он очень тяжелый. Неужели Леон этого не заметил?

— Он был в ужасе. А я этим воспользовался. Теперь телефон у меня.

— Сколько сейчас времени?

Абдулла посмотрел на часы:

— Два часа ночи.

— А в Штатах сколько?

— У них девять часов разницы с Новым Вавилоном. Значит, с нами — восемь.

— Дай мне его.

Мак позвонил Рэйфорду и рассказал ему о семье Таттл, которые исчезли сразу же после того, как отвели в медпункт Мака и Абдуллу.

— У меня не было возможности сказать им, что мы тоже связаны с кооперативом, но твоя дочка наверняка их знает.

Рэйфорд выяснил, что Хлоя знает Таттлов.

— Они взяли на себя обслуживание огромной территории в юго-западной части Тихого океана, — сообщила она. — То, что они оказались рядом и слышали сигнал Мака, — это почти что чудо.

— Привет от Бога, — заметил Рэйфорд. — Если ты можешь освободить их от работы, я бы хотел, чтобы они доставили меня в Европу.

— А почему ты сам не полетишь, пап?

— Не хочу лететь один, а потом из кожи вон лезть, чтобы меня не узнали. Лучше полететь с Дуэйном. На его «суперджете» или на «гольфстриме».

— Ты хоть сам знаешь, куда надо ехать?

— Как только Борегард Хансон появится в Палуоки, он все мне расскажет. Ти задержит его там под каким-нибудь предлогом, а я помашу у него перед носом пачкой с деньгами, и он выложит все. Даже то, чего еще сам не знает.

* * *

Давид Хассид сидел в наушниках, уткнувшись в монитор, и слушал разговор Карпати и Фортунато.

— Леон, ты вовсе не обязан каждый раз целовать мой перстень. Я ценю, когда это делается на публике, но...

— Прошу прощения, ваше святейшество, но...

— И когда мы наедине, ты можешь обходиться без формальностей. Мы много пережили вместе и...

— Я не могу! Не сейчас. После всего, что я видел. Потентат, вы ведь понимаете, что мной движет лишь искренняя преданность. Я верю, что вы избраны для великой цели, сэр, и хотя для меня огромная честь знать, что вы считаете меня своим другом, достойным называть вас по имени, я не могу на это согласиться.

— Хорошо, Леон. А теперь расскажи мне о разговоре с человеком, метящим в короли.

Давид выслушал пересказ разговора. Карпати помолчал немного, а затем спросил:

— Питер не знает, да? Он понятия не имеет, что мне известно о его связи с Рехоботом. Он верит, что ему удастся рассорить меня с региональными потентатами и занять мое место.

— Я в этом не сомневаюсь, ваше святейшество.

— Какой же он идиот! — воскликнул Карпати.

— Так мы позволим ему еще пару раз нас подставить, или пора уже его остановить?

Давид услышал какой-то шум, как будто кто-то встал с кресла. Звук голоса изменился, и Давид пришел к выводу, что теперь Карпати говорит, расхаживая по комнате:

— Я злился на тебя тогда, несколько месяцев назад, когда его не сместили. Но в итоге все обернулось нам на пользу. Он не только вывел нас на Рехобота, но его последнее официальное сообщение на многое пролило свет и, возможно, поможет нам разобраться с двумя нашими южными приятелями.

— С иерусалимской парочкой?

— Да, с ними. Тебе нравится такое название?

— Оно гениально. Но, сэр...

— Я попросил его, чтобы его ученые исследовали все предсказания прошлого, от Нострадамуса до древних священных текстов, и поискали там упоминания о том, в чем слабое место этих двоих. Я знаю, что бен-иегудисты верят, будто это те самые двое Свидетелей из Священного Писания. Каким бы невероятным это ни казалось, но если это так, то Мэтьюз говорит, что через четыре месяца их можно будет убить. Да и сами они утверждают, что их неуязвимость продлится до определенного срока.

— Но, сэр, — возразил Фортунато, — люди, которые называют этих двоих пророками, — это те самые люди, которые вас называют Антихристом!

— Я в курсе, Леон. Но ведь мы с тобой знаем, что я всего лишь выполняю свое предназначение.

— Но если у них есть свой срок, то и у их врага тоже!

— Леон, успокойся! Разве я похож на Антихриста?

— Конечно, нет, ваше святейшество!

— И на кого, по-твоему, я похож?

— Я в глубине души уверен, что вы можете оказаться даже самим Христом.

— Я не вправе так называть себя, дорогой друг. По крайней мере, пока. Только когда весь мир убедится, что я наделен божественной силой, лишь тогда я смогу называть себя так

— Я повсюду рассказываю о том, как вы меня воскресили...

— Я очень ценю это и убежден, что многие тебе поверили. Но ведь свидетелей не было, так что у многих могут возникнуть сомнения. К тому же я не смог остановить этих двух проповедников, и это подорвало веру людей в меня. Но сам я верю в бога превыше всех остальных богов, восседающего высоко в небесах, вечно-го и совершенного. Разве могу я потерпеть поражение после того, как дал ему обет?

— Как я дал обет вам, ваше святейшество.

Похоже, Карпати снова уселся за стол, потому что качество передачи снова стало идеальным.

— Дадим Питеру еще немного времени, — сказал он. — Но большинство потентатов уже едва его терпят?

— Да, сэр, и хотя потентат Рехобот пытался меня обмануть, я уверен, что многие из них искренни. Они заверили меня, что не только хотят его смещения, но и не отказались бы поспособствовать его устранению.

— Леон, я слишком хорошо знаю политиков и понимаю, что их слова ничего не значат, пока они не подкреплены действиями. Пусть Питер и дальше верит, что большинство региональных потентатов готовы меня предать. Очевидно, его цель — занять мое место. Если бы Рехоботу удалось осуществить свой план, он стал бы при Питере тем же, что ты при мне. Пусть Питер считает, что все доверяют ему. А мы извлечем из этого свою выгоду.

— Я приложу все усилия, сэр. И еще раз спасибо за вашу защиту в Йоханнесбурге.

— Пустяки. Когда вернутся пилоты, чтобы мы смогли вручить им их награды?

— Скоро, сэр.

— Людям ведь нравятся пышные церемонии?

Леон согласился, но Карпати продолжил говорить, не слушая его:

— Со всеми этими кризисами в последнее время у нас почти не было возможности прославить людей, проявивших примеры гражданской ответственности и героизма.

— Нам не хватает рабочей силы, ваше святейшество, но если мы применим творческий подход, то сможем сделать возвращение пилотов в Новый Вавилон событием мирового масштаба.

Давиду показалось, что Карпати размышляет вслух.

— Да, да, — произнес он. — Мне нравится эта идея. Очень нравится. И надо бы разобратся со сроком для иерусалимской парочки. Если бен-иегудисты называют середину периода нашей договоренности с Израилем, я хочу знать точную дату.

В голосе Карпати звучало такое возбуждение, что у Давида бешено забилося сердце. Теперь потентат говорил гораздо громче и быстрее:

— Мы говорим о пышном празднестве, мой друг! О настоящем событии! Обманем этих двоих. Удивим их. Дадим им дождаться этого срока. Дадим им зрителей, которых они так жаждут. Уберем все заслоны, Леон. Устроим прямую трансляцию. Спланируем праздник. И я приеду туда. Да, я должен быть в Иерусалиме, в сердце страны, с которой я заключил мирный договор. Мы будем отмечать середину периода мира, которого нам удалось достигнуть. Пусть съедутся все политики. Пускай туда приедет Питер во всей своей смехотворной роскоши. А мой старый друг доктор Розенцвейг станет почетным гостем. Мы будем делать то же самое, что делают так называемые святые, и превзойдем самих себя. И я снова поклянусь встать на защиту Израиля! На глазах у всего мира я возьму на себя ответственность за гибель этих проповедников. И как же будут рады люди, когда наступит конец бедствиям, угрозам, засухе, голоду и воде, превращенной в кровь!

Записывай, Леон. И пусть потентаты поддержат планы Питера против меня. Пусть он поверит, что они на его стороне, что они единодушны, да, единодушны в своей ненависти ко мне. Что они согласны, чтобы он ими правил. Позаботься, чтобы он прибыл в Иерусалим в полной уверенности, что каждый из них ему предан.

— Я сделаю все возможное, сэр.

— У нас осталось всего несколько месяцев. Пусть это станет твоей первоочередной задачей. Высший уровень секретности, конфиденциальные встречи с кем угодно и когда угодно. Все наши ресурсы в твоём полном распоряжении. Это будет миг нашей славы, идеальное представление. Оно положит конец мятежу, оппозиции, попыткам церкви Сокровенного Вавилона отобрать у меня власть, и оно же положит конец бен-иегудистам, потому что в Иерусалиме не останется проповедников, которым они поклонялись.

— Но послания Бен-Иегуды читает столько людей...

— Даже он утратит веру, когда всем станет ясно, что на земле есть только одна власть и исходит она из Нового Вавилона. Пригласи его! Пригласи его последователей! Они так старались весь последний год скомпрометировать меня и убить. Так давай предложим им вернуться и посмотрим, что они на это скажут!

— Ваше святейшество, вы гениальны.

— Если тебе нравится этот план, Леон, поразмысли над ним. Ты должен вложить в его

осуществление все свои силы. Но попытайся убедить Питера, что между мною и тобой не все гладко...

— Но, ваше святейшество, я люблю...

— Я знаю, Леон.

— И первосвященник об этом знает. Ума не приложу, как его можно убедить, что моя непоколебимая верность вам ни с того ни с сего...

— Ну конечно! Это не должно быть чем-то неожиданным. Пускай он сам приложит к этому руку! Ведь он наверняка пытался вызывать у тебя сомнения на мой счет, разве нет? Разве он никогда не критиковал меня?

— Да, но я всегда защищал вас...

— Всего лишь сделай вид, что ты колеблешься, Леон. Один лишь раз промолчи и не отвечай на его нападки. Я знаю его. Он клюнет. Он считает, что способен убедить кого угодно в чем угодно. Это какой же самовлюбленностью нужно обладать человеку, чтобы верить, будто десять потентатов его обожают, когда на самом деле они готовы убить его собственными руками! Ты сделаешь это, Леон?

— Я попытаюсь.

— Я не сомневаюсь в тебе. В течение четырех месяцев мы соберем в своих руках всю власть и уничтожим все оппозиционные настроения. Одна лишь мысль об этом наполняет меня энергией! Иди же, друг. И не стесняйся обращаться с просьбами. Все, что есть у меня... у нас... к твоим услугам!

— Спасибо, ваше святейшество. Благодарю вас за честь служить вам.

— Как приятно это слышать, — ответил Карпати.

У Давида разболелась голова от слишком долгого и напряженного разговора. Он уже собирался выключить компьютер, когда из кабинета Карпати донеслись еще какие-то звуки. Минуту с ним разговаривала секретарь, а затем он попросил ее не соединять его для телефонных разговоров и не пускать к нему посетителей. Давид услышал стук двери и щелчок, как будто Карпати закрыл ее на замок. Он решил подождать, потому что подумал, будто Карпати собирается сделать какой-то очень важный звонок.

Скрипнуло кресло, а затем Давид услышал, как потентат шепчет:

— О, Люцифер, сын утренней зари! Я поклонялся тебе с детства.

Давида бросило в дрожь, его сердце забилось быстрее.

Карпати продолжал:

— Я благодарю тебя за творческую энергию, которую ты пробуждаешь, о ангел света. Спасибо тебе за великолепные идеи, которым я не устаю удивляться. Ты дал мне власть над народами! Ты обещал мне, что я войду вместе с тобой в рай, что мы воздвигнем наши престолы над звездами. Ты обещал, что я поднимусь высоко над облаками. Я стану равен богам. Я выполню все твои приказы, чтобы в благодарность ты позволил мне вместе с тобой править миром. Ты выбрал меня и дал мне силу вызывать дрожь земли и сотрясать королевства.

Твоя победа станет моей победой, и подобно тебе я буду жить вечно. Я с нетерпением жду дня, когда смогу прославить твою силу и твое величие.

* * *

Телефон Рэйфорда зазвонил в ночь с пятницы на субботу.

— Он здесь, — сказал Ти. — Я сказал ему, что для него есть интересная и, возможно, прибыльная работенка. Он какое-то время еще тут побудет, но я не виделся с ним с тех пор, как исчезла твоя приятельница, и вижу, он боится, как бы я не заговорил о ней.

— Я еду к вам. Не отпускай его.

Рэйфорд сел рядом с Лией и спросил, нельзя ли помахать ее деньгами перед носом Бо Хансона в обмен на информацию о Хэтти Дюрхем.

— Знаешь что, — ответила она с явным злорадством, — ты не разговаривал со мной целыми днями, ни разу не спросил, как у меня дела, не спросил даже, как заживают мои ребра, но как только тебе что-то от меня понадобилось, ты тут как тут.

Рэйфорд не знал, что сказать. Его возмутил ее тон, но при этом он чувствовал себя виноватым.

— Я просто забежался, — начал он.

— Я вместе с тобой рисковала своей шкурой и отдала Отряду Скорби деньги, которые мы с мужем копили всю свою жизнь, а

ты по-прежнему обращаешься со мной как с чужачкой. Это ты называешь «забегался»?

— Наверное, мне нет прощения, — сказал Рэйфорд.

— Наверное? Ты говоришь таким тоном, как будто это я решила тебя не прощать.

Рэйфорд встал.

— А теперь ты хочешь повести себя еще более грубо и уйти? — спросила Лия.

Он обернулся.

— Есть много способов сказать «нет». Может, еще какой-нибудь попробуешь?

— Я «нет» не говорила.

— Ты, наверное, шутишь.

— Мне нравится тебя дразнить.

— Я рад, что хоть кому-то из нас это нравится.

— Рэйфорд, послушай меня. Мне очень обидно, что ты меня избегаешь, но я понимаю, что ты пережил много потерь и в том числе потерял двух жен за три года. Я не надеюсь, что тебе будет уютно рядом со мной. Но я думала, что мы как-то загладили наши прежние разногласия и что наше совместное приключение хоть что-нибудь изменило.

Он снова сел.

— Лия, я ничего о тебе не знаю, и это пугает меня почти так же, как и все, что я пережил... а мне в числе прочего пришлось вытаскивать из Тигра тело моей жены. Я не хочу об этом думать и уж тем более не хочу заикливаться на этих воспоминаниях. Это не оправдание, но, возможно, ты именно эти воспоминания во мне и пробуждаешь.

— Думаю, да. Но ты здесь главный, а мне тоже нужно чем-то заниматься. Дай мне задание, шеф. Я могу оказывать любые медицинские услуги, но не хочу подключаться к работе только в том случае, когда кто-нибудь заболит. Я пыталась помогать Хлое с ребенком и даже сделать что-нибудь для кооператива, но она никогда ни о чем меня не просит. Мне приходится буквально ей навязываться. Сделай так, чтобы это было моими обязанностями, и тогда она не будет чувствовать себе неловко от того, что ей приходится принимать мою помощь.

— Ладно, я это сделаю.

— Скажи об этом ей.

— Скажу.

— И вы, ребята, все такие политкорректные, что никому даже в голову не пришло попросить меня что-то сделать по дому. Я неплохо готовлю и люблю это занятие. Мне и меню составлять нравится, и готовить, и даже посуду мыть. Можно, я буду делать это для вас, чтобы вы не отвлекались от своих основных дел?

— Ты хочешь? Это бы здорово нам помогло.

— А я буду чувствовать, что тоже вношу свой вклад. А о деньгах не спрашивай. Делай с ними все, что захочешь. Я же давно сказала, что отдаю их Отряду, и я не шутила. Если что-нибудь вдруг изменится и мне придется уйти, я ни цента с собой не возьму. Договорились?

— Это так щедро с твоей стороны...

— Меня уже поблагодарили. Мы вносим в общую копилку все, что можем внести, и все наши вклады равны. Кроме разве что вклада Циона.

— То есть ты наехала на меня потому?..

— Потому что заслужил. Тебе нужно быть внимательнее к людям и как-то проявлять это внимание. Я ведь спрашивала тебя о твоём колене?

— Несколько раз.

— Я спрашивала не из вежливости. Я тоже виновата в том, что ты ушиб ногу. Конечно, я не знала, что ты не смотрел на меня, но все равно я не должна была так резко останавливаться. Ты замечательный человек. Ты получил травму. И я беспокоилась о тебе. Поэтому я и спрашивала. А ты пытался строить из себя крутого мачо и отмахивался в ответ.

Рэйфорд покачал головой.

— Ну и как заживают твои ребра?

— Очень медленно, если честно. Похоже, у меня не одно ребро треснуло. Иногда я весь день о них не вспоминаю, а потом как-нибудь не так повернусь и чуть не ору от боли.

— Сочувствую. Надеюсь, тебе скоро станет лучше.

Лия посмотрела на него.

— Я серьезно, — добавил Рэйфорд.

— Знаю. И у тебя слишком много забот, чтобы беспокоиться еще и обо мне.

— А остальные как к тебе относятся?

— Отлично. Мне не на что жаловаться.

— Я единственный подкачал?

— И раз уж мне удалось до тебя достучаться, может, ты еще кое о чем подумаешь, когда мои ребра пройдут? Я могу путешествовать. Я находчива. Я готова рисковать, как рисковала для вас много раз, когда работала в больнице. У меня нет семьи, и мне нечего терять. Если вам понадобится, чтобы я куда-нибудь съездила, что-нибудь сделала, что-нибудь отвезла или забрала, с кем-нибудь связалась, я могу воспользоваться чужими документами. Ну да, я чуть не выдала себя агентам Мирового Сообщества в ту ночь...

— Ты просто слишком рано потеряла надежду. А вообще ты быстро взяла себя в руки и отлично среагировала.

— Короче, если что, имей меня в виду. Женщине гораздо проще изменить внешность, чем мужчине, с помощью краски для волос и макияжа. А агенты Мирового Сообщества недолго будут носить с собой мою фотографию. Так что достань для меня фальшивые документы и можешь приставить к работе.

— В более подходящее время. На самом деле я все никак не опомнюсь от радости, что ты согласна взять на себя готовку.

— Боюсь, что я об этом еще пожалею.

Рэйфорд встал, чувствуя, что его колено и палец на ноге все еще ноют. В гостиную вошла Хлоя.

— Плохие новости, папа. Ты помнишь, я пыталась разыскать Нэнси, сестру Хэтти, и сообщить ей, что, по нашему мнению, Хэтти

жива? Я нашла. Ее имя есть в списках погибших. Отравление дымом.

Рэйфорд низко опустил голову.

— Ну что ж, — печально сказал он, — еще одна причина, чтобы найти Хэтти.

* * *

Мак и Абдулла должны были вылететь в Новый Вавилон утром в пятницу на новом борту один под командованием летчика, который раньше был у Мака вторым пилотом. Самолет, отнятый у Петра Второго, переименовали из борта два в «Феникс-216». Леон Фортунато намеревался чествовать раненых героев.

Мак не мог дожидаться встречи с Давидом и Энни. Нужно было разместить жучки в новом самолете, а кроме того, Давид хотел что-то ему рассказать, но не мог сделать это по телефону. Если лучший в мире специалист по защите информации боится телефонного разговора, значит, речь и впрямь идет о чем-то важном.

Часам к четырем Мак уже сложил вещи, и тут ему позвонил Рэйфорд.

— Я сейчас еду в Палуоки, чтобы прижать этого Бо, о котором я тебе рассказывал. Скоро я буду в Европе, и мне кое-что там понадобится. Альби — все еще твой главный информатор?

— Пока что да. Что тебе нужно?

— Э... я лучше поговорю с ним напрямую. У тебя его номер есть?

— Здесь нет. Завтра я должен быть дома. Можешь чуть-чуть подождать?

— А нельзя Давида попросить, чтобы он узнал для меня этот номер?

— Он хранится у меня в компьютере. Ты что, несколько часов не можешь подождать?

— Думаю, что подожду.

* * *

С новым лицом и новыми, хотя и потрепанными документами Бизон коммерческим рейсом вылетел в Тель-Авив. Его потрясло, как трудно теперь стало летать. Дым, огонь и сера продолжали опустошать землю, и это повлияло на все стороны жизни. Состав общества уже один раз изменился после Восхищения праведников, а затем великое землетрясение полностью перечеркнуло привычный жизненный уклад, но Бизон знал, что очередное бедствие еще хуже. На земле почти не осталось людей, которые не потеряли бы кого-нибудь из близких.

Ему трудно было проститься с Хлоей и малышом. Он не расставался с ними десять месяцев — с самого рождения Кенни. Бизон даже не представлял себе, как крепко он к ним привязался и насколько сильно — почти до боли — ему хочется взять сына на руки. Он знал, что такое тоска по Хлое, и иногда это чувство почти сводило его с ума. Но тоска по Кенни оказалась еще сильнее.

В самолете перед ним сидела женщина с восточной внешностью, и с ней летел ребенок, наверное, на пару месяцев младше Кенни. Бизон так ей завидовал, что еле удержался, чтобы не подойти к ним, когда ребенок раскапризничался во время взлета. Как только разрешили отстегнуть ремни, Бизон все-таки прошел вперед и спросил у женщины, говорит ли она по-английски.

— Немного, — сказала она.

— Как зовут вашего мальчика?

— Ли, — ответила женщина.

— Привет, Ли, — обратился к нему Бизон, и мальчик пристально посмотрел на него. — А сколько ему?

— Семь месяцев.

— Красивый малыш.

— Большое спасибо, сэр.

— Можно мне его взять?

— Что?

Бизон протянул к нему руки.

— Можно, я его подержу?

Она занервничала.

— Нет.

— Ничего страшного, — сказал Бизон. — Я понимаю. Я бы тоже не дал подержать своего сына незнакомому человеку.

— У вас есть ребенок?

Он дал ей фотографию, и женщина показала ее своему мальчику, который сразу же попытался ее схватить.

— Он тоже красивый. Скучаете?

— Очень.

Она протянула ему малыша, и Бизон взял его. Ли охотно пошел к нему на руки, но стоило Бизону выпрямиться, как ребенок помрачнел и завертелся, не сводя глаз с матери.

— Она здесь, — попытался успокоить его Бизон. — Твоя мама здесь.

Но Ли заплакал, и мама его забрала.

Бизон протянул ей руку, и она робко пожала ее в ответ.

— Грег Норт, — представился он.

— Приятно познакомиться, мистер Грег, — ответила женщина, но своего имени так и не назвала.

Через некоторое время, когда Бизон уже поел, молодая мама обратилась к нему с просьбой. Он видел, как она ходила по проходу, убаюкивая малыша.

— Можете поддержать его, пока я поем? — спросила она.

Бизон держал спящего ребенка на руках минут двадцать, пока мать не забрала его снова. Ему не хотелось его отдавать.

В Тель-Авиве Бизон всматривался в лица людей в поисках знака креста. Единственным таким человеком оказался мужчина, которого расспрашивали таможенники, и Бизон не рискнул подойти к нему.

В Израиле было девять утра, когда Бизон повесил сумку на плечо и вышел из аэропорта Бен-Гурион с намерением позвонить домой Хаиму Розенцвейгу. Трубку сняла какая-то молодая женщина и ответила на иврите. Бизон попытался собраться с мыслями.

— По-английски, пожалуйста, — попросил он, надеясь, что все-таки вспомнит ее имя.

— Дом доктора Розенцвейга, — сказала она. — Чем могу вам помочь?

— Ханнелора?

— Да. А кто это говорит?

— Я скажу, но, пожалуйста, не произноси мое имя вслух, хорошо?

— Скажите, кто это, пожалуйста.

— Я хочу сделать сюрприз для Хаима.

— Кто это?

— Ханнелора, это Бизон Уильямс.

— Бизон! — радостно прошептала она. — Меня никто сейчас не слышит. Ты сейчас где?

— В аэропорту Бен-Гурион.

— Можешь приехать? Доктор и Иаков так обрадуются!

— Я тоже очень хочу их увидеть.

— Жди там. Я пришлю Иакова.

— Скажи ему, чтобы не называл мое имя, Ханнелора. Если ему будет нужно меня позвать, я сейчас Грег Норт.

— Грег Норт. Он скоро приедет, Бизон. То есть Грег. Я ничего не скажу доктору Розенцвейгу. Он будет так...

— А как там Иона?

— Ой, Бизон, мне так жаль. Он умер. Но, слава богу, он сейчас в раю. Мы все тебе расскажем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рэйфорд взял сумку с деньгами и начал взбираться по лестнице на диспетчерскую башню аэропорта Палуоки. Он заметил на стоянке две машины, и это значило, что Ти не дал Бо Хансону сбежать. До вершины оставалось несколько ступеней, когда колено Рэйфорда напомнило о себе, и к двери он подошел, хромя.

Он бывал на башне много раз и знал, что изнутри прекрасно слышен каждый его шаг. Ти помахал ему из-за стола, но Бо, сидящий в кресле, поднял голову с таким видом, будто даже не догадывался, что кто-то идет. Несмотря на прекрасное образование, Бо, по мнению Рэйфорда, умом не блистал. Он пригладил высветленные, стриженные «ежиком» волосы и глубоко вздохнул, наверное, для того, чтобы продемонстрировать внушительную мускулатуру. Но все равно заметно было, что он боится.

- Давно не виделись, Бо.
- Тот кивнул:
- Здравствуйте, мистер Стилз.
- Стил, а не Стилз.
- Простите.
- Что нового, Бо?
- Ничего особенного. А у вас?
- Недавно потерял хорошего друга. Даже двоих.
- Рэйфорд сел, поставив сумку у ног.
- Двоих? — переспросил Бо.
- Одним из них был мой врач. Ты его знал.
- Ага. А что случилось?
- Заразился от Хэтти.
- Ой. Я слышал о ней. Ужасно.
- А что ты слышал?
- Так в новостях передавали, — сказал Бо. — Авиакатастрофа. В Испании, кажется. У меня тоже потеря. Эрни сгорел в Калифорнии.
- Печальная новость.
- Спасибо за сочувствие. Мне тоже жаль, что так случилось с Хэтти.
- Сколько она тебе заплатила? — поинтересовался Рэйфорд.
- Мне?
- Чтобы вывезти ее отсюда, сочинить историю и сфальсифицировать ее смерть.
- Не понимаю, о чем ты.
- Ты дал разрешение на вылет. Твоя фамилия стоит в журнале регистрации. Ты не догадался изменить идентификационный номер самолета, и хотя имя пилота не было

указано, мы узнали, что самолет принадлежит твоему брату Сэму из Батон-Ружа.

— Он... я... все равно не понимаю, о чем вы.

— Ты считаешь себя деловым человеком, Бо?

Бо посмотрел на Ти:

— Мне принадлежит часть этого аэропорта. Так что это факт.

— Пять процентов, — уточнил Ти.

Бо вздрогнул, как от удара.

— У меня есть и другие вложения, другие интересы, другие дела.

— Ух ты, — присвистнул Рэйфорд. — Звучит внушительно. И у этих других дел есть названия?

— Ага, — ответил Бо. — Одно из них называется «Не твое».

Рэйфорд и Ти переглянулись. Бо тяжело дышал, на его шее пульсировала жила.

— Как интересно, Бо. «Не твое», значит?

— Ага, именно так оно и называется. «Не твое собачье дело». Понял? Ха! Не твое дело!

— Я понял, Бо. Отличное название. И поэтому тебе приходится брать деньги с женщин, желающих исчезнуть.

— Я же говорю — понятия не имею, о чем вы толкуете.

— Но и не отрицаешь.

— Что не отрицаю?

— Что ты посадил Хэтти Дюрхем в «квантум» твоего брата и дал им разрешение на вылет.

— Отрицаю.

— Я вижу.

— Полностью отрицаю. Я не имею к этому никакого отношения.

— Так все и было, но ты тут ни при чем?

— Вот именно.

— Но теперь ты хоть знаешь, о чем я говорю.

— Я не знаю. Я догадываюсь. Меня здесь не было.

— А почему в журнале твоя фамилия?

— Мне позвонил диспетчер. Сказал, что какой-то парень хочет заправить «квантум». Я разрешил. Даже если это был мой брат, я этого не знал. И если пассажиркой была Хэтти, я тоже не в курсе. Я же говорю. Меня там не было. Я ни в какой самолет никого не сажал.

— Зато у тебя идеальная память. Ты помнишь все подробности об этом самолете, хотя тебя даже здесь не было.

— Докажи.

— Что доказать?

— То, что ты говоришь.

Рэйфорд покачал головой.

— Я должен доказать, что у тебя идеальная память?

— Не знаю. Ты смеешься надо мной, и я не понимаю зачем.

Рэйфорд наклонился вперед и хлопнул Бо по бедру.

— Я кое-что скажу тебе, Бо. Я тоже деловой человек. Меня совершенно не волнует, что Хэтти вылетела в Европу и даже то, что она притворилась погибшей.

Бо пожал плечами:

— Ну и хорошо.

— Она взрослая женщина, у нее свои деньги, и она может сама за себя решать. Она не обязана отчитываться передо мной. Но я беспокоюсь о ней. Она еще не выздоровела до конца. Это мешает ей принимать разумные решения, но это ведь ее дело, правда?

Бо молча кивнул.

— Но, понимаешь, мне нужно ее найти.

— Ничем не могу помочь.

— Не будь так уверен. Мне нужно поговорить с ней, сообщить кое-какие новости, которые ей можно передать только лично. Так что мне делать, Бо? Как мне ее найти?

— Не знаю. Я же сказал.

— Ты сказал, что ты деловой человек. Ну и насколько ты деловой, Бо? Настолько? — Рэйфорд наклонился и расстегнул молнию на сумке.

Бо уставился внутрь. Потом перевел взгляд на Рэйфорда, потом на Ти.

— Давай же, — сказал ему Рэйфорд. — Возьми пачку. Они настоящие. Бери, не бойся.

Бо вытащил пачку двадцаток и пролистнул их большим пальцем.

— Нравится? — спросил Рэйфорд.

— Конечно, нравится. Сколько их тут?

— Посмотри сам.

Бо наклонился к сумке и открыл молнию еще шире.

— Я бы нашел, на что это потратить.

— Так у тебя возникло желание отвечать на вопросы?

Бо чуть ли не с головой в сумку влез.

— Нет ничего лучше запаха денег. Так что ты хочешь знать?

— Я собираюсь завтра вылететь в Европу и хочу найти Хэтти Дюрхем живой и здоровой примерно через час после посадки. Знаешь кого-то, кто мог бы мне помочь?

— Возможно.

Рэйфорд вытащил из сумки несколько пачек и начал выкладывать их на стол, одну за другой.

Когда на столе лежали три пачки, он спросил:

— Что ты на это скажешь?

— Немного скажу.

— А именно?

— Франция.

— Город?

— Давай еще.

Рэйфорд выложил еще одну пачку.

— Побережье.

— Круто торгуешься. Северное или южное?

— Да.

С каждым новым вопросом Рэйфорду приходилось выкладывать еще деньги. Наконец, он выяснил, что речь идет о городе на берегу Ла-Манша.

— Гавр.

— У тебя тут целая куча денег, — заметил Рэйфорд, — но все они вернутся в сумку, если ты не скажешь мне точный адрес, с кем она и какие еще сюрпризы могут меня поджидать. Ты все это запишешь, и я оставлю деньги у Ти...

— Ты что, хочешь свалить, не заплатив?!

— ...а когда я найду ее, свяжусь с ним, и ты получишь свою плату. Но тебе придется все написать на бумаге.

— Оно уже записано, — ответил Бо и вытащил из бумажника распечатку. Там была вся информация, нужная Рэйфорду. — И если что, я ни при чем.

— Обещаю, — заверил его Рэйфорд. — Осталось только уладить проблему молчания.

— Молчания?

— Разве ты сумел удержать язык за зубами?

— Ну, вроде нет.

— Так ведь и я могу не удержать.

— Ты же пообещал меня не втягивать.

— Я так понял, ты не хочешь, чтобы я выдал тебя Хэтти или тем людям, которые сейчас с ней.

— Ну да, я об этом.

— Но за мое полное молчание придется заплатить.

— О чем ты?

— О Мировом Сообществе, конечно. Имитация гибели с целью обмана страховой компании и вызов спасателей под фальшивым предлогом считаются по законам Мирового Сообщества международными преступлениями класса X. Они караются пожизненным заключением. Как честный гражданин, я обязан донести о нарушении закона.

— Я буду все отрицать.

— У меня есть свидетель. — Рэйфорд кивнул в сторону Ти, который сидел, уткнувшись взглядом в стол.

— Ты встал на его сторону, Диленти? Ах ты гад!

— Ребята, вы бы как-нибудь сами... — начал Ти.

— Заткнись! — бросил Бо. — Я тогда тоже на вас стукну. Это же вымо... вымога... шантаж!

— Бо, — обратился к нему Рэйфорд, — ты можешь дотянуться до телефона? Позвони прямо сейчас и сообщи, что я тебя шантажирую. Раз уж это уголовное преступление.

Бо фыркнул и развел руками.

— Так, может, передашь мне телефон? — продолжил Рэйфорд. — Мне нужно сообщить о преступлении.

— Ты не посмеешь. Ты же сам прячешься.

— Они же принимают анонимные звонки, Ти?

Ти не ответил.

— Сейчас выясним. — Рэйфорд взял трубку и начал нажимать кнопки.

— Ну хорошо! Стой!

— Ага, ты снова почувствовал себя деловым человеком, Бо? Готов торговаться?

— Да!

— Так, может, я облегчу тебе процесс? Что, если я не потребую ни цента из твоих денег? Согласен?

Бо пожал плечами.

— А вот эти деньги пока еще не твои. — Рэйфорд одним махом смел пачки двадцаток со стола обратно в сумку.

— Ну хорошо! Я сообщу кому надо, и ты никогда не найдешь Хэтти Дюрхем.

— Видишь ли, Бо, я подумал об этом. Это было бы очень недальновидно. Все карты сейчас у меня. Если Хэтти вдруг исчезнет, по любой причине, ты станешь преступником международного класса. Поверь мне, я побывал в этой роли, и хорошего в ней мало. — Рэйфорд протянул ему руку. — Приятно иметь с тобой дело, Бо.

И Борегард Хансон, считающий себя таким умным, пожал его руку в ответ. А потом отдернул.

— Эй! А с тобой дела вести неприятно, ты... идиот!

Бо хлопнул дверью, скатился по лестнице, хлопнул еще одной дверью вниз, потом дверцей машины, взметнул облако пыли и гравия, выезжая со стоянки, пулей вылетел в ворота и резко остановился, потому что у него закончилось горючее. Рэйфорд сверху глядел, как он пытается привлечь внимание проезжающих мимо водителей.

* * *

Иаков припарковался у здания аэропорта и вылез из «мерседеса».

— Грег! — воскликнул он и заключил Бизона в объятия. А когда они сели в машину, спросил: — Как у тебя дела, братишка?

— Беспокоюсь за Хаима. И очень соскучился по всем вам.

— Ханнелора рассказала об Ионе?

Бизон кивнул.

— Что с ним случилось?

— Сначала ты скажи: ты видел всадников?

— Нет.

— Поверь, их лучше и не видеть. Жуткие твари. Они разгуливали по окрестностям, когда Иона сидел в кабинке охранника. Ты ее знаешь.

— Ну да.

— Одна из лошадей дохнула пламенем, и один из водителей закашлялся от дыма. Он потерял сознание, и его машина протаранила кабинку. Хаим был вне себя от горя. Он поверить не мог, что мы видим этих чудовищ. Он так до сих пор и думает, что мы его обманываем, но смерть Ионы его очень потрясла. Он все время повторяет: «Я думал, он один из вас. Я думал, с ним ничего не может случиться». И если раньше он изучал послания доктора Бен-Иегуды каждый день, то теперь говорит: «Это ложь, правда ведь? Обман, обман, обман!» И знаешь, Бизон, он ведет себя очень странно. Он, конечно, очень стар и чудаковат, но голова у него такая же светлая, как в молодости. И вдруг он купил себе инвалидное кресло. С мотором. Очень дорогое.

— А ему оно нужно?

— Нет! Он же поправился после укуса саранчи. Но он боится этих бедствий, как безумец, все время сидит у окна и высматривает, нет ли дыма. Выходить отказывается. Часто запирается в мастерской. Ты помнишь ее?

Бизон кивнул.

— Так что там с креслом?

— Он разъезжает в нем по дому, а когда ему надоедает на одном этаже, он зовет меня и камердинера, и нам приходится перетаскивать его на другой этаж. А оно тяжеленное.

— А зачем ему это?

— Такое впечатление, что он тренируется. Сначала у него не получалось, он все время во что-то врезался. Не мог отъехать назад, не мог развернуться. Заезжал в какие-то немыслимые тупики, злился, а в конце концов звал нас, чтобы мы его вытащили. Но он хорошо научился. Теперь он уже может везде проехать с первой попытки. Может вписаться куда угодно, развернуться на пятачке. И так он разъезжает по каждому этажу. Помоему, ему это нравится.

— А что он делает в мастерской, Иаков?

— Никто не знает. Он может торчать там часами, а мы только и слышим — вжик, вжик, вжик.

— Работает по металлу?

— Да! И мы видели стружку, но не знаем, что он там пилит. И ему всегда плохо давалась ручная работа. Он очень умный человек, изобретательный, творческий, но не из тех, которые работают руками. Он все так же занимается ботаникой и пишет статьи для научно-технических журналов. И еще он изучает Библию.

Бизон с сомнением взглянул на Иакова. Тот как раз сворачивал на улицу, где жил Хаим.

— Ты шутишь.

— Это чистая правда! Он сравнивает тексты Библии с поучениями Циона. И они с Ционом переписываются.

— Я знаю. Поэтому я и здесь. Цион очень волнуется о нем и считает, что он готов перейти в христианство.

— Я тоже так думал, Бизон. После того как ты уехал, вокруг него все время были верующие. Но потом он смотрел новости и разочаровался в Карпати. Ему кажется, что его предали, предали весь Израиль. Он не может встретиться с Николае, ему все время препятствует этот их главнокомандующий.

— Фортунато.

— Ну да. Неприятный такой. Ты будешь в шоке, когда увидишь, как он постарел, но он будет счастлив увидеть тебя.

— А еще что у вас происходит?

— Да вроде ничего особенного. А, подожди. Про insult не упоминай.

— Про insult?

— Ну, ты понимаешь, когда у человека...

— Я знаю, что такое insult, Иаков. А к чему мне об этом упоминать?

— У него что-то вроде навязчивой идеи.

— Об insultе, — задумчиво произнес Бизон. — С чего бы это?

— Мы не знаем, Бизон. Мы давно уже не пытаемся его понять. У кого-то из его дальней родни был insult, и он видел фотографию этого родственника. Жалкое зрелище. Наверное, он боится, что что-то подобное

может случиться и с ним. Это так на него не похоже. Ну, ты понимаешь.

* * *

Дворцовый комплекс Мирового Сообщества был погружен в траур. От дыма, огня и серы погибли примерно пятнадцать процентов сотрудников. Карпати публично обвинил в этом Циона Бен-Иегуду. В новостях передавали фрагменты из его выступления: «Год назад этот человек уже пытался убить меня на иерусалимском стадионе имени Тедди Коллека перед тысячами свидетелей. Он связан с радикалами, которые изливают на нас свою ненависть со Стены Плача и хвалятся тем, что отравили питьевую воду. Неужели не очевидно, что последователи именно этого культа осмелились подвергнуть весь остальной мир действию биологического оружия?

Наверняка они создали для себя какое-то противоядие, потому что ни один из них не назван в числе жертв. Более того, они сострепали легенду, в которую не способен поверить ни один разумный человек. Они пытаются внушить нам, что наши близкие и друзья погибли от рук гигантских всадников-головорезов, разъезжающих на чудовищах, которые похожи и на лошадей, и на львов, и выдыхают пламя, подобно драконам. И конечно же, только эти так называемые верующие и святые — не чета нам — способны

видеть этих ужасающих чудовищ. А мы, несведующие, а на самом деле не поддавшиеся лжи, остаемся слепыми и уязвимыми. Бениегудистам не удалось увлечь нас своими фанатичными бреднями об избранности, и поэтому они решили с нами покончить!»

Отдел Давида продолжал терять сотрудников. Те, кому удалось уцелеть, боялись выходить из здания, не зная, что внутри они подвергаются точно такой же опасности, работали в две смены и не могли избавиться от чувства страха.

Как бы ни были счастливы Давид и Энни, их радость была омрачена гибелью многих людей. Их друзьям и знакомым, которые раньше могли бы порадоваться вместе с ними, теперь чужая любовь казалась чем-то незначительным. И как бы ни были Давид и Энни влюблены друг в друга, им нечего было на это возразить. Вокруг них гибли люди и отправлялись в ад. Давида так это расстраивало, что он всерьез подумывал сбежать из дворца вместе с Энни и проповедовать людям Евангелие, пока еще есть время.

И снова Энни напомнила ему о том, в каком уникальном положении он находится. Однажды ночью они сидели в его кабинете перед компьютером, держась за руки. Благодаря простым наушникам-«капелькам» они могли одновременно слушать разговор Леона и Петра Второго в кабинете Питера во Дворце веры.

— Дни правления Карпати сочтены, Леон. Так что можешь не взвиваться так каждый

раз, когда я опускаю эти идиотские титулы, которыми вы с ним наградили друг друга.

— Но ты же сам настаиваешь...

— Я-то свой титул заслужил, Леон. Я — слуга Божий. Я возглавляю величайшую церковь в истории. Миллионы жителей Земли признали во мне своего пастыря. Долго ли придется ждать, прежде чем они признают во мне и политического вождя? Только горсточка религиозных евреев и христиан-фундаменталистов отказалась присоединиться к церкви Сокровенного Вавилона.

— Горсточка? По нашим оценкам, первосвященник, каждый день сайт Бен-Иегуды посещает около миллиарда человек.

— И это ничего не значит. Я тоже посещаю этот сайт. А сколько среди них искренних приверженцев? Я-то к ним точно не отношусь, и все же мне приходится читать всю эту чушь. Мне приходится быть терпимым, позволять им во имя толерантности и дальше цепляться за собственные заблуждения, но это продлится недолго. Я умолял Карпати запретить все религии, кроме общемировой. Скоро я установлю наказания за исповедование всех прочих религий и добьюсь, чтобы он поддержал меня в этом. Или он хочет войти в историю как человек, противостоявший самому популярному религиозному деятелю всех времен и народов? Люди ждут от меня быстрых и решительных действий против фанатиков и еретиков. Но ты же сам считаешь Карпати божеством.

— Да, считаю.

— Достойным поклонения.

— Да, первосвященник.

— Но почему тогда этот богочеловек не может ничего сделать с двумя проповедниками? Они же выставили его на посмешище.

— Но он договорился с ними и...

— И проиграл. Он объявил, что должен выполнить свою часть сделки, и отказался преследовать верующих, если эти так называемые Свидетели позволят израильтянам пить воду вместо крови! Ну что ж, может, они и пьют чистую воду, но зато задыхаются насмерть! Ну и кто кого одурачил, Леон?

Нет ответа.

— Ты не можешь сказать это вслух, да, Леон? Ты не можешь признать, что твой богopodobный босс не способен принять правильное решение. Ты бы сам не потерпел такой наглости от твоих подданных. Потому что, кем бы ни были эти два старикашки, откуда бы они ни были и какими волшебными силами они ни обладали, они не могут стоять над законом. Они подчиняются законодательству Мирового Сообщества, и если бы потентатом был Леон Фортунато, проблема давно уже была бы решена. Разве я не прав? А, Леон? Ты бы сделал то же, что и я, правда ведь? Ты бы уничтожил этих двоих.

Нет ответа.

— И как только я это сделаю, Леон, тебе же самому захочется оказаться поближе ко мне, ты слышишь? Так что держись поближе. Если я сейчас любим и почитаем, представь, что будут чувствовать мои подданные, когда

я избавлю их от этих чудовищ, насылающих на них бедствия. Согласись, Леон, ведь Николае просто тянет время? Разве нет? Он ждет, пока они сами уйдут. Вот его храбрость. Его дипломатия! Он просто ничего не может сделать! Скажи хоть что-нибудь в его защиту, Леон. Ты не можешь? Не можешь!

— Мне пора идти, первосвященник, но я должен сказать, что, когда я слышу такие решительные речи, мне хочется вернуться во времена такого же решительного руководства.

— Среди региональных потентатов есть те, кто согласился бы с тобой, Леон, — сказал Мэтьюз.

— Если позволите быть откровенным, первосвященник, надо быть глухим и слепым, чтобы не замечать, как потентаты почитают вас.

— Я тоже не могу не замечать их уважительного отношения, Леон. Рад знать, что ты это видишь. Мне хотелось бы верить, что они готовы признать мою власть не только в религиозной сфере.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Новые компьютеры наконец установили, и измотанные сотрудники отдела под руководством Давида Хассида принялись за работу. Блестящие молодые умы, вооруженные новейшими компьютерными технологиями, должны были отыскать место, откуда выкладывают информацию в Сеть Цион Бен-Иегуда и Кэмерон Уильямс. Первый из них стал самым знаменитым человеком в мире, если не считать самого Карпати. Он вселял надежду в души людей, проповедовал, учил, рассказывал о Библии.

Бизон же выпускал еженедельный сетевой журнал под названием «Истина». У него тоже имелся широкий круг читателей, которые помнили его еще популярным журналистом журнала «Глобал уикли». Он стал издателем, когда все периодические издания, и печатные, и электронные, перешли под ру-

ководство Карпати и его журнал был переименован в «Глобал комьюнити уикли». Как только люди узнали об истинных взглядах Бизона и его вере в Христа, он превратился в изгнанника. Ему пришлось скрываться под чужим именем вместе с Хэтти Дюрхем, бывшей любовницей Карпати, и Ционом Бен-Иегудой.

Бизон советовал своим читателям: «Не надо выбрасывать журнал «Глобал комьюнити уикли», этот наиярчайший образец продажной прессы. Лучше зайдите на сайт «Истины» накануне следующего выпуска и узнайте о действительных фактах, скрывающихся за пропагандой, которую навязывает нам правительство».

Давиду Хассиду нравилось, как реагируют во дворце на еженедельные выпуски бизоновского журнала. «Истина» и в самом деле была истиной, и это знали все. Давид написал программу, которая позволяла ему следить за работой каждого компьютера в огромном здании. Статистика показывала, что девяносто процентов сотрудников Мирового Сообщества еженедельно заходили на сайт Бизона — выше его по популярности были лишь порносайты и статьи о паранормальных явлениях.

С помощью огромных спутниковых тарелок и ультракоротковолновых технологий теоретически можно было отследить любую передачу данных до ее источника. Чтобы помешать этому, нужно было или постоянно переезжать с места на место, или поставить

специальные защитные экраны, затрудняющие обнаружение. Давид помог разработать для американской части Отряда Скорби особый протокол передачи данных, а кроме того, ввел в компьютеры своего отдела собственноручно написанный вирус.

Его действие было основано на чистой математике. Модуль вычисления координат определял углы и расстояния между различными пунктами. Если бы такие вычисления проводились вручную, на них потребовались бы часы. На калькуляторе все это делалось гораздо быстрее. А компьютер выдавал результат почти моментально. Давид ввел в формулу расчета так называемый «плавающий коэффициент». Говоря по-простому, когда компьютер выполнял вычисления, на третьем, четвертом или пятом этапе две случайные цифры в числе, стоящие по соседству, менялись местами. Даже сам Давид не знал, на каком этапе это должно было произойти, и уж тем более не знал, какие из цифр изменились. При повторных вычислениях вносилась та же самая ошибка, так что проверка на внутреннюю сходимость ничего не давала.

Если у кого-то из сотрудников возникали подозрения и он пытался проверить работу компьютера, обработав эталонные данные, вирус временно отключался и компьютер выдавал правильный результат. Но как только инженер приходил к выводу, что ошибки были вызваны человеческим фактором или временной неполадкой, и продолжал рабо-

чие вычисления, компьютер снова начинал жить своей жизнью, и ошибки в расчетах обнаруживались лишь через много часов или даже дней.

Давид считал, что к тому времени, когда станет известно об ошибках в работе программы, проект уже сочтут бесперспективным и его проще будет свернуть. А тем временем компьютеры, с которых выкладывались в Сеть послания Циона и новые выпуски «Истины», случайным образом меняли свои сигналы, каждую секунду выбирая новый маршрут из девяти триллионов возможных.

А пока инженеры из отдела Давида пытались найти месторасположение базы Уильямса, они помимо основной работы читали его сетевой журнал. Всем было ясно, что Уильямс получает информацию напрямую из дворца, но от кого именно, никто не знал. Давиду было известно, что Бизона снабжают сведениями десятки людей, в том числе сам Давид, но он всегда умудрялся подавать информацию таким образом, чтобы не навлечь подозрения на своих осведомителей.

В последнем выпуске «Глобал комьюнити уикли» была статья о неудавшемся покушении на Карпати, которое организовал региональный потентат Рехобот. Авторы пытались создать у читателей впечатление абсолютной искренности, описывая шок, вызванный этим покушением у сторонников Карпати. Основная статья номера начиналась со слов: «Честные и прямые люди, на-

деленные сильным характером, разрешают свои разногласия с помощью дипломатии».

Примером такого «честного человека» был назван Мвангати Нгумо из Ботсваны, который более трех лет назад настоял на том, чтобы Николае Карпати занял его место на посту Генерального Секретаря ООН. Этот самоотверженный и прозорливый поступок привел к созданию великого Мирового Сообщества и разделению земли на десять равных регионов, управляемых региональными потентатами.

Его святейшество попросил верховного главнокомандующего Леона Фортунато посетить глубокоуважаемого мистера Нгумо и попытаться убедить его позволить потентату принять участие в восстановлении Ботсваны. Нгумо, великий африканский политик, настаивал на том, чтобы в первую очередь помощь была оказана более бедным странам. Мистер Нгумо любезно разрешил провести встречу в Йоханнесбурге, а не в Габороне, потому что аэропорт ботсванийской столицы не мог принять огромный лайнер Мирового Сообщества.

Когда потентат Соединенных Штатов Африки Рехобот узнал о назначенной встрече, он выразил желание принять в ней участие. Но глава Мирового Сообщества вежливо отклонил его просьбу, поскольку запланированная беседа носила скорее личный, чем политический характер. Потентату Рехоботу было обещано, что его святейшество проведет с ним отдельную встречу.

Вероятно, потентат Рехобот в результате недопонимания пришел к выводу, что потентат Карпати лично будет присутствовать на встрече с мистером Нгумо. В то время как руководители Мирового Сообщества даже не подозревали о зависти и злобе Рехобота, региональный потентат, очевидно, пришел в ярость оттого, что его не допустили на встречу. Он нанял убийц, чтобы те разделались с Нгумо и его помощниками, заняли их место в делегации и поднялись на борт «Кондора-216», чтобы убить его святейшество.

Хотя наемникам удалось поджечь самолет и убить четырех человек из обслуживающего персонала, героические действия обоих пилотов, капитана Монтгомери (Мака) МакКаллама и мистера Абдуллы Смита, помогли сохранить жизнь верховному главнокомандующему. В результате немедленного вмешательства миротворческих сил Мирового Сообщества наемные убийцы были уничтожены. К статье прилагались фотографии с пышного торжества в честь раненых пилотов. Через шесть дней «Истина» разнесла эту статью в пух и прах. В своей остроумной манере Бизон перечислил реальные факты.

Вот что правительство Мирового Сообщества скрывает от своих граждан: отношения между Карпати и Нгумо испортились давным-давно. Нгумо вовсе не так великодушен, как нас пытаются убедить. Он ушел с поста главы ООН в результате жесточайшего давления, веря, что взамен его сделают одним из десяти региональных потентатов и

что в награду Ботсвана получит открытую в Израиле аграрную формулу, которую Карпати использовал, чтобы торговаться со многими другими странами.

Если раньше у себя на родине Нгумо пользовался всеобщей любовью и уважением, то впоследствии он превратился в отверженно-го, потому что Мировое Сообщество ничего не делало для Ботсваны. Формулу им так и не передали. Помогать в восстановлении хозяйства после землетрясения никто не стал. А статус регионального potentata пожаловали не Нгумо, а его главному конкуренту, диктатору Рехоботу, который разграбил родной Судан и сделал своих многочисленных жен и наследников мультимиллионерами. Его так ненавидели в Судане, что ему пришлось разместить свой роскошный дворец не в Хартуме, а в Йоханнесбурге, дальше которого от центра Африки разве что Кейптаун.

В правительстве Мирового Сообщества знали о давнишнем соперничестве между Нгумо и Рехоботом и специально организовали встречу на личном самолете potentata, чтобы провести ее на территории Рехобота. Рехобот предположил, что Карпати находится на борту, потому что сам Нгумо был в этом уверен. Рехобот купился на эту уловку, предназначенную для того, чтобы нанести Нгумо очередное оскорбление. Он и сам был приглашен на встречу в качестве еще одного оскорбительного сюрприза для Нгумо.

Пилоты, которым удалось спастись, скорее отличились своим везением, чем героизмом.

Миротворческие силы потентата были так увлечены расправой с Рехоботом, что не среагировали вовремя, когда лайнер уже загорелся. Наемники не были убиты. Один из них сбежал, а двое других погибли от дыма, огня и серы, как и многие другие жертвы этого недавнего бедствия.

Во время покушения на Карпати Рехобот оставался в своем дворце. Только когда его план сорвался и сам он был убит, миротворческие силы занялись зачисткой территории. Вся семья Рехобота была убита не огнем и дымом, как заявило правительство Мирового Сообщества, а в результате жестокой расправы. На сегодняшний день в результате бедствия умерло около десяти процентов населения Земли. Возможно ли, чтобы все до единого обитатели огромного дворца погибли от этой напасти одновременно?

В сетевом журнале Бизона комментировались все просчеты режима Карпати, его «попытки делать хорошую мину перед лицом международной трагедии и уверенность в том, что вы мечтаете смотреть парады в честь потентата, когда по миру шествует смерть».

Давиду нравилось подключаться к кабинетам Карпати и Фортунато сразу после выхода журнала.

— Когда мы, наконец, их обнаружим? — спросил Карпати у Леона тем же утром.

— Над этим работает целый отдел, сэр.

— Сколько человек?

— По штатному расписанию вроде бы семьдесят, но из-за потерь в личном составе, думаю, человек шестьдесят.

— Но это же куча народу?

— Думаю, да, сэр.

— Ну и откуда он берет всю эту информацию? Такое впечатление, будто он разбил лагерь прямо под нашей дверью.

— Вы сами когда-то назвали его лучшим журналистом в мире.

— Профессиональные навыки и умение писать тут ни при чем, Леон! Я мог бы обвинить его в клевете, но мы оба знаем, что это не клевета.

В тот же день Давид получил от Леона распоряжение заменить на самолете испорченные металлодетекторы, «прежде чем его святейшество снова появится на людях». Давида это навело на мысль. Возможно, он сумеет поспособствовать гибели Карпати, если позаботится, чтобы в нужный момент металлодетекторы не сработали? Раз уж ему удалось нарушить работу компьютеров, неужели с металлодетекторами не получится?

Он написал в ответ: «Уважаемый верховный главнокомандующий, новые металлодетекторы будут доставлены, включены и установлены на «Фениксе-216» в течение десяти дней. А тем временем бригада техников тщательно проверит каждую деталь самолета на предмет соответствия высочайшим стандартам. Я лично проверю результаты их работы, подключив к проверке членов экипажа».

Давид и Энни вместе с Маком и Абдуллой, еще не полностью оправившимися от ран, все свободное время размещали в «Фениксе-216» подслушивающие устрой-

ства по такой сложной схеме, что качество звука в наушниках первого и второго пилотов было почти идеальным.

Покончив с этой работой, Давид пригласил своих лучших профессионалов проверить, нет ли на самолете жучков. Команда из четырех экспертов в течение шести часов прочесывала весь лайнер и пришла к выводу, что он чист.

* * *

Смешно было смотреть, как Бо Хансон размахивает руками, стоя за воротами аэропорта Палуоки.

— Ну что за идиот, — заметил Рэйфорд.

Ти, все еще сидящий за столом, спросил:

— А что он делает?

— Голосовать пытается. У него кончился бензин. — Рэйфорд повернулся и взял телефон. — Нужно объяснить Дуэйнну Таттлу, как сюда добраться.

Ти начал подниматься из-за стола.

— Не вставай. Я быстро.

— Мне кое-что необходимо сделать, — ответил Ти. — Когда мы сможем поговорить?

Рэйфорд посмотрел на часы, одновременно набирая номер Таттлов.

— Через пару минут.

Трубку сняла миссис Таттл, и пока Рэйфорд объяснял ей, кто он такой, и напоминал об электронных письмах Хлои, он снова вернулся к окну. Труді позвала к телефону Ду-

эйна, и это было очень кстати. Потому что на несколько секунд Рэйфорд утратил дар речи. Ти подъехал к машине Бо и заливал ему в бак горючее из канистры. Они что, в сговоре? Неужели Ти его дурачил?

Но что-то подсказывало ему, что поступку Ти можно найти и другое объяснение. Саранча не кусала Ти. У него Божья метка на лбу. Он знаком с людьми из церкви, говорит правильные вещи и выглядит искренним. Но почему тогда он занял сторону врага? Помогает человеку, по вине которого Хэтти сумела сбежать?

— Мистер Стил! — окликнул его Дуэйн.

— Мистер Таттл! Или мне следует называть вас Дартом? Ну, вы даете, сэр!

Когда Ти вернулся в башню и медленно поднялся по лестнице, Рэйфорд уже успел договориться о полете во Францию. Повесив трубку, он вопросительно взглянул на Ти, и они сели за стол друг против друга. Лицо Ти было мрачным, наверное, таким же мрачным, как у самого Рэйфорда.

— Ты думаешь, я не заметил? — начал Рэйфорд.

— Что ты заметил?

— То, что ты сделал. Это «кое-что», которое тебе необходимо было сделать.

— Что именно?

Рэйфорд закатил глаза.

— Я видел тебя, Ти. Ты дал ему бензин.

Ти взглянул на него с недоуменным видом.

— Парню, который...

— Я знаю, кто такой Бо, Рэй. Но я начинаю задумываться о том, кто же такой ты.

— Я? Ну, я, по крайней мере...

Ти встал.

— Хочешь проверить мою метку? Тогда подойди и проверь.

Рэйфорд был в шоке. Как они могли дойти до такого? Они же были друзьями, братьями.

— Мне не нужно проверять твою метку, Ти. Я просто хочу понять, о чем ты думал, когда сделал это.

— Это я хотел поговорить с тобой, Рэй. Ты помнишь?

— Ага, и что?

— Я хотел понять, о чем ты думал, когда так обошелся с Бо.

— А что тут непонятного, Ти? Я выудил у него нужную мне информацию. Я ему не помогал и не содействовал ему.

— В отличие от меня.

— В отличие от тебя.

— Так ты называешь то, что я сделал?

— А как, по-твоему, это называется, Ти? Вы что, сговорились и что-то замышляете у меня за спиной?

Ти печально покачал головой.

— Ага, Рэй. Если я поделился с парнем бутербродом на пикнике, значит, я уже собираюсь предать своего брата по вере.

— Но ведь именно так оно и выглядит! А что еще я мог подумать?

Ти встал и подошел к окну. Рэйфорд понимал, что ничего не понимает.

— Ты мог бы подумать о том, Рэй, что Бо осталось жить не так уж много. Он погибнет и попадет в ад, как и его приятель Эрни. Конечно, он наш враг, но он не из тех врагов, с которыми нам приходится обращаться, как с грязью, чтобы они не догадались, кто мы такие. Он уже знает, кто мы такие, брат. Мы те ребята, которые поддерживают Бен-Иегуду и верят в Христа. Мы не покупаем и не продаем таких, как Бо, Рэйфорд. Мы не играем с ними, не лжем им, не подставляем их, не крадем у них и не шантажируем. Мы любим их. Мы молимся за них. Бо настолько глуп, что ты мог бы получить от него все, что тебе нужно, не подсовывая ему приманку, а потом убирая ее. Я не пытаюсь сказать, что мне известны все ответы, Рэй. Я не знаю, каким еще способом ты мог бы получить эту информацию, но то, что ты сделал, не имеет ничего общего с христианской любовью. Я бы предпочел, чтобы ты просто заплатил ему за эти сведения. Пусть он плохой парень, но ты был не лучше. Ну хорошо, я наговорил много лишнего. Можешь играть так, как тебе нравится, но больше не втягивай меня в свои игры.

* * *

Бизон уже ожидал увидеть Хаима Розенцвейга в инвалидном кресле, но старик почти не изменился с их последней встречи. Маленький, жилистый, может, и слегка постаревший, но с такими же растрепанными

белоснежными волосами. И с блаженной улыбкой. Он распахнул свои объятия.

— Кэмерон! Кэмерон, друг мой! Как ты? Как я рад тебя видеть! Вот это радость для моих старых усталых глаз! Что привело тебя в Израиль?

— Вы и привели, — ответил Бизон, когда Хаим за руку повел его в гостиную. — Мы все о вас беспокоимся.

— Ах! — отмахнулся Хаим. — Цион беспокоится лишь о том, что не успеет обратиться ко мне, прежде чем лошади меня затопчут.

— А он не зря беспокоится? Может, я привезу назад новость о вашем обращении?

— Кто знает, Кэмерон? Но тебе ведь не нужно спрашивать, правда ведь? Раз уж вы можете видеть лошадей, то должны видеть и метки друг у друга. Так что скажи мне. Моя метка видна?

Он так произнес эту фразу, что сердце Бизона екнуло, и он наклонился вперед, но не увидел ничего.

— Да, мы можем видеть метки друг у друга, — сказал он.

— И могущественных всадников на лошадях с львиными мордами.

— А вы не верите в это.

— Ты бы поверил на моем месте, Кэмерон?

— Знаете, доктор Розенцвейг, а я ведь был на вашем месте. Разве вы не понимаете? Я был журналистом, прагматиком, скептиком. Меня бы никто ни в чем не смог убедить, если бы я сам не убедился.

Глаза Хаима вспыхнули, и Бизон вспомнил, как этот человек любить спорить.

— Ты хочешь сказать, что я просто не хочу убеждаться?

— Возможно.

— Но какой в этом смысл? Почему бы мне не захотеть? Я хочу, чтобы все это было правдой! Такой шикарный сценарий! Объяснение всему этому безумию, свет в конце тоннеля. Ах, Кэмерон, я ближе к обращению, чем ты думаешь.

— То же самое вы говорили мне и в прошлый раз. Я боюсь, что такими темпами мы этого уже не дождемся.

— Ты же знаешь, все мои домашние — верующие. Иаков, его жена, ее мать, Стефан. И Иона тоже, но мы его потеряли. Ты слышал?

Бизон кивнул:

— Да, это очень грустно.

Неожиданно Хаим стал серьезным.

— Видишь ли, Кэмерон, есть вещи, которые я не могу понять. Если Бог такой, как ты говоришь, если Он любит своих детей и Он всемогущ, то неужели нет другого пути? Зачем все эти кары, бедствия, разрушения, смерти? Цион говорит, что у нас был шанс, но мы его потеряли. И что, мистера Хорошего Парня больше нет? Я не вижу за всей этой жестокостью ту любовь, которую хотел бы увидеть.

Бизон подался вперед.

— А еще Цион говорит, что даже в этих семи годах бедствий больше Божьей любви,

чем мы заслуживаем. Раньше мы не верили, потому что не видели ее. Теперь сомнений не осталось. У нас есть все свидетельства, и все равно люди продолжают сопротивляться.

Хаим умолк, а затем хлопнул ладонями по коленкам.

— Ну что ж, — сказал он, — не беспокойся обо мне. Я уже очень стар. Я испуган, я привязан к дому. Мне просто не хватает смелости выйти наружу. Карпати, в которого я верил, как в родного сына, оказался мошенником.

Бизон хотел задать еще один вопрос, но не осмелился. Какое бы решение ни принял Розенцвейг, оно должно быть его собственным, а не навязанным со стороны.

— Я занимаюсь исследованиями. Я молюсь о том, чтобы Цион ошибся, чтобы все эти кары и бедствия не стали еще хуже. И я работаю.

— Над чем?

— Над своими проектами.

— Научными?

— Не только.

— Тогда какими?

— Какой же ты все-таки журналист! Ну хорошо, я скажу. Мои слуги считают меня сумасшедшим. Может, я и в самом деле чокнулся. У меня есть кресло на колесиках. Хочешь взглянуть?

— Вам приходится ездить в инвалидном кресле?

— Пока еще нет, но когда-то ведь придется. Укус саранчи меня сильно ослабил.

Я сделал анализ крови и другие исследования, и результаты показывают высокий риск инсульта.

— Вы здоровы, как ло... как мул.

Розенцвейг рассмеялся:

— Отлично сказано. Сейчас уже никто не хочет быть здоровым, как лошадь. А я бы хотел. Мне грозит опасность, и я хочу подготовиться.

— Это смахивает на капитуляцию, доктор. Нужно просто соблюдать диету, делать упражнения... дышать свежим воздухом.

— Я так и знал, что ты это скажешь. Но я хочу подготовиться.

— А как еще вы готовитесь?

— Что?

— Над чем вы работаете? В мастерской?

— Кто тебе рассказал?

— Они сами ничего не знают. Иаков просто упомянул, что вы проводите там много времени.

— Да.

— И что? Что вы делаете?

— Работаю над своими проектами.

— Вот уж не думал, что вы такой умелец.

— Ты многого не знаешь обо мне, Кэмерон.

— Могу я считать вас своим другом, сэр?

— Я хотел бы, чтобы ты считал меня другом. Но разве к друзьям обращаются на «вы»?

— Мне трудно называть вас Хаимом и обращаться на «ты».

— Называй меня, как хочешь, но я отношусь к тебе как к другу и был бы счастлив, если б ты относился ко мне точно так же.

— Тогда я хочу больше узнать о вас. Как я могу считать себя вашим другом, когда так мало о вас знаю?

Хаим отдернул штору и выглянул на улицу.

— Сегодня дыма нет. Но он может вернуться. Цион пишет, что всадники не исчезнут, пока не погибнет третья часть человечества. Ты представляешь себе такой мир, Кэмерон?

— В живых останется лишь половина из тех, кто уцелел после исчезновений.

— На самом деле мы наблюдаем закат цивилизации. Может, это и не то, во что верит Цион, но все равно впечатляет.

Бизон промолчал. Хаим пропускал его намеки мимо ушей, но, может, если на него не давить...

* * *

Рэйфорд низко опустил голову.

— Ти, — произнес он хриплым и тихим голосом, — я не знаю, что и сказать.

— Зато ты знал, что сказать Бо. Ты играл с ним, как...

Рэйфорд вскинул руку:

— Пожалуйста, Ти. Ты прав. Не знаю, о чем я думал.

— А похоже, тебе это нравилось.

Рэйфорду хотелось провалиться сквозь землю.

— Боже правый, мне и в самом деле это нравилось. Что со мной творится? Как будто

с ума схожу. Я и дома летаю с катушек. Лия, новенькая, я рассказывал тебе о ней, она пробуждает во мне все плохое... Впрочем, нет, она не виновата. Я безобразно с ней общался. Я сам себя не понимаю.

— Если бы тебе удалось себя понять, это было бы невероятно круто. Но не надо быть слишком суровым к себе. Ты же в таком стрессе живешь.

— Мы все так живем, Ти. Даже Бо. Ты знаешь, я всегда считал Бо мерзавцем.

— Он и есть мерзавец, Рэй. Но еще он...

— Знаю. Об этом я и толкую. Когда я встретил его впервые, он насмеялся над верующими, и с тех пор у меня на него зуб. Я хотел поставить его на место и обрадовался возможности это сделать. Очень похристиански, да?

Ти промолчал. Рэйфорд попал в точку.

— И что мне теперь делать, догнать его и попытаться загладить вину?

Ти покачал головой и пожал плечами.

— Слушай. Я думаю, будет лучше, если ты просто исчезнешь из его жизни. Иначе он заподозрит тебя бог знает в чем.

— Но я могу извиниться.

— Какой смысл извиняться, если ты не собираешься возвращать ему деньги за информацию, которую он тебе продал.

— Так что, он теперь хороший, а я плохой?

— Я не называл Бо хорошим, Рэй. А по поводу того, что ты плохой, это ты сказал, а не я.

Рэйфорд долго сидел, сторбившись, а Ти тем временем возился с бумагами.

— Ты хороший друг, — сказал наконец Рэйфорд. — Потому что ты честен со мной. Многим другим было бы все равно.

Ти обошел вокруг стола и присел на столешницу.

— Мне хотелось бы верить, что ты сделал бы для меня то же самое.

— Тебе это не нужно.

— С чего ты взял? Я не думал, что и тебе это когда-нибудь понадобится.

— Как бы то ни было, спасибо.

Ти хлопнул его по плечу.

— Так что там с Таттлами? Собираешься лететь на «суперджете»?

— Думаешь, я с ним справлюсь?

— Так ты на чем только не летал. Я слышал, ты умеешь управлять «гольфстримом», а это то же самое, только быстрее и больше. Все равно что с «порше» пересесть на «шевроле».

— Я вожу машину как подросток.

— Но тебе же хочется!

* * *

Когда следующим вечером Давид получил электронное сообщение от Циона Бен-Иегуды, он не на шутку встревожился. Цион начал с того, что выразил надежду встретиться с Давидом до того, как наступит Второе пришествие, а затем перешел к делу.

«Я не понимаю, как Вам удается творить для нас все эти технические чудеса. Обычно я стараюсь держаться подальше от политики и даже вопросов не задаю. Мое призвание состоит в том, чтобы изучать Писание, и я стараюсь не отвлекаться. Когда в университете я увлекся ботаникой, доктор Розенцвейг, о котором Вы наверняка слышаны, дал мне очень хороший совет. Я специализировался на истории, литературе и языках; естественные науки никогда не были моей сферой. Путем долгих усилий мне удалось попасть к нему в ученики. И он сказал мне: «Главное в том, чтобы главное оставалось главным». Другими словами, нужно уметь сосредоточиться!

Поэтому я был сосредоточен на своей работе и позволил капитану Стиллу и его дочери заниматься кооперативом, Бизону Уильямсу выпускать свой журнал и так далее. Но, мистер Хассид, у нас возникла проблема. Капитан Стилл отправился разыскивать Хэтти Дюрхем (я знаю, что Вы в курсе этой истории), а я даже не спросил его о том, может ли ее местопребывание быть известным потентату.

Никто не верит, что она разбилась на самолете. То, что Мировое Сообщество распространило новость о фальшивой авиакатастрофе, означает лишь, что эти слухи каким-то образом были им выгодны. И конечно, я боюсь, что теперь они смогут беспрепятственно выследить ее

и убить, поскольку для широкой общественности она уже мертва. Притворяться мертвой она могла только с одной целью — каким-то образом скомпрометировать или даже убить Карпати.

Я веду вот к чему: у меня сложилось впечатление, что Вам ни разу не попадалась информация о том, что Карпати может знать, где она. Я не могу избавиться от мысли, что Рэйфорду нужно было проявить благоразумие и не ехать за Хэтти до тех пор, пока он не удостоверится, что поиски не заведут его в ловушку.

Может быть, я просто параноик, которому не следует лезть не в свое дело, но если Вам известна история моей семьи, Вы должны знать, с каким злом и с какой жестокостью мне пришлось столкнуться. Я прошу Вас, мистер Хассид, выяснить, есть ли хоть какая-то информация, которую необходимо знать капитану Стилу, чтобы избежать опасности. Пожалуйста, сообщите о том, что Вы прочитали это письмо, а если Вы сможете чем-то помочь, я буду безмерно Вам благодарен.

Во имя Христа,

Цион Бен-Иегуда».

Давид торопливо набил ответ:

«Вряд ли это что-то даст (я отслеживаю компьютерную переписку, телефонные и личные переговоры до самого верха, и ни разу не встречал упоминаний о Хэтти), но я немедленно этим займусь. Я буду пере-

давать на защищенный телефон капитана Стила всю найденную информацию, и я полностью разделяю Ваше беспокойство. Позже я напишу Вам еще, а сейчас не хочу терять ни минуты».

Давид выключил свой ноутбук, вытащил из него жесткий диск, вставил его в центральный компьютер дворца и расшифровал все закодированные файлы. Он включил поиск по кодовым фразам: «Хэтти», «Дюрхем», «Х.Д.», «личный помощник», «любовница», «беременность», «ребенок», «беглянка», «авиакатастрофа» и всем другим, какие пришли в голову. Естественно, все, что обсуждалось в административных кабинетах на протяжении многих недель, было сохранено на этом чудовищном мини-диске, но помечены записи были лишь датой и местом. И физически невозможно было прослушать все, что говорили Фортунато и Карпати после мнимой гибели Хэтти.

Он вызвал к себе Энни. Потом закрыл жалюзи и запер дверь, чтобы сотрудники, работавшие в ночную смену, не могли видеть, как он рассказывает по кабинету, вцепившись себе в волосы.

— Что мне делать, Энни? Цион прав. Рэйфорд совершает чудовищную ошибку. Ты же знаешь, что агенты Мирового Сообщества должны были или арестовать Хэтти, или убить. Они наверняка наблюдают за местом, где она может скрываться. И кто бы к ней ни явился, он, скорее

всего, наткнется не на нее, а на засаду. Она — наживка. Рэйфорд должен был это понять.

— Надо подумать, — сказала она.

— Помоги мне, — ответил он.

— Хотела бы я помочь, Давид, но я согласна, что ты ищешь иголку в стоге...

— О чем только думают эти американцы? Что Мировое Сообщество купится на эту сказочку о крушении самолета? Конечно, они обо всем догадались! Я понятия не имел, что Рэйфорд все-таки отправится на ее поиски, пока он не вылетел к ней. Почему он не обратился ко мне, чтобы попробовать обнаружить, что же на самом деле известно разведке Мирового Сообщества?

Энни покачала головой.

— Давид, ты уверен, что тебе ничего не грозит?

— Прости, что?

— Ты отслеживаешь все, что происходит в их компьютерах, кабинетах, самолете. И никто еще тебя не заподозрил?

Он кивнул.

— То, что компьютеры подтормаживают, могло бы вызвать подозрения, но, мне кажется, Леон ничего не заметил. У меня такое чувство, что он мне полностью доверяет. Конечно, слишком много железа приходится ковать, и не обжечься не получится, но пока что у меня все схвачено.

— Вот тебе и ответ, супермен.

— Давай без обиняков. Рэйфорд уже в воздухе.

— Спроси у них сам.

— Что?!

— Пойди к Леону и скажи, что это, конечно, не твое дело, но то сообщение об авиакатастрофе никак не выйдет у тебя из головы, скажи, что ты всегда восхищался его прозорливостью, умом и практической сметкой... ну, ты знаешь, как к нему подлизаться. Предположи, что, возможно, эта катастрофа сфальсифицирована и что ты хочешь, чтобы он это проверил.

— Энни, ты гений!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Ну так ты хочешь посмотреть, над чем я работаю, Кэмерон? — спросил Хаим Розенцвейг. — Это сделает тебя счастливее?

— Сделает.

— Только пообещай, что ты не будешь считать меня старым чокнутым чудаком, каким меня считают мои слуги.

Бизон пошел вслед за ним, размышляя о том, что, что бы ни думали о Хаиме его домашние, он видит и замечает все.

* * *

Таттлы оказались американцами, и их четыре взрослых сына исчезли во время Восхищения.

— Мы будем жалеть об этом всю жизнь, — сказал Дуэйн, когда «суперджет» пролетал

над Восточным побережьем США. — Старший уехал в колледж, там он и втянулся в религию. Мы решили, что ничего плохого в этом нет, но он же и на остальных пытался повлиять, и не успели мы опомниться, как младшенький тоже начал ходить в церковь. Мы подумали: ничего страшного, просто младший во всем берет со старшего пример, ну ты понимаешь, как это бывает. А потом глядь, и средних сыновей позвали на какое-то церковное мероприятие, и они бы, возможно, туда не пошли, если бы их братья к тому времени не были христианами. Потом их позвали играть в приходской баскетбольной команде, потом они в лагерь уехали на неделю, а домой вернулись уже спасенными. Как же я ненавидел это слово! А они все время его повторяли. «Я спасся, он спасся, она спаслась, и тебя нужно спасти». Я любил своих мальчишек больше всего на свете, но...

Дуэйн так резко замолчал, что Рэйфорд совершенно этого не ожидал после потока слов, выпаленных с пулеметной скоростью. Дальше здоровяк говорил тихим голосом, борясь с рыданиями. Труды потянулась к нему с заднего сиденья и положила руку ему на плечо.

— Я любил мальчиков, — продолжил он срывающимся голосом, — и вовсе не возражал, чтобы они ходили в церковь. Правда, не возражал. Ну скажи, Тру.

— Они любили тебя, Дуэйн, — подтвердила она. — И ты никогда их не обижал.

— Зато они меня обижали. Нет, они ничего плохого не делали, но были такими настырными. Я им говорил, что ничего не имею против, только пусть они меня с собой в церковь не тащат. Я этого в детстве нахлебался, и ничего хорошего мне это не принесло. Они сказали, что их церковь лучше. Я говорю: ну ладно, ходите сами, только от меня отцепитесь. А они сказали, что если мамина душа погибнет, то я буду виноват. Меня это так разозлило, но разве можно злиться на собственных детей, даже если они не правы, ведь они в самом деле беспокоились о наших душах?

Рэйфорд покачал головой.

— И ты в церковь не пошел.

— Конечно, не пошел. А они так меня доставали. Упрямые, все в меня. Но меня тоже фиг переупрямишь. Я никогда не поддамся. А Тру почти поддалась, правда, милая?

— Лучше бы поддалась.

— Я тоже, зая. Мы не сидели бы сейчас с мистером Силом, а встретились бы разве что в раю, но когда тут такое творится, я предпочел бы быть там, а не здесь. Ты тоже, кэп?

— Я тоже, Дуэйн.

— Дальше сам понимаешь, чего было. Мы и один раз в церковь сходить не успели, как случилось то, о чем они нам говорили. Они исчезли. Мы остались. Ну и куда, как ты думаешь, мы пошли первым делом?

— В церковь.

— Вот именно, в церковь! И куда упрямство делось? Теперь спасение не казалось

нам таким уж глупым делом. В городке почти никого не осталось, но нам и нужен был всего один человек, который бы знал, как спастись. Мистер Стил, я же актер. Ну, то есть я демонстрировал и продавал авиатехнику, но всегда играл на сцене, еще с колледжа. Умел подражать голосам.

— Мак мне сказал про австралийский акцент.

— Ну да, что-то вроде этого. Ему понравилось, правда?

— Не знаю, насколько хорошо он себя чувствовал, чтобы оценить, но он считает, что Фортунато купился.

— Дурня легко обмануть, Рэйф. Ты же не возражаешь, если я будут тебя так называть? Я люблю короткие имена, чтобы можно было больше слов впихнуть в разговор. Шучу, конечно, но ты же не против, правда?

— Меня первая жена так называла. Она тоже пропала во время Восхищения.

— Так, может, тебе это не...

— Нет, все в порядке.

— Короче, Рэйф, я общительный парень... ты, наверное, это заметил. Продавцу и нужно быть таким. Но я всегда помню, что я актер. Люди считают меня откровенным и самоуверенным, и им это нравится. Если только они не слишком заумные. А над заумными я начинаю насмехаться, и они на стенку лезут от моих подколов. И вот я весь из себя дружелюбный, уверенный, общительный...

— Громкий, лапа, — подсказала ему Труд.

Дуэйн расхохотался, словно это была лучшая шутка, которую он слышал в жизни.

— Верно, Тру, я громкий парень. Но признай, что люди ко мне тянутся. Но да, я никогда не был религиозным парнем. А теперь вдруг стал. Я спасен. Кто не успел, тот опоздал, как говорится, но я так понял, что даже если я пришел на день позже, это все равно считается. Мы будем страдать и никогда не перестанем жалеть о том, что не спаслись раньше... да, это так, и не спорь... но мы же спаслись! Так что я, конечно, общи...

— Громкий.

— ...громкий парень, но теперь уже с царем в голове. И с Его помощью я убеждаю людей. Даже наш пастор говорит, что я скорее забалтываю их, чем склоняю... это его слова, не мои... склоняю их прийти к Христу. Я научился этому, когда торговал, но сейчас все иначе. Тут же никакой речи не идет об объеме продаж, или о моих бонусах, или о том, сможете ли вы обойтись без вот этого красивого новенького самолета. Люди должны понимать, брат, что на кону не прибыль. На кону твоя бессмертная душа. И вот к чему я веду. Мне всегда хотелось знать, что же я буду делать, если вдруг повстречаюсь с самим Антихристом. И вот что я скажу, я уверен: он или меня прикончит, или тоже спасется, одно из двух. Ты понял? И знаешь, меня очень обрадовало, что я не растерял свою, как ее?.. браверидо...

— Браваду, — подсказала Труди.

— Вот именно. Я не растерял ее, когда столкнулся нос к носу с этим вторым чуваком в мире. Не стану отрицать, сердечко

у меня колотилось, но, эй, я же все равно когда-нибудь помру! Конечно, мне хотелось бы быть здесь, когда Иисус вернется, но и раньше свалить тоже неплохо. В тот день, когда я спасся, я решил, что никогда больше не сделаю ничего такого, чего следовало бы стыдиться. Для таких дел времени уже не осталось. Я снова увижу моих мальчиков и...

И так же внезапно, как раньше, Дуэйн замолчал. Но теперь он уже не смог продолжать. Труды положила ладонь на его вздрагивающее плечо, а Рэйфорд, перехватив его смущенный взгляд, взялся за рычаги управления и направил «Суперджет» дальше на восток.

* * *

— Это еще что такое? — удивился Бизон, глядя на блестящую полосу металла.

Хаим семенящей походкой направился к двери и запер ее, и Бизон вдруг понял: он сейчас увидит то, что Розенцвейг до сих пор не показывал никому.

— Можешь назвать это увлечением, которое переросло в страсть. Оно и близко не связано с моей основной специальностью, и не спрашивай, что заставило меня заняться этим. Но я пытаюсь сделать острейшее лезвие, какое только можно создать человеческими руками. Я знаю, что автоматы с их микрометрами, компьютерами, лазерами и прочим способны на большее. Но мне это

неинтересно. Мне интересно, чего смогу добиться я сам. Сейчас я уже обладаю такими навыками, что мое зрение за ними не поспевает. С помощью обычных тисков я затачиваю такие острые лезвия, что их не видно невооруженным глазом. Мне даже очков не хватает. Приходится смотреть на них при ярком свете через увеличительное стекло. Поверь, это гораздо более приятное зрелище, чем те твари, которых мы разглядывали под этой самой лупой полгода назад. Вот, смотри.

Он протянул Бизону увеличительное стекло и указал на блестящий клинок примерно трех футов длиной, установленный в двух зажимах.

— Но ни в коем случае, Кэмерон, не трогай лезвие. Я говорю совершенно серьезно. Ты отрежешь себе палец и даже прикосновения не успеешь почувствовать, не то что боли.

Бизон сквозь лупу посмотрел на клинок, и увиденное его потрясло. Режущая кромка показалась ему гораздо более тонкой, чем любое лезвие, которое он видел в жизни.

— Ух ты!

— А вот что самое интересное, Кэмерон. Отодвинься, пожалуйста. Это сверхтвердая углеродистая сталь. Лезвие кажется очень гибким из-за такой маленькой толщины, но на самом деле оно жесткое и твердое. Ты знаешь, как быстро тупятся обычные ножи? И чем острее лезвие, тем проще его затупить?

Бизон кивнул.

— Смотри сюда! — Розенцвейг вынул из кармана сушеный финик. — На черный день, — пояснил он. — Но этот весь в крошках. Я не хочу его мыть, и у меня есть еще. Поэтому он послужит учебным пособием. Смотри внимательно.

Он осторожно сжал финик большим и средним пальцами. А потом медленно и очень осторожно поднес его к лезвию, подставив снизу раскрытую ладонь. В руку упали две половинки финика.

— А теперь я еще кое-что покажу.

Розенцвейг обвел взглядом захлавленную мастерскую и нашел скомканную заскорузлую тряпку. Он поднял тряпку где-то на полметра над клинком и отпустил ее. Бизон удивленно моргнул, не веря собственным глазам. Тряпка распалась на две половинки бесшумно и без малейшего сопротивления.

— Ты бы видел, как он режет овощи! — сверкая глазами, воскликнул Розенцвейг.

— Это потрясающе, доктор! — восхитился Бизон. — Но зачем?

Старик покачал головой:

— Лучше не спрашивай. Не потому, что это какая-то страшная и темная тайна. Просто я и сам не знаю.

* * *

Давид не стал звонить Фортунато. Он сам пришел в приемную Леона этим же вечером.

— Мне нужно перебраться парой слов с главнокомандующим, — объяснил он Маргарет, которая уже собиралась уходить после затянувшегося рабочего дня.

— Давид Хассид? — рывкнул Леон в ин-терком. — Ну конечно! Впусти его.

Леон встал, приветствуя Давида.

— Ну расскажи, как твои поиски, — спросил он.

— К сожалению, пока ничего нового, — ответил Давид. — Похоже, те люди используют какую-то новейшую технологию, о которой мы даже не слышали. Мы по-прежнему в тупике.

— Присаживайся, — предложил Фортунато.

— Нет, спасибо, — отказался Давид. — Я на минуточку. Вы же знаете, я обычно стараюсь не беспокоить вас по...

— Ближе к делу, я внимательно слушаю!

— ...по вопросам, которые лежат вне моей компетентности.

Лицо Фортунато застыло.

— Естественно, мне приходится иметь дело с большим количеством конфиденциальной информации, и я не вправе обсуждать ее...

— У меня просто возникло предположение по одному делу, которое меня не касается.

— Продолжай.

— Я говорю о недавней гибели бывшей помощницы его превосходительства...

Фортунато прищурился:

— И?..

— Конечно, это такая трагедия...

— И?..

— Знаете, сэр, ведь все в курсе, что эта женщина, мисс Данст...

— Дюрхем. Хэтти Дюрхем. Продолжай.

— Что она забеременела, и ей это не нравилось.

— На самом деле, Хассид, она пыталась вымогать у нас деньги в обмен на молчание. Его святейшество чувствовал себя обязанным выплатить ей некоторую компенсацию за то время, которое они... э... провели вместе, и это была довольно круглая сумма. Возможно, мисс Дюрхем ошибочно предположила, что эти деньги были заплачены за молчание, но это не так. Видишь ли, у нее не было никакой информации, которая могла бы представлять угрозу для мировой безопасности или бросить тень на репутацию потентата. Поэтому, когда она потребовала больше денег, ей категорически отказали, и, конечно же, ей это не понравилось.

— Спасибо, сэр. Я знаю, что вы рассказали мне гораздо больше того, что я обязан знать, и можете быть уверены, что я сохраню это втайне. У меня был вопрос по поводу авиакатастрофы, но, наверное, теперь его не стоит и задавать, так что спасибо за потраченное время.

— Нет, нет. Я расскажу все, что ты хотел бы узнать.

— Мне, правда, неловко, потому что, как я уже говорил, это не моя компетенция... и

не мое дело. Наверное, мне не стоило поднимать эту тему.

— Давид, пожалуйста. Я хочу знать, что у тебя за сомнения.

— Ну хорошо. Я понимаю, что, когда у руля стоит человек с такими возможностями и такой проницательностью, как у вас, мне незачем беспокоиться о безопасности или общественном мнении...

— Об этом стоит беспокоиться всегда и всем.

— Мне просто показалось, что сообщение о ее гибели выглядит каким-то подозрительным. Возможно, я всего лишь начитался детективов, но не слишком ли гладко все складывается? Ведь обломки и тела так не нашли? Зато обнаружили ровно столько ее вещей, чтобы сделать вывод о ее гибели.

— Присядь, Давид. Я настаиваю. Ты правильно думаешь. На самом деле никакой авиакатастрофы и не было. Я отдал распоряжение начальнику разведуправления сразу же, как только узнал эту новость, и мисс Дюрхем, ее пилота и их самолет очень быстро удалось выследить. К несчастью, пилот открыл огонь, когда мы попытались задержать мисс Дюрхем, и погиб в перестрелке. Ты понимаешь, что из соображений безопасности и морали такие инциденты не освещаются в прессе.

— Да, конечно.

— Мисс Дюрхем сейчас под арестом.

— Арестом?

— Ее содержат в комфортабельном, но хорошо охраняемом заведении в Брюссе-

ле, и ей предъявлено обвинение в попытке сфальсифицировать свою смерть. Для Мирового Сообщества она никакой опасности не представляет, но мы рассчитываем, что ее друзья попытаются разыскать ее в том месте, где она пряталась. Ее отпустят, как только мы с ними разберемся.

— Ее друзья?

— Ей предоставили убежище бывшие сотрудники Мирового Сообщества и сторонники Бен-Иегуды, когда она нужна была здесь, в Новом Вавилоне. Они гораздо опаснее, чем она.

— То есть она стала приманкой, причем по собственной глупости.

— Вот именно.

— И эта ловушка была вашей идеей?

— Ну, мы же все действуем сообща, Давид.

— Но это вы придумали, да? Это так на вас похоже. Такая практическая смекалка.

Фортунато склонил голову набок.

— Мы собрали здесь лучших людей и не пытаемся выяснять, от кого исходила та или иная идея.

— Но про наживку придумали вы.

— Может, и я.

— Ну и как, сработало?

— Может сработать. О гибели пилота пока еще никто не знает. Мы передали весточку его брату и предположительно сообщнику, что он якобы залег на дно и не будет посылать писем еще несколько месяцев.

— Великолепно!

Фортуна кивнул, соглашаясь.

— Я не стану тратить ваше время, верховный главнокомандующий, и не буду больше беспокоиться из-за таких проблем, раз вы и ваши люди держите все под контролем.

— Ну что ты, не стесняйся приходить и спрашивать, если что-то будет тебе непонятно. Я не могу не доверять человеку такого уровня, как ты. Конечно, не у всех такой доступ к информации, как...

— Не надо, сэр, — сказал Давид, вставая. — Я даже выразить словами не могу, как ценю ваше ко мне отношение.

* * *

Во время большей части перелета через Атлантику самолетом управлял Рэйфорд, а Дуэйн болтал не затыкаясь. Впрочем, Рэйфорда его треп даже забавлял, хотя он не отказался бы от возможности переброситься парой слов с Труды. Когда пришло время передавать управление Дуэйну, Рэйфорд решил воспользоваться передышкой и позвонить Альби (это было прозвище, образованное от сокращения Аль Б., которое в свою очередь являлось сокращением от арабского названия Аль Басра).

Альби был главным авиадиспетчером в Басре, городе на южном берегу Тигра, вблизи Персидского залива. Он пользовался широкой известностью в узких кругах как лучший торговец с черного рынка. С Рэйфордом его

свел Мак, и именно Альби продал Рэйфорду водолазное снаряжение, чтобы вести поиски на дне Тигра.

Альби был убежденным мусульманином, он страстно ненавидел режим Карпати и был одним из тех немногих нехристиан, которые упорно противостояли Всемирной церкви Сокровенного Вавилона. Работа его была очень простой. Людям, которым он безоговорочно доверял, он мог продать все, что угодно. Но по двойной цене и с оплатой дополнительных расходов. А если тебя вдруг поймали с контрабандой, он тебя знать не знал и видеть не видел.

Дуэйн как раз очень неожиданно замолчал, а Труди дремала. Рэйфорд порылся в сумке и достал свой супертелефон — так его назвал Мак, потому что с этого технического шедевра можно было звонить куда угодно и откуда угодно.

Он уже успел набрать номер, когда Дуэйн заметил его телефон.

— Вот это телефончик! Ага! Да он же двоих стоит. Наверняка там у тебя такие мелодии и сигналы, что мне и слышать не приходилось...

Рэйфорд приложил палец к губам и сказал:

— Через минуту я дам тебе его посмотреть.

— Я уже секунды считаю, партнер. Конечно, посмотрю.

— Диспетчерская башня Басры, Альби слушает.

— Альби, это Рэйфорд Стил. Можешь говорить?

— Четыре мили к востоку. Что там у вас?

— Мне нужно встретиться и договориться о сделке.

— Подтверждаю. Прошу прощения за предыдущий отказ. Первый пилот?

— Мак поправляется. Ты наверняка уже слышал...

— Подтверждаю. Одну минутку. — Альби прикрыл трубку ладонью, и Рэйфорд услышал, как он что-то говорит на родном языке. А потом он продолжил: — А вот теперь я один, мистер Стил. Мне жаль, что такое случилось с вашей женой.

— Спасибо за поддержку.

— И я очень беспокоился о Маке. От него давненько не было новостей. Но он же теперь капитан, и ему больше не нужны мои услуги. Что я могу для вас сделать?

— Мне нужно оружие, мощное, но такое, чтобы его легко было спрятать.

— Другими словами, вы хотите использовать его по назначению.

— Ты прямо мысли мои читаешь, Альби.

— Это сложно. Потентат у нас пацифист...

— И это значит, что ты остался единственным надежным источником.

— Очень сложно.

— Но возможно ведь, правда?

— Очень сложно, — повторил Альби.

— Другими словами, дорого?

— А вот теперь вы мои мысли читаете.

— Если деньги не проблема, что ты можешь мне предложить?

— В каком смысле «легко спрятать»? Пронести через металлодетектор?

— А это возможно?

— Пистолет из дерева и пластика. Может сделать два точных выстрела и еще три, а потом развалится. Дальнобойность, конечно же, ограничена. С двадцати футов он уже никого не убьет.

— Мне нужно стрелять с тридцати футов. И хватит одного выстрела.

— Мистер Стил, у меня есть такое оружие. Размером примерно с вашу ладонь. Тяжелое, но зато меткое. Тяжелое из-за ударно-спускового механизма, такого же как в мощных винтовках.

— Принцип действия?

— Уникальный. Используется и впрыск топлива, и гидравлический вакуум.

— Прямо как в каком-нибудь двигателе. Никогда ни о чем подобном не слышал.

— А кто слышал? Из него пуля вылетает со скоростью две тысячи миль в час.

— Пули?

— 48-й калибр, высокоскоростные, с мягким наконечником и неполной оболочкой.

— В пистолете?

— Мистер Стил, одно только движение воздуха, вызванное вращением пули, разрывает ткани человеческого тела с расстояния в два дюйма.

— Я не понял.

— В человека стреляли из такого пистолета примерно с тридцати футов. В результате была разорвана кожа и повреждены подкожные ткани плеча. Позже врачи обнаружили, что в ране нет ни малейших следов металла. Ранение было вызвано движением воздуха вокруг пули, которая пролетела в двух дюймах от плеча.

— Ничего себе! Ты знаешь, что я хочу услышать. Сотни?

— Тысячи.

— Тысяча?

— Тысячи — во множественном числе, друг мой.

— Сколько?

— В зависимости от того, куда его доставить, но я бы предпочел передать лично.

* * *

Давид нервничал. Он бегом вернулся в свою квартиру и позвонил Рэйфорду, но телефон оказался занят. В этом аппарате было почти все, а вот функции удержания вызова не было. Давид даже установил функцию «пробуждения», благодаря которой телефон мог звонить, даже когда находился в спящем режиме. Рэйфорд всегда оставлял его в спящем режиме и никогда не отключал полностью.

Давид позвонил еще раз. И опять занято.

* * *

— Я не хотел подслушивать, кэп, но, похоже, ты что-то собрался купить. Мне нравится, что ты не боишься иметь дело с черным рынком. Мы же не обязаны подчиняться законам Антихриста.

— Я тоже так считаю. Так ты хотел посмотреть телефон?

— Ага, спасибо. Возьмешь пока управление?

Дуэйн повертел телефон в руках, взвесил в ладони.

— Тяжелый, зараза. Наверное, умеет все, разве что завтрак не готовит, я угадал?

— И завтрак тоже, кроме яичницы с ветчиной.

— Ха! Тру, ты слышала?! Ой! — Он зажал рот ладонью, заметив, что его жена спит. А потом прошептал: — Это с таких штук можно звонить куда угодно из любых мест?

Рэйфорд кивнул.

— А главное — он безопасен. Использует четыре разных канала в секунду, так что выследить, откуда шел звонок, невозможно, и перехватить сигнал нельзя. Ну и куча других примочек.

— Ты его обычно в сумке носишь? — уточнил Дуэйн.

— Ага, спасибо.

Дуэйн «усыпил» телефон и положил его в сумку Рэйфорда. Потом еще подумал, вынул снова и на этот раз нажал кнопку полного отключения.

— Теперь я рулю, — сказал Дуэйн, снова взяв управление. — И не сочти меня любопытным, но, может, все-таки скажешь, для чего тебе такая мощная пушка?

Рэйфорд задумался. Обычно он старался быть откровенным с братьями по вере, даже если речь шла о делах Отряда Скорби. Конечно, он не раскрывал местоположения убежища и не давал никому номера телефонов, чтобы не подставить товарищей. Но пистолет был делом личным, и это мучило Рэйфорда, потому что он хорошо помнил, откуда у него такие большие деньги. Сейчас он даже не представлял, как ему осуществить свой план.

— Может, Мировое Сообщество и проповедует идеи пацифизма и отказ от оружия, — начал он. — Но у нас пилот погиб в перестрелке, и среди нас нет человека, в которого бы не стреляли хотя бы раз, а некоторых даже ранили. Бизона и Циона обстреляли, когда они бежали из Израиля через Египет. В Бизона стреляли, когда он помогал Хэтти бежать из здания Мирового Сообщества в Колорадо. В меня и нашу новенькую стреляли совсем недавно. И ты сам знаешь, что случилось с Маком и Абдуллой.

— Я понял, брат. И возражать не буду. Но, похоже, придется кучу денег известить, чтобы вооружить вас всех такими штучками.

— Я испытаю эту штуку первым, — заверил его Рэйфорд.

— Отличная идея. К тому же эти двое, о которых ты только что сказал, никогда не смогут пронести оружие на самолет.

— Мы проносили, когда я был пилотом на борту один. У нас лежала пара пистолетов в грузовом трюме. До них не просто было добраться, но на крайний случай они там были. Теперь-то пропали, конечно.

— Кстати, Рэйф, — Дуэйн указал на горизонт, — вот там у нас сейчас солнышко будет всходить. Лететь нам еще сорок минут. Таможня в Гавре зверствует, если ты вдруг не в курсе. У тебя хоть британская виза есть?

Рэйфорд кивнул.

— Я еще не спрашивал, кто ты сегодня такой и зачем я везу тебя через Ла-Манш из Англии?

Рэйфорд вытащил паспорт и распахнул его.

— Томас Эйджи. Импорт/экспорт. А ты?

Дуэйн улыбнулся, протянул Рэйфорду два паспорта Соединенных Штатов Британии и с первым классным британским акцентом произнес:

— К вашим услугам, сэр.

Рэйфорд прочитал вслух:

— Ян Хилл. И его жена... Эльва. Приятно познакомиться с вами обоими.

* * *

Сигнала «занято» больше не было. Давид перезвонил еще раз, чтобы убедиться, что не

ошибся номером. Нет, номер верный. Или Рэйфорд не слышит звонка, или телефон выключен. Давид позвонил Циону и разбудил его. Кому-то ведь нужно продолжать попытки дозвониться на самолет. И желательно дозвониться как можно быстрее.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Бизон страдал и от смены часовых поясов, и от своего решения поговорить перед сном с доктором Розенцвейгом. В итоге большую часть ночи он убеждал Хаима прийти к Христу.

— Для этого я и приехал, — говорил Бизон своему старому другу. — Дальше тянуть нельзя. Моложе вы не становитесь. Теперь кары и бедствия станут еще страшнее до самого конца. Вы вряд ли сумеете выжить.

Хаим несколько раз почти засыпал, лежа на диване напротив.

— Я сейчас на перепутье, Кэмерон. И вот что я скажу: я больше не агностик. Любой, кто назовет меня агностиком, солжет. Я же вижу, что идет великая сверхъестественная война между добром и злом.

Бизон наклонился вперед.

— Но что тогда вам мешает, доктор? Разве можно в такой войне сохранить нейтра-

литет? Нейтралитет — это гибель. Нейтралитет — это отказ от выбора. Вы просто хотите, чтобы все решили без вас, но в конце концов вы проиграете.

— Я слишком многого не понимаю.

— А кто еще, кроме Циона, хоть что-то в этом понимает? Для всех нас это происходит впервые. И вам не нужно быть богословом. Вам нужно просто знать самое главное, и вы это уже знаете. Вопрос в том, как вам распорядиться этим знанием. Как быть с Иисусом? Ему нужна ваша душа. Он хочет ее и поэтому делает все возможное, чтобы вас убедить. Что вы теряете, Хаим? Или вам нужно, чтобы вас затоптали лошади? Нужно, чтобы они задушили вас серой, обожгли пламенем? Чтобы уверовать, вам нужно всерьез испугаться за свою жизнь?

Хаим печально покачал головой.

— Доктор, позвольте мне быть откровенным. Легче теперь никому уже не будет. Мы все опоздали на этот рейс. Будет только хуже. Но для верующих жизнь станет еще труднее, чем для неверующих, потому что придет день...

— Я знаю эту часть пророчества, Кэмерон. Я знаю, что писал Цион о метках, необходимых, чтобы покупать и продавать. Значит, ты зовешь меня к еще более трудной жизни, чем это жалкое существование?

— Я зову вас к правде. Может, ваша жизнь станет и хуже, но зато смерть будет хорошей! Как бы вы ни умерли, очнетесь вы в раю. А если вы доживете до Второго при-

шествия... вы только представьте! Вот какие варианты есть для верующих, доктор. Умереть и быть с Христом, чтобы потом вернуться вместе с ним. Или дожить до его возвращения. Хаим, мы хотим, чтобы вы были с нами. Мы хотим, чтобы вы были нашим братом отныне и навсегда. Мы боимся потерять вас, боимся узнать, что вы навечно отделены от Бога, который любит вас. — Тут Бизон не смог сдержать слез. — Сэр, если бы я только мог поменяться с вами местами! Разве вы не знаете, как мы все вас любим, как Бог вас любит? Иисус однажды уже занял ваше место, так что теперь вам не придется ни за что плачиваться.

Услышав слезы в голосе Бизона, Хаим взглянул на него с удивлением. Затем тревога сменилась пониманием. Возможно, старик просто не осознавал, насколько глубоки их чувства к нему. Бизону казалось, что он сейчас говорит от имени Бога. На самом деле Бог сейчас был с ними, но для Хаима он оставался чем-то очень далеким.

— Я дам тебе обещание, как дал когда-то Циону, — сказал Хаим. — Я не стану принимать метку Николае Карпати. Даже если мне придется умереть с голоду, я не соглашусь носить метку, потому что хочу жить в этом обществе свободным человеком.

Это хоть какой-то прогресс, решил Бизон. Но этого мало.

В своей комнате для гостей Бизон плакал и молился за Хаима, пока не уснул. В девять утра он все еще чувствовал себя измученным.

Ему хотелось бы еще раз повидаться с двумя Свидетелями, но он обещал Хлое, что будет придерживаться расписания и заглянет на обратном пути в Грецию к Лукасу Миклошу. Их новый друг по прозвищу Ласло должен был стать ключевой фигурой в деятельности кооператива в этой части света.

* * *

В Гавре было семь утра, когда Рэйфорд и супруги Таттл прошли таможенный до-смотр, назвавшись именами Томаса Эйджи и Яна и Эльвы Хилл. Труды собиралась взять напрокат машину и вселиться в двухмест-ный номер, который они забронировали в маленькой гостинице в южной части города. Это было недорогое и тихое заведение, где они вряд ли привлекли бы чей-то любопыт-ный взгляд.

Дуэйн же собирался воспользоваться еще одной взятой напрокат машиной, чтобы высадить Рэйфорда в паре кварталов от дома на Рю-Маргерит, где, по словам Бо Хансона, скрывались под чужими именами Хэтти и его брат. Рэйфорд собирался просто постучать к ним в дверь и убедить впустить его, сказав, что на их след вышли агенты Мирового Со-общества и поэтому им необходимо бежать. Хэтти наверняка поймет, что узнать их адрес Рэйфорд мог только от Бо, а значит, исто-рия с Мировым Сообществом покажется ей правдоподобной. Потом Рэйфорд предложит

отвезти их на машине в гостиницу, если они, конечно, будут готовы уехать сразу. А дальше подключится Дуэйн и пойдет чистая импровизация. Или когда они будут садиться в машину, или где-нибудь по пути Рэйфорда и Дуэйн избавятся от Сэмюэля Хансона, и пусть он возвращается в Америку своим ходом. У него для этого есть самолет. А если у него останутся какие-то претензии, с ними можно будет разобраться уже в Штатах.

Рэйфорд хотел удивить Хэтти и Сэмюэля с утра пораньше, и поэтому они с Дуэйном взяли в прокате первую подвернувшуюся машину. Торопливо попрощавшись с Трудि, которая укладывала сумки в багажник своего авто, они умчались. По пути Дуэйн фонтанировал идеями о том, как им перехитрить Сэмюэля.

— Ты и вправду хочешь участвовать в операции Отряда Скорби? — спросил Рэйфорд.

— Ты шутишь? Я же рвусь поучаствовать в чем-то серьезном с тех пор, как меня спасли. А теперь слушай, мы сможем выкинуть этого парня, как только сядем в машину. Ты можешь отозвать его в сторонку, сказав, что тебе нужно перебраться с ним парой слов наедине. К примеру, весточку от брата передать. Ты выходишь, становишься с ним за машиной, а потом говоришь, что записку в машине забыл. Прыгаешь внутрь, я срываюсь с места, и мы едем.

— Может сработать, — одобрил Рэйфорд.

— А такой вариант? — продолжил Дуэйн, кружа по улицам под указания Рэйфорда. — Вот ты подводишь их к машине, я вылезая навстречу, такой весь из себя джентльмен, и мы представляемся друг другу. Я открываю дверцу перед леди, и она садится. А затем я бью Хансона в морду лица. Он отлетит футов на двадцать, но ничего ужасного с ним не случится. А когда опомнится, нас уже след простыл.

Рэйфорд разглядывал карту города и записку от Бо.

— Они взяли себе имена Джеймс Дайкс и Мэй Уилли. Иногда я удивляюсь...

— А вот еще одна идея, — предложил Дуэйн, но Рэйфорд его перебил:

— Без обид, Дуэйн, но мне без разницы, каким образом мы это провернем. Лишь бы получилось.

— Но план же тебе нужен!

— У нас куча планов. И если у меня не получится отвести его в сторону от машины, ты сам сообразишь, что делать.

— Заметано, партнер.

* * *

Теперь уже Давид был в полном отчаянии. Утро в Новом Вавилоне давно наступило, и они с Маком сидели в его кабинете. Давид запрограммировал свой телефон, чтобы через каждую минуту звонить Рэйфорду и посылать текстовые сообщения с единствен-

ным словом «ОТБОЙ» и номером телефона Давида.

— Знал бы я, что все так обернется, — сказал Мак, — то мог бы полететь во Францию и их перехватить.

Давид, чтобы хоть чем-нибудь себя занять, вывел на свой компьютер записи телефонных переговоров между Леоном и начальником разведуправления Уолтером Муном за трое суток — до и после объявления о гибели Хэтти. Когда Давиду удалось убрать помехи и он услышал то, что могло бы оказаться полезным для Рэйфорда, ему стало еще хуже.

— Ты будешь в шоке, Мак, — сказал он. — Послушай. Это Леон и Мун.

— Ну и как твой план насчет Дюрхем, Уолли?

— Все схвачено, командир. Она сама себе яму вырыла. Как долго мы ждали...

— Слишком долго. Так что у вас схвачено? Что именно вы сделали?

— Как было сказано, мы избавились от пилота. Он пользовался фамилией Дайкс, но самолет был зарегистрирован на имя Сэма Хансона из Луизианы.

— Избавились...

— Так ты хочешь знать или не хочешь знать? Скажем так, Сэм уже свое отлетал. Девицу мы засунули в Брюссельскую тюрьму. У нее были документы на имя Мэй Уилли, так под этим именем ее и записали — пусть носит его и дальше, если ей так нравится.

Я знаю, что большой босс... прости, превос... его святейшество не хочет шума.

— Вот именно, да и кто теперь поверит, что она Хэтти Дюрхем? Дюрхем официально мертва.

— Причем она сама себе это устроила. Теперь ее можно оставить в Бельгии хоть навечно.

— Еще что-то полезное мы из этой ситуации извлечем?

— Мы послали единственному родственнику пилота, его брату, записку якобы от Сэма, что Сэм залег на дно во Франции и больше пока писать не будет. Рано или поздно брат что-нибудь заподозрит или ему надоест ждать, и он приедет. А еще лучше, если ее приятели бен-иегудисты узнают этот адрес у братишки, потому что мы подготовили для них сюрприз.

— Излагай.

— Мы поселили по этому адресу похожего парня с документами Дайкса. Если туда кто-то явится, он поломается для начала, а потом пообещает отвести их к Хэтти. Тут-то клетка и захлопнется, если ты понимаешь намек.

— Прекрасно, Уолли!

Мак покачал головой.

— Ты держишь Циона на связи? Рэйфорд отправляется в осиное гнездо, и его друзья, а особенно дочка должны знать, что ему грозит смертельная опасность.

Давид кивнул и потянулся к телефону, и тут же раздался звонок. Давид уставился на высвеченный на экране номер.

— Это он!

Мак наклонился к нему, чтобы тоже слышать разговор, и Давид нажал кнопку.

— Капитан, где ты был? Я пытаюсь дозвониться вот уже...

— Простите, сэр. Это миссис Дуэйн Таттл. Можете называть меня Труды. Мой муж и капитан Стил отправили меня заселяться в гостиницу и весь багаж на меня сбросили. Я увидела в сумке капитана этот телефон, и мне очень стыдно, но я из любопытства его включила. А тут прямо десятки и десятки сообщений, все со словом «Отбой» и этим номером телефона. Я решила, что должна перезвонить.

— Спасибо, мэм. А где сейчас Рэйф... капитан Стил?

— Они с моим мужем поехали искать мисс Дюрхем.

— У вашего мужа есть телефон?

— Нет, сэр, он никогда...

— С ними как-нибудь можно связаться?

— У меня есть адрес, куда они поехали, так что можно позвонить молодой леди...

Мак выхватил у Давида трубку.

— Мэм, это Мак МакКаллам. Помните, как мы встретились в Африке?

— Да, сэр, как вы себя?..

— Труды, слушай меня и делай в точности все, что я скажу. Речь идет о жизни и смерти. Ты хорошо знаешь город?

— Только дорогу от аэропорта до гостиницы.

— Возьми на ресепшн карту, и пусть они тебе скажут наикратчайший путь до дома Хэтти. Поезжай так быстро, как только сможешь. Если кто-то попытается тебя задержать, не останавливайся, с ними разберешься позже. Любой ценой ты должна перехватить капитана Стила и сказать, чтобы он отменил операцию. Он поймет.

— Отменить операцию. Да, сэр.

— Есть вопросы?

— Нет, сэр.

— Тогда вперед, Труды. И позвони нам, чтобы мы знали, что случилось.

Дуэйн проехал мимо дома на Рю-Маргерит и остановился от него в полутора кварталах.

— Вот уж дыра, — заметил он.

— Идеальный вариант на самом деле, — возразил Рэйфорд. — Просто на удивление. Это лучшее, что они сделали во всей этой их аванюре. Давай проследим за домом и посмотрим, не появится ли Хэтти.

Но уже через десять минут Рэйфорд занервничал: из дома вышли всего двое человек, и Хэтти среди них не было.

— Если через пять минут я не вернусь, иди меня выручать.

— Они вооружены?

— Вряд ли. Если Сэм такой же умный, как его брат, то он не знает, из какого конца пуля вылетает. А Хэтти просто побоится сломать ноготь.

Все-таки Рэйфорд жалел, что у него нет при себе оружия, о котором рассказывал ему Альби. Впрочем, он все равно не смог бы выстрелить в Хэтти и не стал бы подвергать опасности такого тупицу, как брат Бо Хансона. Ничего рискованного в этом нет, решил он. Хэтти впустит его в квартиру. А если не впустит, он уже придумал, как уболтать Сэма Хансона.

В подъезде трехэтажного дома, где не было ни консьержки, ни замка на двери, на стене висели три ряда почтовых ящиков. Рэйфорд очень удивился, что беглецы не выбрали здание, в котором подъезды хотя бы оборудованы домофонами. Он отыскал надпись «Дайкс Дж.» на ящике под номером 323 и начал взбираться по лестнице.

На каждый этаж вели четыре пролета вокруг квадратного лестничного колодца. Когда Рэйфорд добрался до последнего этажа, его пошатывало, и колено снова начало болеть. Квартира номер 323 выходила окнами на фасадную сторону здания. За ним могли следить с того мгновения, как он подошел к дому. Сэм и Хэтти могли даже заметить проехавшую мимо машину.

Рэйфорд собрался с духом и нажал кнопку. Раздался громкий мелодичный звонок, способный разбудить всех жильцов на этаже. Рэйфорду показалось, что он что-то услы-

шал, но ответа не было. Когда он потянулся к кнопке во второй раз, из-за двери определенно донесся какой-то тихий звук. Может, они там штаны надевают?

— Не торопитесь, — крикнул Рэйфорд. — Я подожду.

Он представил себе, как кто-то на цыпочках крадется к двери и прислушивается. Глазка на двери не было. Рэйфорд решил, что обитатель квартиры просто дожидается, пока он уйдет. Он снова нажал на кнопку.

Из-за двери донесся мужской голос:

— Кто там?

— Том Эйджи.

— Кто?

— Томас Эйджи.

— Я такого не знаю.

— Я друг женщины, которая здесь живет.

— Здесь нет никаких женщин. Только я.

— Разве Мэй Уилли не живет здесь?

Молчание.

— Можно, я поговорю с Мэй, пожалуйста? Скажите ей, что я ее друг.

Рэйфорд услышал знакомый звук: кто-то снял с предохранителя полуавтоматический пистолет. Он уже подумывал о том, чтобы броситься к лестнице, но дверь неожиданно распахнулась, и за ней оказался накачанный молодой человек, что-то прячущий за спиной. Он был босой и голый до пояса, в одних только джинсах.

Рэйфорд решил идти напролом.

— Можно войти?

— Так кого, говоришь, ты ищешь?

— Если бы ты меня не расслышал, то не открыл бы дверь. Где она?

— Я же сказал, здесь, кроме меня, никого нет. Чего ты от нее хочешь?

— От кого? От той, которая здесь не живет?

— Говори, зачем пришел, или проваливай.

— Ты Сэмюэль Хансон?

Парень на мгновение отвел взгляд.

— Меня зовут Джимми Дайкс.

— Значит, ты и есть Сэмюэль Хансон. А где Хэтти Дюрхем?

Парень продолжал загораживать дверь.

— Послушай, приятель, ты заблудился. Здесь нет никого, кроме...

Рэйфорд шагнул вперед, не давая двери закрыться.

— Если бы я ошибся адресом, то откуда бы я узнал ваши с Хэтти настоящие имена? Мне нужно с ней поговорить.

«Дайкс» задумался.

— Ты же не из Мирового Сообщества, нет?

— Я друг Хэтти, — громко и отчетливо произнес Рэйфорд, чтобы она могла его слышать.

— Но тебя ведь не Томми Эйджи зовут?

— Нам всем приходится осторожничать, Сэмюэль. Я Рэйфорд Стил. Принес тебе весточку от твоего брата Бо.

Сэмюэль не сдвинулся с места.

— Тогда привет. Хэтти здесь нет, но я могу отвести тебя к ней. Ты только подожди, пока я оденусь.

Сэмюэль распахнул дверь шире, и Рэйфорд вошел в квартиру. Но как только дверь закрылась, на лестнице послышались чьи-то бегущие шаги. Сэмюэль ушел в комнату, и когда он поворачивался, Рэйфорд заметил в его руке пистолет.

Сэмюэль положил оружие на стол и встал так, чтоб загоразживать его своим телом. Он взял рубашку и начал продевать руку в рукав, когда раздался звонок и в дверь бешено заколотили.

Рэйфорд понадеялся, что это Хэтти. Не обратив внимания на выразительный взгляд Сэмюэля, он распахнул дверь. Труды?! У Рэйфорда вся жизнь успела пронестись перед глазами, пока он лихорадочно пытался вспомнить ее вымышленное имя. Он оглянулся на Сэмюэля, который так резко выпрямил руку, пытаясь взять пистолет, что порвал на себе рубашку.

— Отбой! — взвизгнула Труды и метнулась вперед, словно хотела вытащить Рэйфорда из квартиры, но ясно было, что ни один из них не сможет убежать от пуль. Ее нелепое появление здесь и сообщение, которое она передала, означали одно: кем бы ни был этот парень, он их убьет.

Труды бросилась вниз по лестнице, и Рэйфорд представил, как пули 45-го калибра пробивают ее голову и спину. Труды умрет, не успев добежать до первого этажа. Нельзя было допустить, чтобы этот парень выбежал вслед за ней.

Рэйфорд отвернулся от медленно закрывающейся двери и бросился к парню, кото-

рый еще не выпутался из рубашки, но уже успел ухватить пистолет. В прыжке Рэйфорд заметил, как парень положил палец на спусковой крючок.

Глупо было рисковать и вступать в борьбу с вооруженным человеком. Может, Рэйфорд и здоровее этого парня, но исход драки был совершенно неясен. Вместо этого Рэйфорд налетел на парня, прижав к груди кулаки и выставив вперед локти, как игрок в американский футбол, который сбивает с ног противника, уже коснувшегося мяча.

Парень не то что пошатнулся — он улетел. Рэйфорд с разгону заехал согнутой рукой ему по шее, и парень всем телом качнулся назад. И именно в этот момент ему под ноги сзади подвернулся низенький журнальный столик.

Он упал на спину, разбив затылком окно. И остался лежать, оглушенный, с пистолетом в руке, с пальцем на спусковом крючке, пока Рэйфорд несея обратно к двери. Рэйфорд так спешил, что буквально ног под собой не чуял. Ему казалось, будто он убегает от чудовища в ночном кошмаре и никак не может убежать.

Он распахнул дверь и оглянулся на пороге. Парень так и лежал — головой среди осколков. Его тело оказалось ниже, чем ноги, и он тщетно дергался и извивался, пытаясь встать. Две пули он, впрочем, выпустил, и звуки выстрелов, громкие, оглушающие, почти слились со звуками треснувшего дерева и осыпавшейся древесной плитки.

Рэйфорд так быстро помчался вниз, перепрыгивая через ступени, что почти догнал Труди, спешившую со всех ног. На втором этаже, забыв про больное колено, он ухватился рукой за перила и сиганул вниз — в лестничный колодец. Когда он приземлился, Труди как раз добежала до самого низа. Она громко застонала, видимо, в уверенности, что ее сейчас подстрелят. Рэйфорду тоже мерещилось покалывание в затылке, как будто он предчувствовал пулю.

Свою машину Труди бросила прямо перед зданием, даже дверь не закрыв. Дуэйн это заметил и подъехал ближе, не зная, что и думать. Он проводил взглядом вылетевших из дома жену и Рэйфорда и окликнул их:

— Какого?..

— Езжай! — замахал руками Рэйфорд. — Мы тебя догоним!

Когда Рэйфорд подбежал к водительскому сиденью, а Труди открыла дверь со стороны пассажира, с третьего этажа донеслись выстрелы. Как только Труди заскочила внутрь и захлопнула дверь, Рэйфорд вдавил в пол педаль газа, и машина пулей сорвалась с места.

Рэйфорд знал, что его спасли собственные инстинкты, но сейчас, когда его кровь бешено бежала по жилам, он не испытывал никакой благодарности. Да, Бог был с ним, защищал его, помог спастись. Но все, что мог чувствовать Рэйфорд, — это возрождение ярости, которая мучила его в течение многих месяцев.

Причиной всему был Николае Карпати. Рэйфорд хотел убить этого человека и решил, что убьет, даже если это будет стоить ему жизни. Ну и пусть. Он отдаст все, что у него есть, в обмен на оружие Альби и во что бы то ни стало окажется в нужном месте в нужное время.

Труди, тяжело дыша, возилась с ремнем безопасности. Пока Рэйфорд петлял по узким улочкам вслед за Дуэйном, она пошарила по полу и нашла там его телефон.

— Какая кнопка б-б-быстрого наб-б-бора для Мака МакКа?..

— Двойка.

Труди нажала клавишу, и Рэйфорд услышал гудок, а потом голос Мака:

— Миссис Таттл?

— 3-3-зад-дание выполнено! — доложила Труди, а потом сунула Рэйфорду телефон и разрыдалась.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Давид чувствовал себя совсем обессиленным.

Они с Маком выслушали рассказ Рэйфорда, пока две машины колесили по Гавру. Все решили, что, раз погони не было, они могут ненадолго вернуться в гостиницу, а потом надо как можно быстрее покинуть страну.

Рэйфорд назвал «Сэмюэлю», агенту Мирового Сообщества, и свое настоящее, и вымышленное имя. Если парень не истек кровью от порезов стеклом, то уже сообщил начальству, что Рэйфорд во Франции.

Значит, Рэйфорду не удастся вылететь обычным способом — через таможню. К счастью, он проходил досмотр отдельно от Хиллов, так что вряд ли в компьютере осталась информация, что они прибыли в страну вместе.

— Отсюда мы тебе ничем не сможем помочь, — сказал Давид.

— Я буду на связи, — ответил Рэйфорд. — Но возвращаться домой я пока что не собираюсь.

* * *

Бизон вылетел из Израиля, так и не съездив к Стене Плача.

Подробное письмо Циону о своих разговорах с Хаимом Розенцвейгом он тоже не написал. Ему хотелось все рассказать лично, потому что он знал, что Цион будет очень расстроен. Как же они привязались к Хаиму! Но невозможно принять решение за другого человека. А они со своей любовью к Хаиму именно этого и хотели.

Встреча Бизона с Лукасом Миклошем и его женой была очень теплой и радостной. Миссис Миклош сказала Бизону на своем ломаном английском:

— Ласло обожает шпионские игры. Он мне день и ночь твердил: запомни, что нашего друга зовут Грег Норт, а не сама-знаешь-как.

Ласло отлично подготовился. Его предприятие по добыче бурого угля оказалось таким прибыльным, что он скопил себе капитал и собирался продать технологию Мировому Сообществу, пока еще не вступили в силу предсказанные в пророчестве ограничения на торговлю.

Ласло показал Бизону хорошо оборудованный комплекс зданий, где он наме-

ревался держать грузовики и погрузочную технику для доставки товаров кооператива. Официально он собирался развозить грузы с разрешения Мирового Сообщества, но на самом деле его грузооборот должен быть раз в десять больше заявленного. Новому бизнесу Ласло предстояло стать краеугольным камнем для всей деятельности кооператива в Европе.

Также Бизон посетил подпольную церковь Ласло, огромную группу верующих, возглавляемую обращенным евреем, основная проблема которого заключалась в нехватке места для такого количества богомольцев. Возвращаясь в Штаты, Бизон вез с собой отличные новости из Греции и печальные — от Хаима Розенцвейга.

Дома он обнаружил, что Цион и Хлоя в прекрасном настроении из-за решения, которое они приняли насчет Лии. Их смущало лишь то, что они не посоветовались с Рэйфордом, но Бизон выслушал их идею и сразу ее одобрил. После того как Рэйфорд чудом избежал гибели, Цион предложил выделить специального человека, который бы собирал информацию, поступающую от участников Отряда с разных концов света. Лия сразу же вызвалась, заявив, что хочет делать что-нибудь важное, а не только готовить еду. Хлоя много с ней занималась, обучая работе с компьютером, и теперь Лия утверждала, что умеет буквально все.

Они вчетвером уселись перед монитором, и Лия показала, какую нашла програм-

му для учета всех входящих и исходящих сведений. Немного подумав и нажав несколько клавиш, она даже показала схему обмена информацией между участниками.

— Так мы сразу будем видеть, кто что знает, а кто — нет. Если Мак или Давид передадут что-то важное для всех вас, я немедленно всем сообщу.

Середина периода Скорби стремительно приближалась, но Бизон чувствовал, что они полностью к ней готовы.

* * *

Надо было отдать должное Дуэйн. Может, он и страшный болтун, но зато придумал самый удачный план, как вывезти Рэйфорда из Гавра.

— Мы же не воспользовались моей идеей, как отделаться от приятеля Хэтти, — сказал он, — так что это будет по-честному.

Труди явно гордилась своим утренним подвигом, но она все еще не оправилась от испуга и поэтому не хотела брать на себя ответственность и предлагать свои варианты побега.

Они с мужем приехали в аэропорт на пятнадцать минут раньше Рэйфорда, чтобы вернуть в прокат машину и подготовить самолет к отлету. Рэйфорд должен был подъехать позже, сдать машину, а потом подойти к дальней части автостоянки, которая отделялась от терминала невысоким забором. Дуэйн обра-

тил внимание, что площадка за забором ведет прямо к торцу здания терминала и взлетной полосе.

— Ты можешь или перепрыгнуть через забор и побежать к самолету — как только услышишь крик и поймешь, что мы готовы лететь, — или я могу подогнать самолет к заборчику и тем самым облегчить тебе жизнь.

— А какой вариант предпочтительнее? — спросил Рэйфорд.

— До самолета далеко бежать, а у тебя болит коленка. Но с другой стороны, если я подгоню «суперджет» к забору, это может привлечь лишнее внимание, или какой-нибудь сверхбдительный сотрудник потребует, чтобы я убирался отсюда.

В итоге они решили, что Дуэйн поставит самолет там, где положено, а потом попросит разрешения отъехать ближе к зданию, в тень, чтобы проверить что-нибудь под днищем самолета. Так он сможет встать ближе к забору.

— Я скажу, что услышал скрип в ступице колеса, и пусть они вместе со мной разглядывают колеса, а ты тем временем проскочишь на борт.

Все шло замечательно, пока Рэйфорд не въехал на автостоянку. «Суперджет» стоял на взлетной полосе с включенными двигателями. Парень из проката машин спросил о чем-то по-французски, а потом перевел на английский:

— У вас кредитная карточка?

Рэйфорд кивнул. Парень уже начал распечатывать квитанцию, как вдруг оторвал взгляд от ручного кассового аппарата и уставился в лицо Рэйфорду.

— Простите, — сказал он, повернулся спиной и о чем-то заговорил в рацию. Рэйфорд почти не понимал французскую речь, но парень явно что-то спрашивал об Эйджи Томасе.

Квитанция уже распечаталась, и парень оторвал ее, но Рэйфорду не отдал.

— Платеж не проходит, — сказал он.

— О чем это вы? — спросил Рэйфорд. — Вот же все прошло.

— Пожалуйста, подождите, я попробую еще раз.

— Я опаздываю, — заявил Рэйфорд, пятясь назад и заметив какое-то движение у терминала. — Пришлите мне счет по почте.

— Нет, вы должны подождать. Другая карточка есть?

— Счет пришлите, — повторил Рэйфорд, оглядываясь через плечо. «Суперджет» медленно катился в его сторону. Трое мужчин бежали к нему от терминала через автостоянку. Рэйфорд кинулся к забору, и парень заорал, зовя на помощь.

Забор был в высоту фута четыре-пять, а до «суперджета» оставалась сотня ярдов, но двигался он слишком медленно. Если обман Дуэйна удался, инспектор выйдет, чтобы встретить самолет. Преследователи отставали от Рэйфорда на ту же сотню ярдов. Но все они были молодыми и спортивными.

Рэйфорд попытался перепрыгнуть через забор «ножницами», но его толчковая нога за что-то зацепилась. Из-за этого, приземляясь, он ударился задом о верхнюю часть забора и чуть не полетел кувырком. Не грохнулся только лишь потому, что ухватился за забор руками, но еще несколько секунд ушло на то, чтобы освободить застрявшую ногу. Наконец Рэйфорд вытащил ногу, упал, ударившись плечом, вскочил и побежал к самолету.

Оглянувшись, он увидел, что преследователи перескочили через забор без малейшего труда. Если Дуэйн не прибавит скорости, Рейфорду не добежать. Он услышал рев двигателей, увеличивших обороты, и увидел, как какой-то человек с блокнотом машет Дуэйну, приказывая замедлить ход. К счастью, Дуэйн подчиняться не собирался, а Трудि уже спустила трап. Один из догонявших закричал, требуя остановиться; Труди тянула к Рэйфорду руку, но преследователи уже дышали ему в затылок. Когда он заскочил на трап, самый быстрый из бегунов прыгнул вперед и поймал Рэйфорда за лодыжку. Он потерял равновесие и чуть не свалился с трапа, но Трудि оказалась гораздо сильнее, чем можно было ожидать. Рэйфорд вцепился ей в запястье и едва не выдергнул из самолета, но хотя его вес и заставил ее пригнуться к полу, она развернулась, упершись плечами в одну сторону двери, а коленями в другую. Рэйфорд перевалился через нее, Дуэйн начал разгоняться, и Рэйфорд вместе с Трудि закрыли дверь.

— Ты уже во второй раз за сегодня меня спасаешь, — сказал Рэйфорд.

Она улыбнулась и дрожа рухнула на сиденье.

— Больше спасать не буду. Считай, что я ушла на пенсию.

Дуэйн поднял самолет в воздух, крича и улюлюкая, словно ковбой с родео.

— Убойная штучка, скажи! Уау!

— Да, самолет у тебя классный, — согласился Рэйфорд, с ужасом думая о том, как будет чувствовать себя завтра утром.

Дуэйн взглянул на него с удивлением.

— Я не о «суперджете», партнер. Я говорю о своей женушке.

Труди наклонилась вперед и обняла мужа обеими руками.

— Может, хватит тебе так меня называть?

— Дорогуша, — ответил он, — я буду называть тебя так, как твоей душеньке угодно. Уау!

— Ты на запад летишь? — неожиданно спросил Рэйфорд.

— Я могу лететь, куда захочешь, Рэйф. Скажи куда.

— На восток.

— Значит, восток, и я буду держаться пониже, чтобы нас не засекли радары, так что фиг они нас выследят. Пристегивайтесь — и вперед!

Дуэйн не шутил. Он так резко изменил курс «суперджета», что Рэйфорда вдавило в кресло.

— Как на аттракционах, да? Тебе понравится!

Рэйфорд выругался сквозь зубы.

— Что ты сказал, кэп? — переспросил Дуэйн.

— Я говорю, энтузиазма маловато.

Дуэйн смеялся так, что слезы потекли.

Вечером того же дня Давид получил электронное сообщение от Энни; она писала, что начальник ее отдела и пара других должностных лиц проводили совещание в кабинете у Фортунато. Давид напечатал в ответ:

«Я бы любил тебя всем сердцем, даже если бы ты не была моим самым ценным шпионом».

Пока он вел поиск на жестком диске, чтобы найти запись этого совещания, пришло уведомление о новом письме. Оно тоже было от Энни.

«Я и мечтать не могла о таком роскошном комплименте от любимого мужчины. Говорю тебе спасибо как шпион шпиону. Люблю, целую, Э. К.».

Отыскав запись с разговором, Давид узнал на ней голос своего коллеги, начальника отдела, в котором работала Энни. Он послал в ответ обязательный смайлик с поцелуем, а потом вернулся к записи. Джим Хикман, начальник аналитического отдела, был умным и сдержанным человеком, но явно страдал многословием.

— Этих фанатиков, — начал Хикман, — я назвал бы буквалистами. Они верят в истинность древних текстов, особенно еврейской Торы и христианского Нового Завета, и не видят разницы между описанием исторических событий, многие из которых впоследствии были подтверждены учеными, и символическим, образным языком так называемых пророчеств. К примеру, многие люди, и я в том числе, даже с поверхностными представлениями об истории древних цивилизаций понимают, что так называемые книги пророков, входящие в состав Библии, на самом деле пророческими не являются. Но, конечно, столкнувшись с каким-нибудь необычным природным явлением, всегда можно подобрать метафоричное и образное описание, подходящее к такому явлению. Например, нынешнюю волну смертей от дыма, огня и серы, которая явно вызвана применением химического оружия, фанатики объясняют исполнением пророчества, в котором речь идет о двухстах миллионах всадников на чудовищных лошадях с львиными головами.

— Нам это что-нибудь дает, Джим? — спросил Фортунато. — Его превосходительство нужны конкретные данные.

— О да, главнокомандующий. Все это было сказано вот к чему: поскольку эти люди толкуют древние тексты буквально, они приписывают этим сумасшедшим проповедникам...

— Потентат называет их иерусалимской парочкой! — поправил его Фортунато.

— Да! — воскликнул Хикман. — Мне нравится это определение! Итак, бен-иегудисты верят, что эти старики и есть так называемые Свидетели из одиннадцатой главы Откровения. В Библии короля Якова соответствующий стих звучит так: «И дам двум Свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облачены во вретище».

— Вот почему эти двое носят мешковину! — догадался Фортунато. — Так они пытаются нас убедить, что они и есть эти, как их?.. Свидетели.

Голос Хикмана прямо сочился высокомерием.

— Вот именно, главнокомандующий. И Бен-Иегуда всегда указывал, что этот период начался в тот день, когда мировое правительство заключило мирный договор с Израилем. Отсчитайте от этой даты одну тысячу двести шестьдесят дней, и вы получите то, что сами проповедники называют своим «сроком».

Фортунато спросил у остальных, не возражают ли они, если он ненадолго останется с Хикманом наедине. Давид услышал звуки сдвигающихся кресел, хлопанье дверью, шаги. А затем:

— Джим, я хочу рассказать тебе кое о чем, что меня беспокоит. Ты же умный парень...

— Спасибо, сэр.

— И мы с тобой оба знаем, что в этих древних писаниях иногда речь идет о таких вещах, которые трудно подделать.

— Ну не знаю. Воду в кровь превращали те же люди, которые сейчас убивают нас химическим оружием. Это фокус; наверняка они чем-то отравили источники.

— Но на стадионе имени Коллека превратилась даже вода в бутылках.

— Я видел, как похожие трюки делают иллюзионисты. Вероятно, раствор реагирует на погодные условия... например, на падение температуры в определенное время суток. Если знать, когда это должно произойти, можно сделать вид, будто вы это явление и вызвали.

— А как же засуха, да еще такая долгая?

— Совпадение! В Израиле бывают засухи, которые длятся месяцами. Что в этом нового? Когда дождя долго нет, кто угодно может объявить, что это он «затворил небо». А что они скажут, когда дождь все-таки пойдет? Что они решили дать нам передышку?

— Люди, которые пытались их убить, сгорели в пламени.

— Кто-то сказал, что у этих двоих был огнемёт и они достали его, когда толпа на что-то отвлеклась. Не думаете же вы, что они в самом деле дышали огнем?

Фортуна умолк. А потом спросил:

— Но если они не те, за кого себя выдают, где гарантия, что в предсказанный день они станут уязвимыми?

— Гарантии нет. Но или они станут уязвимыми, или они не те, за кого себя выдают. В любом случае мы победим. А они проиграют.

Давид собирался переслать эту информацию Циону, но сначала ему хотелось услышать, что же Фортунато сказал Карпати. Он проверил телефонные переговоры Фортунато и Маргарет. Ничего. В кабинете Фортунато было тихо. Давид поключился к кабинету Карпати, и, как оказалось, не зря. Фортунато как раз подытоживал свой разговор с Хикманом.

— Тысяча двести шестьдесят дней со дня заключения договора, — повторил Карпати. — Мы уже решили устроить праздник. А теперь точно знаем, когда его провести. Теперь у тебя есть крайний срок, Леон. Ты должен настроить региональных потентатов против Петра Второго... они и так им недовольны, но дело должно закончиться его устранением. Это я поручаю тебе. А я займусь так называемыми Свидетелями. Весь мир, а особенно Израиль, давно уже дожидается их гибели. В течение многих месяцев я верил, что избавиться от них землю — выше моих сил. Меня волновало общественное мнение, и я думал, что просто отдам приказ об их уничтожении войскам Мирового Сообщества. Но к этому времени они настроят против себя даже своих последователей, и если я убью их лично, это станет моим величайшим достижением.

— Если вы так уверены...

— А разве ты не согласен?

— Это не так уж просто, ваше святейшество. Мы могли бы сделать это, не впутывая вас. Вы могли бы даже публично осудить это убийство, заявить, что вы поддерживаете свободу слова и мысли.

— Но не свободу насылать на людей мучения и кары, Леон!

— Но разве это не значит, что они — те, кем себя называют?

— Да какая разница? Я хочу признания моих заслуг в том, что я бросил вызов этим двум самозванцам.

— Конечно, ваше святейшество, вам виднее.

* * *

«Суперджет» приземлился в аэропорту Басры. Сразу же после посадки к самолету подбежали несколько босоногих рабочих и, разинув рты, уставились на изображение британского флага. Если австралийский двойник Уэйна Дарт вывел на своем фюзеляже девиз «Честная игра», то теперь надпись гласила: «Черный Ангус».

Рэйфорда поразило, как сильно британский акцент повлиял на манеры и поведение Дуэйна и даже на громкость его голоса.

— Отлично, джентльмены, — сказал он. — Я Ян Хилл, владелец этого самолета, а это моя жена Эльва. Спасибо, что помогли мне заправиться.

Рэйфорд назвался Джесси Гондером, и один из рабочих дал ему конверт с ключом и запиской внутри:

«Ты помнишь мой грузовик. Езжай по этому адресу, и я туда подойду. Аль Б.».

Рэйфорд нашел древнюю машину Альби, и они поехали в город на базар. А там сели дожидаться Альби в шумном кафе под полотняным навесом.

Дуэйн хватало ума на людях говорить потише, особенно когда он забывал про британский акцент. Они пили теплую баночную газировку и вполголоса обсуждали дела Отряда Скорби — вернее, обсуждали Рэйфорда и Дуэйн. Труды клевала носом.

— Простите, — пробормотала она. — Слишком много впечатлений для одного дня.

— Она в полиции работала, — прошептал Дуэйн, разглядывая посетителей за соседними столиками, которые, скорее всего, не понимали ни слова. — Но не думаю, что она когда-нибудь в жизни так пугалась.

Труды покачала головой, потом кивнула, и ее голова снова свесилась на грудь.

— Вот что я тебе скажу, Рэйф, дочка у тебя — молоток. Я знаю, ты наверняка подбрасываешь ей идеи и все такое, но она так все организовала и так пашет в этом своем кооперативе, что я диву даюсь. Ты ведь знаешь, как я держусь за свои убеждения.

— Да, я слышал.

— И когда понадобится эта метка, чтобы покупать и продавать, моя жизнь не будет стоить ни гроша. Всем сразу будет ясно, во

что я верю и как я к этому пришел — понятное дело, что через сообщения пастыря Бен-Иегуды, и, в конце концов, меня могут прикончить. Всех нас могут прикончить.

Рэйфорд устало улыбнулся. Он думал о Хэтти и о том, как по-идиотски она попалась. Но он ни разу не слышал, чтобы Циона называли пастырем Бен-Иегудой, и ему понравилось это слово. Он был не только пастырем Отряда Скорби. Он был пастырем для всех, кто читал его ежедневные сетевые послания.

Пока Дуэйн разглагольствовал о том, какая честь для него и Труди быть ключевыми сотрудниками товарного кооператива в юго-западном регионе, Рэйфорд размышлял о предложении Лии. Она права: у нее нет семьи и нет никаких обязательств перед родственниками. Наверное, она и вправду может путешествовать. Она пришла в убежище совсем недавно. Ее разыскивают только в местном отделении Мирового Сообщества. Стоит ей покраситься, надеть контактные линзы и сменить прическу, и она может отправляться куда угодно.

Даже в Брюссель.

Она может выдать себя за родственницу Хэтти. Кто-то ведь должен передать Хэтти печальную новость о ее сестре. Рэйфорд надеялся, что сотрудники Мирового Сообщества сохранят Хэтти жизнь и она успеет стать верующей, но его вполне устраивало, что она сейчас в тюрьме и пробудет там до середины периода Скорби. Потому что будь она на свободе, то непременно попыталась бы убить Ни-

колае. А Рэйфорд хотел приберечь эту роль для себя. Он знал, что это смехотворное желание — его попытка окончится такой же катастрофой, как и попытка Хэтти. Кто бы ни попытался убить потентата, живым ему не уйти. Рэйфорд начал мысленно молиться: «Господи, загляни мне в душу. Я хочу того же, что и Ты. Я хочу, чтобы Хэтти спаслась, прежде чем она подвергнет себя смертельному риску».

— Хотел бы я познакомиться с этим греком, о котором ты мне рассказывал, — продолжал Дуэйн. — Собрать товары на океанском побережье, начиная с Берингова пролива, загрузить зерно на юго-западе, а потом обменять его в Греции на овощи-фрукты... и миз Уильямс готова всем этим рулить. Это что-то невероятное, Рэйф!

На узкой улочке остановился грузовик, еще более скрипучий, чем то старье, в котором они приехали, и из кабины выскочил Альби со свернутым бумажным пакетом в руке. Он хлопнул грузовик по капоту, и мотор заглох. Рэйфорд попытался было встать, чтобы поприветствовать Альби, но тот жестом велел ему оставаться на стуле. Он кивнул, проходя мимо Труды, но она спала, низко опустив голову.

— Один из моих людей заметил чужаков, — прошептал Альби, придвигая стул.

— Нам вы можете доверять, мистер Альби, — заверил его Дуэйн.

— Я доверяю знакомым, сэр, — сказал Альби. — А вы с ним. Я доверяю ему, значит, доверяю и вам.

— Где были эти незнакомцы? — спросил Рэйфорд, не желая снова сталкиваться с Мировым Сообществом. — Здесь?

— Тут вы их не увидите, — ответил Альби. — Но это не значит, что их тут нет. Они умеют сливаться с толпой.

— Где тогда?

— В аэропорту.

— Альби, нам нужно вернуться на самолет.

— Не волнуйтесь. Я приказал повесить на дверь карантинную табличку с предупреждением о том, что на борту пары серы. Никто не посмеет туда сунуться. И насколько мне известно, сейчас на полосе нет никого из Мирового Сообщества. Если вы сможете взлететь и будете держаться ниже уровня радаров, вы спокойно смоетесь.

— Они нас, что ли, ищут?

Альби пожал плечами:

— Я бизнесмен, а не шпион. Вам лучше знать. Идемте, я покажу вам товар. Хотите, чтобы ваши друзья тоже на него посмотрели?

— Не возражаю.

— Надо отойти подальше и показать его в деле.

— Лучше я с Труды вас тут подожду, — сказал Дуэйн. Она крепко спала, опустив голову на сложенные на столе руки. — Не забудь о нас, слышишь?

— Будь осторожен, — прошептал Рэйфорд, вставая.

— Не беспокойся, партнер. Я не усну. Я так не веселился с тех пор, как мою сестру сожрали свиньи.

Рэйфорд уставился на Дуэйна.

— Я шучу, Рэйф. У нас в деревне так говорят.

* * *

— Это правда? — поинтересовался Леон.

— Сэр? — переспросил Давид, сидевший у Фортунато в кабинете.

— Ты не видел результаты внутренней проверки твоего отдела?

Давид отчаянно пытался сохранять спокойствие.

— Я знал, что они пишут отчет, но мне показалось, они так мало нас проверяли, что там и писать нечего.

— Что ж, к кое-каким выводам они пришли, и мне эти выводы совершенно не нравятся.

— Со мной никто на эту тему не разговаривал.

— А ты думаешь, эти ребята из отдела внутренних проверок хоть с кем-нибудь разговаривают? Они обязаны это делать, но все равно не делают. В любом случае тебе не понравится то, что они обнаружили, но не спросить с тебя я не могу.

Давид слышал, как шумит у него в ушах, и пытался успокоить дыхание.

— Я охотно изучу их результаты и отвечу так подробно, как смогу.

— Они очень высоко тебя оценивают. Говорят, что это не твоя вина.

— Вина?

— За неудачу, за провал. Они пишут, что причина вовсе не в твоём руководстве, твою работу они называли блестящей.

— А что тогда они называют провалом?

— Уж точно не моральное состояние твоих подчиненных. И не рабочую этику. Похоже, ты работаешь больше всех, кроме разве что потентата и меня.

— Ну, я не знаю...

— Суть в том, Хассид, что они рекомендуют свернуть проект по отслеживанию передачи информации.

— О нет. Я бы хотел пытаться дальше.

— Я знаю, что это твоё детище и что ты вкладываешь в эту работу всего себя. Но затраты не окупаются.

— Но разве они не окупятся, если мы потратим чуть больше времени и что-нибудь найдем?

— До сих пор ведь ты ничего не нашел, а, Давид? Давай быть честными. Внутренняя проверка показала, что ты сейчас не ближе к успеху, чем в тот день, когда мы установили аппаратуру, и такие гигантские затраты человеко-часов и бюджета просто не имеют смысла.

Давид постарался изобразить как можно более разочарованный вид.

— Вот я и спрашиваю, — продолжил Леон. — Это правда? Действительно ли проблем больше, чем пользы? Нужно ли нам сворачивать проект?

— А что скажет потентат?

— Это моя проблема. Я собираюсь объяснить ему, что нам не настолько важно вычислить их местоположение и что мы просто выставляем себя дураками. Он со мной согласится. А ты?

— Кто я такой, чтобы спорить с потентатом и верховным главнокомандующим?

— Вот и умничка.

— И незачем упоминать внутреннюю проверку.

— Это точно. И я уже знаю, как мне использовать эти компьютеры и человеко-часы.

— Отлично. Я не переживу, если такой ресурс пропадет впустую.

— Теперь, когда пилоты вернулись к работе, а «Феникс-216» полностью оснащен, его святейшество поручил мне в течение нескольких недель провести деловые поездки по всем десяти регионам. В ходе подготовки к празднеству в честь середины семилетнего перемирия между Мировым Сообществом и Израилем я должен буду лично встретиться с каждым из региональных потентатов, в том числе с новым африканским лидером. Мне понадобятся твои люди, освобожденные от работы над другими проектами...

— Простите, главнокомандующий, но у меня глупый вопрос...

— Глупым может быть только тот вопрос, который не был задан.

«Это что-то новенькое!» — подумал Давид.

— Просто это снова выходит за рамки моей компетенции.

— Говори.

— Разве не выгоднее будет всех десятирх потентатов пригласить сюда или встретиться со всеми одновременно где-нибудь в другом месте?

— Хорошая мысль, но есть причины, по которым все должно пройти именно так, — назидательным тоном ответил Леон. Он сцепил пальцы в замок и опустил взгляд. — Его святейшество Николае Карпати помимо прочих выдающихся качеств еще и непревзойденный дипломат. Он подает пример. Он служит своему народу. Он слушает людей. Он передает полномочия, как в случае с моими поездками. Потентат знает, что каждый из десяти региональных потентатов должен ощущать его присутствие. Чтобы они хранили ему верность, оставались деятельными и вдохновленными, он предоставляет им определенный уровень власти и определенную автономию. Посылая меня в качестве своего представителя, он оказывает им честь. Это даст им возможность выступить в роли радужных хозяев и показать своим подданным, что их почтили визитом из дворца. В столице каждого региона я официально и публично приглашу регионального потентата на всемирное торжество в сентябре. Их подданные тоже будут приглашены и смогут совместить поездку в Иерусалим с паломничеством в Новый Вавилон.

— Как интересно, — заметил Давид.

— Я так и думал, что ты оценишь. И вот тут в игру вступаете ты, твои люди и все эти осво-

бодившиеся компьютеры. Его святейшество всегда был для меня образцовым примером оратора. Ты знаешь, что он настоящий полиглот. Я не надеюсь, что когда-нибудь смогу с ним сравниться, но хочу хотя бы научиться понимать несколько фраз на самых распространенных языках мира. И еще, я не знаю, заметил ли ты, но потентат никогда, совсем никогда не пользуется конспектами, даже на неофициальных переговорах.

— Я так мало общался с ним лично...

— Конечно. Но позволь объяснить, в чем заключается его главный талант, и это не просто способность запомнить невероятное количество информации и произнести даже очень длинную речь так, что она прозвучит как импровизация. Главное вот в чем: потентат Карпати знает о своих слушателях все до самых мелочей и знает так же хорошо, как они себя знают. Ты когда-нибудь видел записи его первого обращения к Организации Объединенных Наций три года назад?

— Я думаю, все это видели.

— Одна лишь эта речь, Давид, сделала его Генеральным Секретарем ООН, а впоследствии главой нового мирового порядка. Он взошел на трибуну простым приглашенным докладчиком, президентом крохотной страны из Восточно-Европейского блока. Должность, которую он впоследствии занял, тогда еще даже свободной не была. И все же благодаря своему уму, обаянию, остроумию, мастерскому владению темой, способности к языкам и потрясающему знанию истории

этой выдающейся организации он заставил весь мир есть у него с руки. И даже если бы не было тех массовых исчезновений, погруживших мир в горе и ужас, даже тогда размер аудитории не соответствовал бы величию его речи. Но все произошло по воле Божьей, и его святейшество оказался идеальным кандидатом на роль, которая была ему уготована.

Глаза Фортунато заблестели.

— Это было что-то волшебное, — продолжил он. — Я понял в глубине души, что если мне выпадет честь внести пусть даже мизерный вклад в осуществление идей и планов этого человека, то я готов посвятить ему всю свою жизнь. Чувствовал ли ты когда-нибудь что-то подобное, Давид?

— Мне кажется, я могу понять такую преданность. Да, сэр.

Этот ответ как будто вырвал Леона из глубокой задумчивости.

— Что, правда? — удивился он. — А я могу спросить: к кому ты это чувствовал?

— К кому? Вы хотите узнать, кого я так сильно... э... боготворю, чтобы посвятить ему всю свою жизнь? Моего Отца.

— Это замечательно, Давид. Должно быть, он прекрасный человек.

— О да. Он для меня просто Бог.

— Правда? А чем он занимается?

— Он очень творческая личность, он работает руками.

— Но тебя, наверное, восхищает его характер?

— Вы даже не представляете как! Мне слов не хватит, чтобы это выразить.

— Потрясающе. Я бы хотел когда-нибудь с ним познакомиться.

— Легко, — сказал Давид. — Я уверен, что когда-нибудь вы встретитесь с ним лицом к лицу.

— Надеюсь на это. Но что-то я отвлекся. Напомни, что я тебе говорил, и я тебя отпускаю. Прости меня, но мне так нравится беседовать с верными и способными молодыми людьми.

— Ничего страшного.

— Короче, я хочу, чтобы твои ребята воспользовались этими компьютерами для поиска информации о каждом человеке, которого я собираюсь посетить, о его регионе, об истории региона. Собрав как можно более подробную информацию, я тем самым окажу им честь. Ты можешь сделать это для меня, Давид? Что хорошо для меня, то хорошо и для его превосходительства, и для всего Мирового Сообщества.

— Я приложу все усилия, сэр.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Звезды уже усеяли темно-синее небо, когда грузовик Альби остановился, подняв тучу пыли, посреди пустынной равнины. В свете фар старого грузовика на расстоянии примерно в сотню футов виднелись огромный валун и старое дерево. Альби заскочил в кузов грузовика, взбежал на крышу кабины и огляделся по сторонам.

— Это чтобы мои глаза привыкли к темноте, — пояснил он, — и убедиться, что вокруг никого нет. — Удостоверившись, он сбежал вниз тем же способом, что и забрался наверх. — Когда-то я бы просто спрыгнул. Но лодыжка... помнишь?

— Землетрясение, — сказал Рэйфорд.

— Не такая уж страшная травма, если подумать.

Он жестом велел Рэйфорду обойти вокруг грузовика и встать впереди, а сам присел на

корточки рядом с горящей фарой и развернул бумажный пакет. Оттуда Альби вытащил что-то металлическое и прямоугольное, похожее на коробку. Размером оно было дюймов десять по одной стороне, пять по другой и полтора по третьей.

— Капитан Стил, это что-то невероятное. Стоит дорого, но зато это то, что вам нужно. Смотрите внимательно, чтобы вы поняли, как легко это делается. Если не поймете, в чем фокус, то никогда его не разгадаете. В первых, возьмите в руки.

Рэйфорд взял блок, удивившись, какой он тяжелый и твердый. Он выглядел единым целым, без стыков и швов.

— Откройте, — велел ему Альби.

Рэйфорд повертел его в свете фар, пытаясь найти ручку, кнопку, скрытую пружину, хоть что-нибудь. Но ничего не обнаружил.

— Еще попробуйте, — сказал Альби.

Рэйфорд взял блок за два противоположных конца и попытался его раздвинуть. Потом сжал. Он выворачивал его и тряс, давил на все грани.

— Не получается, — ответил он, вернув его Альби.

— На что оно похоже, по-вашему?

— На балласт. Может, что-то вроде гирьки для весов. Аккумулятор для компьютера?

— А что бы вы сказали таможеннику, когда эта штука вы светится на экране монитора?

— То же самое и скажу, наверное. Или что я везу эту штуку для компьютера, который остался там, куда я еду.

— Хорошее объяснение, потому что та-моженник тоже не сможет его открыть. Если только он не сделает вот так, но это вряд ли.

Альби надавил большим пальцем левой руки на левый нижний угол, а средним пальцем — на левый верхний. То же самое он сделал и с правой рукой: большим пальцем надавил на нижний правый угол, а средним — на верхний правый.

— Я очень аккуратно нажимаю пальцами, чувствуя сопротивление. А потом замечаю, как что-то внутри сместилось, и тогда я провожу пальцами по нижней грани, кладу указательные пальцы на верхнюю грань, крепко сжимаю и открываю. Смотрите, как легко он выдвигается.

Рэйфорду казалось, что он видит фокус иллюзиониста, секрет которого не знает. Альби сдвинул части блока примерно на дюйм, а потом закрыл его снова.

— Стыков не видно, потому что он изготовлен из цельного стального бруска. Попробуйте, капитан.

Рэйфорд взял предмет в руки так, как это делал Альби. Легонько надавив пальцами, он почувствовал, что внутри что-то сдвинулось. Это напомнило ему дешевую игрушку из детства, когда он пытался загнать шарик в отверстие, наклоняя картонное основание то так, то эдак. Стоит наклонить слишком сильно, и ничего не получится.

Он сжал края блока так, как это делал Альби, и устройство плавно открылось. Теперь в его левой руке лежал цельный кусок стали с

большим фигурным отверстием посредине, которое точно соответствовало форме тяжелого пистолета, оказавшегося в правой руке. Потрясающе!

— Он заряжен?

— Меня учили, что незаряженного оружия не бывает. Знаете, сколько людей погибли, потому что думали, что их оружие не заряжено?

— Я понимаю. Но если я прицелюсь и выстрелю...

— Вылетит ли пуля? Да.

— Можно поставить какую-нибудь мишень вон на тот камень?

— Попробуйте для начала попасть просто в камень. К этому пистолету нужно привыкнуть.

— Когда-то в армии я отлично стрелял.

— И сколько десятилетий назад это было?

— Великолепно. Меня уже оскорбляют скупщики краденого.

— Вы познакомьтесь сначала с оружием.

Рэйфорд положил блок на землю и повертел в руке пистолет. Он был хоть и тяжелым, но прекрасно сбалансированным, и держать его было удобно. Но Рэйфорд подумал, что из-за такого большого веса его рука может задрожать.

— Такой механизм, — сказал Альби, — не используется ни в одном пистолете. Только в мощных винтовках. Курок взводить не надо. Он полуавтоматический. Вам придется нажимать на спусковой крючок для каждого

выстрела, но стрелять вы сможете очень быстро. Этот пистолет, наверное, самый громкий из всех, и я советую чем-нибудь заткнуть уши. А пока просто закройте ближайшее ухо свободной рукой.

— Я не вижу предохранителя.

— Его здесь нет. Вы просто целитесь и стреляете. Смысл в том, что вы не станете раскрывать блок и доставать пистолет, если не собираетесь стрелять. Вы не станете стрелять, если не собираетесь убить того, в кого стреляете. Если вы будете долго стрелять в этот камень, вы разнесете его на куски. Если вы выстрелите в человека, который находится в зоне смертельного поражения на расстоянии меньше двухсот футов, вы его убьете. Если он будет находиться в нейтральной зоне, то есть в двух сотнях футов и дальше, ваша пуля разорвет кожу, подкожные ткани, жир, сухожилия, связки, мышцы и кости и пробьет его тело насквозь. Если вы стреляете как минимум с десяти футов, мягкий патрон с неполной оболочкой успеет сплющиться за счет мощности взрыва и центробежной силы, вызванной вращением. Вращение возникает благодаря нарезному стволу. В итоге диаметр пули становится примерно дюйма полтора.

— Пуля сплющивается во вращающийся диск?

— Именно так. И я вам уже рассказывал по телефону, как в человека стреляли с тридцати футов, промахнулись на два дюйма и в результате он получил глубокую рану из-за

одного только движения воздуха. Если вы стреляете в человека с расстояния от десяти до двухсот футов, выходное отверстие будет дюймов шесть в диаметре в зависимости от того, в какую часть тела попали. Сплюснутая, деформированная, вращающаяся пуля пробивает все на своем пути, разрывает ткани вокруг себя, как газонокосилка траву, и превращается в гораздо более крупный снаряд. Во время испытания этого пистолета одному инженеру случайно прострелили ногу над коленом с расстояния примерно двадцать футов. Нога была практически оторвана, и ее нижняя часть держалась на двух полосках кожи.

Рэйфорд покачал головой, глядя на эту ужасную вещь. О чем он только думал? Неужели он осмелится носить с собой такое чудовищное оружие, а тем более стрелять из него? Это и близко не похоже на средство самообороны.

— Ты пытаешься уговорить меня или отговаривать?

Альби пожал плечами.

— Я хочу, чтобы вы были довольны покупкой. И потом не жаловались. Я же сказал, вы можете купить что-то и подешевле. Но вы сказали, что вам нужен результат. Что вы собираетесь делать дальше с этим пистолетом, меня не касается и совершенно не интересует. Но я гарантирую, капитан: если вам придется из него стрелять, второй выстрел уже не понадобится.

— Я не знаю, — ответил Рэйфорд, у которого уже заныли ноги от сидения на корточ-

ках. Он чуть-чуть передвинулся, поднял вторую часть блока и приложил ее к пистолету, чтобы взглянуть, как они совпадают.

— Хотя бы попробуйте, — предложил Альби. — Это же всего лишь демонстрация.

— Я понял.

Рэйфорд снова положил блок, встал между фарами, расставил ноги, прицелился в камень и сжал запястье той руки, в которой держал пистолет, другой рукой.

Альби зажал уши ладонями, а потом посоветовал:

— Лучше засуньте что-нибудь в правое ухо.

Рэйфорд порылся в кармане и вынул записку от Альби. Он оторвал кусочек, послюнявил его и скатал в небольшой комок. Вложил себе в ухо, а потом снова приготовился стрелять.

— Даже жалко, что курок взводить не надо, — пожаловался он. — У меня ощущение, что пистолет готов стрелять, а я еще нет.

— Ничего не слышу, — слишком громко ответил Альби. — Я боюсь, что вы выстрелите, когда я уберу руки от ушей.

Пистолет был ненамного ближе к защищенному уху Рэйфорда. Когда Рэйфорд нажал на спусковой крючок, отдача была такой сильной, что его отбросило к капоту грузовика. Он съехал по бамперу и плюхнулся в пыль. Выстрел был громким, как взрыв бомбы, а потом наступила тишина, потому что уши полностью заложило. Можно было

только радоваться, что он не выстрелил во второй раз, когда упал.

Альби вопросительно взглянул на него.

— Ты прав, — ответил Рэйфорд, и в ухе у него звенело. — Это что-то невероятное.

— Смотрите. — Альби указал пальцем куда-то вдаль.

Рэйфорд прищурился. Камень выглядел в точности как и раньше.

— А я попал?

— Вы попали в дерево!

Рэйфорд не верил собственным глазам. Пуля пробила ствол примерно в восьми футах над землей, почти под самыми ветвями.

— Мне надо посмотреть поближе, — сказал он, поднимаясь на ноги.

Альби пошел вместе с ним, и они увидели в древесине глубокую выбоину шире чем в полстволы. Наконец тяжелые ветки перевернули, и крона дерева с треском завалилась набок и рухнула прямо на камень.

— Я слышал, что деревья можно лечить, — сказал Альби. — Но...

— Сколько можно сделать выстрелов?

— Девять. Попробуйте еще раз, и посмотрим, сможете ли вы попасть, куда целитесь.

— Надо пристреляться. Пуля уходит вверх и вправо.

— Вовсе нет!

— Но ты же видел, куда я стрелял. Я целился в середину камня.

— Простите, капитан, но проблема не в оружии. Проблема в стрелке.

— Что?

— Люди вашей профессии называют это ошибкой пилота.

— Что я не так сделал?

— Вы вздрогнули.

— Нет.

— Да. Вы ожидали услышать очень громкий звук и повели стволом вверх и вправо. На этот раз сосредоточьтесь, чтобы избежать этой ошибки, крепче упритесь в землю ногой и попытайтесь устоять.

— Слишком уж о многом надо думать.

— А вы попробуйте. А то опять упадете, да и дерево жалко.

На этот раз Рэйфорд заткнул себе оба уха, поставил правую ногу чуть позади левой и слегка согнул ее в колене. И он действительно чуть не вздрогнул, когда спустил курок. Теперь его уже не оглушило выстрелом, он не упал и поэтому успел увидеть, как от верхушки камня откололся здоровый кусок. Обломок был примерно десять дюймов в диаметре и три в толщину.

— Кто сделал эту штуку?

— Кому надо знать, тот знает.

— Марка на нем не указана, — заметил Рэйфорд. — Как он называется?

— Люди, которые знают об этом пистолете, называют его саблей.

— Почему?

Альби пожал плечами:

— Наверное, потому, что вторую половину можно назвать ножнами. Когда их складывают вместе, это все равно что вложить саблю в ножны.

Альби показал, как снова собрать блок, засунул его в пакет и повез Рэйфорда обратно на рынок.

— Сейчас у меня нет с собой таких денег, — сказал ему Рэйфорд.

— Я поверю тебе на слово. Сможешь передать их через две недели?

— Мак передаст.

— Отлично... Ого!

Рэйфорд выглянул в окно. Дорога, ведущая к оживленному району вокруг базара, была перекрыта миротворцами Мирового Сообщества. Альби свернул на боковую улочку. Подъехав к кафе, он остановил машину и тяжело вздохнул. Рэйфорд качнулся вперед, уткнувшись лбом в ветровое стекло. Кафе было окружено толпой зевак, но внутри было пусто, если не считать столика, за которым Рэйфорд и Альби оставили Таттлов.

Труди сидела в той же самой позе, опустив голову на сложенные на столе руки. Но на ее затылке зияла дыра, а руки были покрыты кровью, еще капающей со столика. Рядом с ней лицом к Рэйфорду сидел высокий светловолосый веснушчатый Дуэйн. Его голова запрокинулась назад, руки были опущены, ладони раскрыты. На его лбу было маленькое круглое отверстие, а стул стоял в луже крови.

Рэйфорд схватился за дверную ручку, но Альби впился пальцами в его руку, словно зубьями капкана.

— Ты ничего уже для них не сделаешь, дружище. Не выдавай себя врагам. Дай телефон.

Словно во сне Рэйфорд протянул ему трубку, а потом сжал руки в кулаки и стукнул себя по коленям. Альби выехал из города в пустыню. Он о чем-то быстро говорил на родном языке, а потом выключил телефон и положил его на сиденье рядом с Рэйфордом.

Рэйфорд не мог разжать руки. Его голова пульсировала, запястья болели. Он скрипел зубами, в голове не осталось ничего, кроме гула. Ему казалось, что его мозги вот-вот взорвутся. Он даже молиться не мог. Силы покинули его, словно вода, ушедшая в водосток. Он безвольно обмяк на сиденье.

— Слушай меня внимательно, — сказал Альби. — Ты знаешь, что тот, кто это сделал, охотится за тобой. Они устроят засаду в аэропорту, и, возможно, тебя попытаются обстрелять, когда ты уже взлетишь. Ты умеешь управлять этим самолетом?

— Да.

— Я приказал своему человеку объявить, что из-за метеорологических условий и комендантского часа аэропорт закрывается. Он даст людям десять минут, чтобы уйти, а потом отключит светосигнальное оборудование. Он говорит, что возле твоего самолета никого нет, но в аэропорту полно народу. Когда мы туда приедем, там будет темно и, я надеюсь, безлюдно. И все же для надежности я высажу тебя раньше, а сам поеду к башне. До самолета будешь идти в темноте. А когда я услышу шум твоего двигателя, включу огни на взлетной полосе.

Рэйфорд не находил слов, он не мог даже поблагодарить Альби. Этот человек не был верующим. Но он ненавидел Карпати и был готов на все, лишь бы помешать его планам. Он мало что знал о Рэйфорде и много раз повторял, что не желает и знать. Но он рисковал своей жизнью, чтобы помочь Рэйфорду улететь, и Рэйфорд знал, что никогда этого не забудет.

Аэропорт уже виднелся вдали, когда погасли огни и вереница машин выехала с автостоянки. Альби остановил грузовик, кивнул Рэйфорду и указал рукой на погруженное в темноту взлетное поле. Рэйфорд взял сумку и собрался уже идти, как вдруг Альби схватил его за руку и достал блок. Он вытащил пистолет и протянул Рэйфорду обе части. Потом высыпал в ладонь запасные патроны и сунул ему в карман.

— На всякий случай, — сказал он, запиная пакет под сиденье.

У Рэйфорда снова сдавило горло, и он не смог произнести ни звука. Положив пистолет в один карман, а вторую половину блока в другой, он взял телефон и протянул руку Альби. Они обменялись крепким рукопожатием, и Альби сказал:

— Я знаю. Иди.

Рэйфорд шагал по песку и пожухлой траве в темноте, слыша только звуки своего дыхания. Когда, наконец, его горло отпустило, он начал постанывать с каждым вздохом. А потом взвыл сквозь зубы так громко и яростно, что даже закружилась голова. При-

мерно в сотне футах от самолета он услышал приближающиеся шаги и окрик:

— Рэйфорд Стил! Стоять! Мы агенты Мирового Сообщества!

— Нет! — рявкнул Рэйфорд и продолжил идти, сунув руку в карман, где лежал пистолет.

— Вы арестованы!

Он шел дальше.

— Стойте или буду стрелять!

Рэйфорд снова почувствовал покалывание в затылке. Неужели только этим утром он чудом избежал смерти от пули агента? Он повернулся, подняв оружие.

В слабом свете придорожного фонаря он увидел силуэт приближающегося вооруженного мужчины. Рэйфорд остановился.

— Не вынуждайте меня стрелять в вас! — крикнул он, но солдат продолжал идти.

Рэйфорд выстрелил ему под ноги, и пуля ударила в землю примерно в ярде перед ним. Взметнулась огромная туча песка, солдата отбросило назад, он перевернулся в воздухе и с громким криком упал на живот. Послышался лязг упавшего автомата. Рэйфорд в последний раз взглянул на лежащего неподвижно солдата и побежал к самолету.

— Господи, только бы он не умер! — воскликнул он, открывая дверь и ныряя вовнутрь. Он был весь мокрый от пота. — Я не хотел убивать человека!

Рэйфорд прыгнул в кресло пилота и включил двигатели. Самолет был полностью заправлен и готов к взлету, и тут же на взлет-

ной полосе загорелись огни. Рэйфорд схватил радиомикрофон.

— Все чисто? — спросил он, помня, что нельзя называть Альби по имени.

— Два полицейских вертолета в шести милях к северу, — пришел ответ.

Они могли догнать его в считанные секунды, но наверняка рассчитывают, что он сразу же свернет на запад и начнет набирать высоту.

Рэйфорд в последний раз посмотрел на летное поле. Солдат встал на ноги и, пошатываясь, оглядывался по сторонам, пытаясь прийти в себя и отыскать автомат. «Суперджет» плавно поднялся в воздух, и Рэйфорд долго летел на юг, ниже уровня радаров, пока не убедился, что его не преследуют. Тогда он включил двигатели на полную мощность, так что его вдавило в кресло, и развернулся на запад и вверх. Сильнее всего ему хотелось набрать максимальную скорость и оптимальную высоту и вернуться домой живым.

* * *

В Иллинойсе уже был полдень, когда Цион Бен-Иегуда выглянул в окно из своей комнаты на верхнем этаже убежища. Близились лето. Они недавно позавтракали вместе с Бизоном, Хлоей, малышом и Лией. Какой же она оказалась чудесной, теплой женщиной! Цион понять не мог, чем она так не нравится Рэйфорду. Ему она казалась очаровательной.

Он почти закончил свое обращение к верующим и уже начал окончательную вычитку, чтобы через несколько минут выложить его в Сеть. В своем сообщении он предупреждал о том, что чем ближе сентябрь, сорок второй месяц периода Скорби, тем более вероятно, что количество жертв последнего бедствия достигнет трети населения Земли. Он закончил работу над текстом с тяжелым сердцем и неожиданно почувствовал желание помолиться за своего старого учителя и соотечественника Хаима Розенцвейга.

— Отче, — начал он, — я теперь и не знаю, как мне молиться за своего друга. — И он стал цитировать: — Также и Дух укрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией. Благодарю Тебя, Господи.

И как только он открыл глаза, то подумал, что спит и видит сон. Все пространство за окном было заполнено всадниками. Сотни и тысячи их мчались мимо него. Головы у коней были как у львов, и изо рта их выходили огонь, дым и сера.

Цион писал о них, слышал рассказы очевидцев, втайне мечтал увидеть их собственными глазами. А теперь смотрел на них не мигая и хотел позвать остальных, особенно Бизона, которому так и не довелось до сих пор их увидеть, но голос куда-то пропал.

Средь бела дня под ослепительным солнцем мая огромные всадники выглядели злыми и решительными. Их яркие доспехи сияли, а наводящие ужас звери скакали рядом, переходя с рыси на галоп. Казалось, их время пришло. Прошлые нападения были лишь репетицией. Дьявольская кавалерия, ограниченная лишь правом выбирать себе жертв, мчалась по земле в свою последнюю атаку.

— Цион! — донесся снизу голос Бизона. — Быстрее! Посмотри в окно!

* * *

Рэйфорд включил автопилот. Его клонило в сон, но он боялся задремать, не доверяя технике до конца. Он взял телефон, чтобы позвонить домой, как вдруг что-то далеко внизу привлекло его взгляд. Пламя и клубы черного и желтого дыма поднимались над безграничными рядами всадников, мчащихся над океаном к земле.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Три месяца спустя

Август принес в Маунт-Проспект жару и влажность, и Рэйфорд целыми днями лежал пластом. Кондиционера в убежище не было, а после гибели половины населения Земли вся жизнь вокруг изменилась безвозвратно.

Вся атмосфера в доме была пронизана плохими предчувствиями. Все нервничали, срывались друг на друга. Малыш уже научился ходить и немного разговаривать, и только это и радовало. Но из-за жары Кенни стал очень капризным, и даже Цион не выдерживал и выходил из комнаты, когда ребенок поднимал крик и Хлоя не могла сразу его успокоить.

Если Восхищение праведников принесло людям боль из-за потери детей и близких, а великое землетрясение разрушило дома и

дороги, то последующие бедствия были еще хуже. Затмения Солнца, Луны и звезд, пожары на третьей части суши, отравленная вода, а теперь еще и истребление более миллиарда человек... Рэйфорд понять не мог, как они до сих пор не сошли с ума. А может, и сошли. Иногда ему в голову приходили совершенно безумные мысли. Что, если он сейчас проснется рядом со своей любимой, но недооцененной женой Ирэн, и двенадцатилетний Рэйми будет спать внизу, и Рэйфорд еще успеет стать для них таким мужем и таким отцом, каким должен быть? Может, это просто сон, как тот, который приснился старому мрачному скряге Эбенейзеру Скруджу из «Рождественской песни» Диккенса, с предупреждением, во что может превратиться жизнь Рэйфорда, если он не изменится?

Сумел бы он проснуться другим человеком, готовым посвятить свою жизнь Богу, стать достойным примером для своей дочери, жены, сына?

Это ведь возможно, да? Может, это просто ужасный кошмар? Рэйфорд знал, что возможности человеческого мозга ограничены и не рассчитаны на такие испытания, через которые пришлось пройти Рэйфорду. Он не хотел даже вспоминать о том, что видел и сколько друзей потерял. Смертный человек не может этого вынести, и все же ему пришлось.

Всех жителей Земли пригласили на всемирное торжество, которое должно состояться в следующем месяце в Иерусалиме. Как мог Карпати на это решиться? Как смеет

он устраивать праздник, когда последнее бедствие унесло больше людей, чем Восхищение праведников три с половиной года назад?

Цион советовал своим читателям не ехать на торжество, несмотря на то что пророчества предсказывали в этот день крушение всемирной религии, конец служения двух Свидетелей и даже гибель самого Карпати. Хотя Рэйфорд жил с Ционом под одной крышей, он тоже каждый день читал его послания. Про всемирное торжество Цион писал так:

«Как ни странно, меня тоже пригласили в качестве «международного политического деятеля». Все прощено, диссидентам объявлена амнистия, и нам гарантируют безопасность. Но знаете что, мои дорогие друзья, братья и сестры во Христе, я туда не поеду. Да, в пророчестве предсказано землетрясение, которое разрушит десятую часть города. Но я боюсь не за свое благополучие, потому что мое будущее известно, как известно и ваше, если вы верите в Христа, который дарует вам прощение и вечную жизнь.

Я не хочу становиться свидетелем даже столь уникального исторического события, так как знаю, что за ним стоит сам Сатана. Моя семья была убита в отместку за мой «грех», за то, что я публично объявил, что считаю Иисуса долгожданным Мессией. И все то время, пока мне пришлось бежать со своей родной земли к месту моего нынешнего изгнания, я чувствовал ужасающее

присутствие того, кто своей хитростью ввел смерть в мир.

В следующем месяце в Иерусалиме смерть будет витать в воздухе, друзья мои, в какой бы привлекательной обертке ни подавали нам это событие. И возмутительно, что предлогом для проведения торжества стало всеобщее примирение. С одной стороны, так называемый потентат запрещает проводить жертвоприношения в храме, потому что это нарушает принципы толерантности, пропагандируемые Всемирной церковью Сокровенного Вавилона. А с другой стороны, он предлагает отпраздновать соглашение между Мировым Сообществом и Израилем. Как это можно сочетать? Да, он сумел нагнать ужас на весь остальной мир и не допустил нападения потенциальных врагов на Израиль, но при этом поправил вековые традиции Израиля, надругался над его культурным наследием и религией.

Как и все жители Земли, я буду смотреть трансляцию праздника по телевизору или в Интернете. Но нет, мои дорогие, я не приму приглашения. Это событие станет началом второй половины периода Скорби, которая будет названа Великой Скорбью, потому что в сравнении с ней поблекнут все нынешние ужасы.

Даже контролируемые Мировым Сообществом средства массовой информации не могут больше скрывать горькой правды. Грехи и преступления вышли из-под контроля. Из-за недостатка рабочей силы, разрушен-

ных дорог и заводов людям не хватает товаров первой необходимости. И в то же время нет такого места на Земле, где не было бы борделя, салона, где проводятся спиритические сеансы и гадания, или языческого храма, воздвигнутого для поклонения идолам. Жизнь людей давно уже ничего не стоит, и наши сограждане каждый день погибают от рук мародеров, врывающихся в дома. Оставшихся в живых миротворцев слишком мало, чтобы поддерживать порядок, да и они или боятся вступать в противоборство с преступниками, или подкуплены ими.

Естественно, люди стремятся уйти от такой действительности, и можно лишь удивляться способам, которые они выбирают. Новые фильмы и телепередачи сейчас почти уже не снимают, но по сотням телеканалов круглосуточно транслируется порнография и всяческие извращения.

Мы предупреждены о наступлении этих темных дней, и я молюсь, чтобы вам хватило сил жить дальше и распространять правду об Иисусе до самого Его возвращения. Теперь почти все ваше время и силы будут уходить лишь на то, чтобы сохранить себе жизнь. Но я призываю вас подготовиться, заранее подумать о том, что вы будете делать, когда нарушением закона станет считаться не только посещение этого сайта и объявление себя верующим. Готовьтесь ко дню, когда от вас потребуют поставить себе на лоб или руку метку зверя только лишь для того, чтобы легально покупать и продавать товары.

Но знайте: вы совершите роковую ошибку, если убедите себя, что можно принять метку из соображений целесообразности, но втайне продолжать верить в Христа. Он сам сказал, что тот, кто отрекается от Него перед людьми, тот отрекается и перед Богом. И позже я объясню вам, почему принятие метки зла — это ошибка, которую уже не исправить.

Если вы верите в Христа как в своего спасителя, у вас уже есть Божья метка на лбу, заметная только для верующих. К счастью, эту метку тоже невозможно уничтожить, так что не бойтесь потерять ее. Ибо кто может отнять у нас любовь Христа? Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Вместе с апостолом Павлом я уверяю вас, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.

Так давайте же в разгар кар и бедствий возблагодарим Господа, который даровал нам победу через своего сына Иисуса Христа. И как говорится в Писании: «Итак, братья мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом».

Всегда тверд в любви к вам, ваш друг,
Цион Бен-Иегуда».

* * *

Хэтти сидела в тюрьме, ничего не зная о смерти сестры, и Рэйфорду казалось, что в этом есть и его вина. Убийство Дуэйна и Труди Таттл разбило ему сердце.

А то, что сделал Бо Хансон, узнав о гибели брата, стало последней каплей в чаше его отчаяния. Рэйфорд и Ти договорились, что новость передаст Ти. Все-таки Ти дружил с Бо, несмотря на все их разногласия, а Рэйфорд всегда его сторонился. Рэйфорд надеялся, что, утешая Бо в его горе, Ти сможет повлиять на его религиозные взгляды. А потом Рэйфорд извинился бы перед ним за свое отношение и вместе с Ти попытался бы привести Бо к Христу.

Со встречи с Бо Ти вернулся обнадеженным. Он рассказал, как позвонил ему, встретился с ним в его доме и рассказал о случившемся. Бо, заплакав, спросил про записку от Сэма.

— Я ответил, что это была фальшивка, сфабрикованная агентами Мирового Сообщества, Рэй, — рассказывал Ти. — Он поверил. Он много плакал и винил себя. Говорил, что ради денег послал своего брата на смерть. Но это ведь не так. Он просто втянул его в неудачную авантюру. Он был очень расстроен, когда я уходил, но согласился помолиться вместе со мной. Я подумал, что это огромный прогресс.

— Конечно, прогресс, — согласился с ним Рэйфорд, — но ты же сказал, что ничего

хорошего из этого не вышло. Так что же случилось?

Ти глубоко вздохнул:

— Вчера ночью Бо покончил с собой. Напился в баре, стал размахивать пистолетом, проклинал Карпати и весь мир, а потом застрелился.

Рэйфорд был безутешен.

— Я все равно что сам спустил курок, — сказал он.

Остальные участники Отряда Скорби все время повторяли: «Не вини себя», и в конце концов он с ними согласился. Он предпочел винить того, кого винил всегда: Николае Карпати.

Рэйфорд с головой ушел в изучение пророчеств о смерти Антихриста, но ни разу не спросил мнения или совета Циона. Он был настолько не в себе, что предпочел толковать Писание так, как ему хотелось, все больше и больше убеждаясь, что именно его Господь избрал для этой миссии. Когда он наткнулся на фразу «Кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом» и вспомнил, что, по мнению Циона, речь в этом стихе идет об Антихристе, Рэйфорда бросило в дрожь. Неужели эта фраза адресована ему? Далее в тексте говорилось о звере, «который имеет рану от меча и жив». Наверняка это связано с одной из голов чудовища, которая «как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела».

Он ничего не понимал. Да и кому это под силу? Но Рэйфорд решил, что может истол-

ковать эти строки даже без анализа Циона. Карпати будет смертельно ранен в голову мечом, а затем снова вернется к жизни.

Мечом? А как Альби назвал это сверхмощное орудие убийства, которое Рэйфорд спрятал за выдвигающимися кирпичами в фундаменте дома? Сабля.

Сможет ли... решится ли он? Действительно ли это его долг? Рэйфорд покачал головой. О чем он только думает?

* * *

Маку не хватало Рэйфорда. Рэйфорд был для него голосом разума, духовным наставником, примером для подражания. Маку нравились Давид и Энни. Отличные ребята. Но они слишком молоды. Абдулла — прекрасный пилот, но он может молчать целыми сутками, если о чем-нибудь его не спросить.

Жизнь была ключом, но хорошего в ней было мало. Полеты в крупнейшие столицы мира и бесконечные реверансы Фортунато в адрес десятерых царей уже вызывали у Мака тошноту. С трибуны, установленной прямо на бетонной площадке в аэропорту Найробы, Леон в цветистых выражениях обратился с приветствием к «новому члену мирового правительства, возглавляемого его святейшеством Николае Карпати и состоящего из многоуважаемых региональных потентатов, достопочтенному мистеру Еноху Литуале».

— То, что этого великого политического деятеля и известного пацифиста пропустили во время первоначального избрания регионального потентата Соединенных Штатов Африки, навсегда останется досаднейшей ошибкой в истории Мирового Сообщества. Но хоть мы и вышли на него слишком поздно, мы все-таки его отыскали, так ведь?

Толпа ответила восторженным ревом. Леон продолжал:

— Его святейшество Николае Карпати шлет народу Африки свои сердечные поздравления и высоко оценивает его вклад в дело мира. И я с огромнейшим удовольствием от его имени приглашаю вашего нового потентата в Иерусалим на всемирное торжество, которое состоится в сентябре!

Дождавшись, пока крики стихнут, Леон обратился к слушателям серьезным тоном:

— Мы пережили страшные времена и гибель множества людей. Но его святейшество не пожалел средств на величайший международный фестиваль, равного которому еще не было. Но мы не только будем отмечать середину срока мирного договора с Израилем, и я рад, что его святейшество разрешил мне сообщить вам эту новость. Его святейшество гарантирует... да, вы не ослышались — он гарантирует, что смертоносным бедствиям будет положен конец. Вы спросите меня, как это возможно? Потентат публично объявил о том, что, если двое так называемых Свидетелей не прекратят обрушивать кары и бедствия на Из-

раиль и весь остальной мир, он разберется с ними лично.

Это заявление повторялось в каждой столице и вызывало бурные восторги слушателей. Мак решил, что люди так устали от смерти и разрушения и так погрязли в собственных грехах, что радуются хоть какой-то передышке, прежде чем два обреченных пророка обрушат на них гнев небес. Но неужели Карпати действительно собирается их убить? Разве он не обещал этого раньше? И они выставили его идиотом. А теперь он даже дает гарантии. И созывает всех людей на торжество, несмотря на катастрофическую нехватку обслуживающего персонала.

— Мы станем свидетелями крутого исторического поворота и вернемся к идеям и целям идеального общества, — цитировал Леон слова Карпати и называл всемирное торжество первым шагом на этом пути.

Как странно, думал Мак, что сам Антихрист принимает участие в этом балагане, пытаясь очистить собственную репутацию. После восхвалений в адрес региональных потентатов Фортунато обещал от лица Мирового Сообщества улучшить работу всех организаций и служб.

— Мы будем работать больше и усерднее, — говорил он, — чтобы обеспечить все ваши потребности. Пройдет десять лет, и единственным напоминанием о катастрофическом падении населения останется лишь скорбь по близким, которых мы потеряли. Все наши нынешние проблемы уйдут в про-

шное, а совместный труд и новейшие передовые технологии помогут нам достичь такого уровня жизни, о котором мы могли лишь мечтать.

Затем представителям прессы разрешали сделать фотографии, на которых Фортунато с мрачным видом осматривал территории, пострадавшие от бедствий. Потом он целовал младенцев, объявляя их «будущим Мирового Сообщества». И наконец, под восторженные вопли толпы он приглашал регионального потентата подняться на борт роскошного «Феникса-216» для «конфиденциальной встречи на высшем уровне, на которой ваш руководитель сможет рассказать нам о проблемах и потребностях вашего региона».

Конечно, Фортунато внимательно выслушивал региональных потентатов и давал им столько обещаний, сколько не смогли бы выполнить и миллион Карпати. Но рано или поздно на каждой из встреч разговор заходил о «ситуации, касающейся Всемирной церкви Сокровенного Вавилона». Подслушивая, Мак пришел к выводу, что большинство региональных потентатов прекрасно понимали, о чем идет речь, как только Леон затрагивал эту тему. Несколько человек спрашивали, что за ситуация имеется в виду, но в любом случае к концу разговора становилось ясно, на кого из региональных потентатов Леон может рассчитывать. К удивлению Мака, у каждого из них обнаружилась та или иная причина для недовольства властолюбивым Петром Второго.

Это так поразило Мака, что он решил посоветоваться по телефону с Ционом, несмотря на разницу часовых поясов. Ему ответила Лия, потому что с недавнего времени весь обмен информацией осуществлялся через нее, и Мак заверил ее, что не обидится, если Цион не сможет выкроить для него время. Но уже на следующий день разговор по защищенной линии состоялся.

— Капитан МакКаллам, друг мой, я так благодарен вам за всю внутреннюю информацию, которую вы мне высылаете. Она очень облегчает мне работу и помогает многое понять. Что я могу для вас сделать?

— Я просто хотел задать вопрос, сэр. Я знаю, что Давид сообщил вам через Лию о плане настроить всех десятиерых царей против Петра Второго. Мы знаем, что не все цари верны Карпати, но каждый из них поддержал этот «антипетровский» заговор. То ли они просто морочат голову Фортунато, то ли я и вправду должен поверить, что все они обижены на Питера и готовы сплотиться против него?

— Отличный вопрос, капитан, и я не стал писать об этом в Сети, потому что, во-первых, это было бы опасно для вас, а во-вторых, это стало бы вмешательством в ход истории. Таких вмешательств следует избегать, и мы не должны пытаться помочь Богу или выполнить за Него то, что Он нам обещал. Если сказано, что что-то должно произойти, оно произойдет. А что касается десятиерых царей и их готовности тайно сплотиться против Петра Второго, об этом написано в Библии. Бог

сам осуществляет свои планы. Как в Ветхом Завете Он использовал войска язычников, чтобы покарать свой собственный народ, а в наши дни — полчища демонов, чтобы привлечь внимание неверующих, точно так же Он использует и этих царей. В семнадцатой главе Откровения сказано: «И десять рогов, которые ты видел на звере» (это цари, Мак) «возненавидят блудницу» (а это церковь, возглавляемая Петром Вторым) «и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне». А теперь слушайте внимательно, капитан. В следующем стихе содержится ответ на ваш вопрос. Вот причина, по которой они смогли прийти к соглашению, хотя на самом деле все они эгоисты, мало о чем способные договориться. Вот, я читаю: «Потому что Бог положил им на сердце — исполнить волю Его, исполнить одну волю, и отдать царство их зверю, доколе не исполнятся слова Божии».

— Ух ты!

— Разве это не удивительно? Мы видим собственными глазами, как исполняются пророчества.

— Спасибо, сэр.

— Все эти цари пришли к единому решению, потому что так им велел Бог. И вы знаете, что это приведет к падению Питера, так ведь?

— Я так и понял.

— Вопрос лишь в том, как и когда это произойдет.

— Я примерно представляю, — сказал Мак.

— Правда? — удивился Цион.

Мак рассказал ему о личной беседе Лео-на с недавно назначенным царем, кенийцем Енохом Литуалой. Фортуноато выслушал перечень требований и предложений Литуалы, сделал записи, сказал все то, что, по его мнению, Литуала хотел бы услышать, а затем перешел к проблеме Петра Второго:

— Его святейшество попросил меня поднять в личном разговоре с вами очень деликатную тему. Он очень высоко оценивает вашу мудрость и умение извлекать пользу из сложившихся обстоятельств, но подобная ситуация может оказаться для вас внове. Известно ли вам о, скажем так, сомнениях некоторых региональных потентатов касательно Петра Второго?

Литуала ответил так быстро, что Мак вздрогнул и крепче прижал к уху наушник.

— Я не знаю, что думают мои коллеги, и меня это не волнует, — заявил Литуала, — но я скажу за себя и скажу искренне. Я презираю этого человека. Это самовлюбленный лицемер. Он получает такую кучу денег для своей церкви, что ее хватило бы, чтобы благодетельствовать всех моих соотечественников. Я не думаю, что он верен его превосходительству потентату и...

— В самом деле?

— Как только он узнал, что меня собираются назначить на этот пост, он прилетел ко мне, по-моему, на этом же самолете. Ведь раньше это был его самолет?

— Да.

— Он хочет играть более значительную роль в мировой политике, а не только в религии и попытался заручиться моей поддержкой. Я ничего ему не ответил. Я считаю, что у него и так слишком много власти. Так зачем мне ему помогать? Я сказал, что подумаю над его предложением и если мне окажут столь высокую честь и утвердят на этом посту, то я посоветуюсь с более опытными региональными потентатами. Ему понравились мои слова. Он попытался вытянуть из меня какие-нибудь негативные отзывы в адрес его превосходительства, но я больше слушал, чем говорил. Я не спорил с ним, но в то же время не стал делиться с ним своим мнением. Я решил, что так будет умнее.

— Отличное решение, потентат Литгуала. Он уверен, что остальные региональные потентаты поддерживают его, и, вероятно, предположил, что вы займете сторону большинства. Вы согласны, что он может представлять опасность для руководства Мирового Сообщества?

— Не может представлять, а представляет.

— Что бы вы посоветовали нам сделать? Считайте, что этот вопрос задает его святейшество.

— Ему не понравится то, что я думаю.

— Не факт.

— Вряд ли его святейшество одобрит мое желание избавиться от Питера.

— Под словом «избавиться» вы подразумеваете сместить?..

— Под словом «избавиться», верховный главнокомандующий, я подразумеваю избавиться.

Наступила тишина. Затем снова заговорил Литуала:

— Моя беда в том, что я мало кому доверяю. После всего, что мне пришлось вынести от Рехобота и...

— Я уверяю вас, что остальные региональные потентаты с вами согласны, — сказал Леон.

— Они согласны избавиться от него?

— Согласны.

Очередная пауза.

— Но кто из них это сделает?

— Вам нужно поговорить об этом с ними.

— Нужно так это организовать, чтобы мы сделали это сообща. Чтобы исключить возможность предательства и чтобы все были замешаны одинаково.

— Чтобы все приняли участие в организации?

— Нет, — сказал Литуала, — чтобы все несли равную ответственность.

После того как Литуала покинул самолет, Мак услышал, как Фортунато говорит по телефону с Карпати.

— Так вы выбрали для этой цели нового африканского потентата?.. Вы проверили?.. Не может быть. ...Ну вы даете!.. Потрясающе! А со мной вы когда-нибудь такое проделывали?.. Внушали какую-нибудь мысль?.. А что именно он предложит?.. Все десять?.. Одновременно? Чтобы ни один из

них не мог свалить вину на другого? Великолепно!

Мак позвонил Давиду:

— Ты прослушиваешь телефон Карпати?

— Постоянно.

— Послушай запись. Помнишь, Бизон Уильямс рассказывал, как Николае внушал людям, что они должны увидеть и запомнить? Мне кажется, Николае только что признался Леону, что сделал нечто подобное.

— Они еще разговаривают?

— Да.

— Я послушаю их вживую, Мак. Удачного полета.

Когда Давид подключился к телефону Карпати, Николае и Леон уже заканчивали разговор.

— Так я буду совершенно чист, — говорил Карпати. — Никто ничего не расскажет, оружия нет, тела нет. Если возникнут вопросы, в пепле останется достаточно ДНК, чтобы установить личность, но вряд ли это понадобится, ведь Питер нигде больше не объявится.

— А кто подтвердит диагноз? Разве они осмелятся к кому-нибудь обратиться?

— Подумай, Леон! Густав.

— Ах да! Доктор Густав. Зачем кого-то приглашать со стороны, когда один из десяти потентатов сам может выписать свидетельство о смерти? Я говорил вам, что вы гений, ваше святейшество?

— Возможно, но даже уверенному в себе человеку приятно выслушивать комплименты.

— Отличная идея, правда! Иначе не назовешь.

— Спасибо, главнокомандующий. Удачного полета.

Давид ухмыльнулся, услышав то же пожелание, которое он сказал Маку. Прощание друзей. Дэйв и Мак, Ник и Леон. И те и другие играют, пытаются перехитрить противников. Он вздохнул. Разница между ними лишь в их отношении к Богу.

Давид торопливо переключился с прослушивания разговора на прослушивание записи и отмотал к началу, когда Фортунато спросил:

— Так вы выбрали для этой цели нового африканского потентата?

— Давно уже выбрал, — ответил Карпати. — Я заметил его, когда впервые вошел в здание ООН. Пришлось только дождаться, пока он переживет Рехобота и Нгумо. Он очень легко поддается внушению.

— Вы проверили?

— Еще в самом начале. Я однажды загипнотизировал его по телефону. Сказал, что он будет мне беззаветно предан, что мои враги станут его врагами, а мои друзья — его друзьями.

— Не может быть.

— Тебе нужны доказательства? Он же согласен избавиться от Питера, причем избавиться в буквальном смысле.

— Ну вы даете!

— Зато он пожелал, чтобы в деле участвовал каждый из них, вся десятка. Как тебе это нравится?

— Потрясающе! А со мной вы когда-нибудь такое проделывали?

— Что именно?

— Внушали какую-нибудь мысль?

— Мне это не нужно, Леон. Ты мой самый преданный друг и советчик. С Енохом мне пришлось полностью проговорить весь план. Он будет думать о нем, потом предложит именно то, что я вложил ему в голову.

— А что именно он предложит? — спросил Леон.

— Встречу в Иерусалиме утром перед праздником. Он пригласит Питера и скажет, что они хотят обсудить его кандидатуру на пост потентата Мирового Сообщества, если им удастся осуществить свой замысел. На встрече будут присутствовать только Питер и региональные потентаты.

— Все десять?

— Да. И состоится встреча в новомодном «Гранд-отеле Мирового Сообщества», где делают скульптуры из льда. Специально для встречи они закажут огромную скульптуру Питера в образе могущественного ангела, в натуральную величину, с огромными крыльями. Они повосхищаются скульптурой и каждый отломит себе по большому перу с острым краем, а пока Питер будет стоять разинув рот, все они пронзят его с разных сторон.

— Одновременно? — уточнил Леон. — Чтобы ни один из них не мог свалить вину на другого? Великолепно.

— Орудия убийства растают, тело доставят в крематорий в мешке, который принесет

с собой скандинавский потентат Густав. Тело сожгут, чтобы предотвратить распространение смертельно опасного заболевания, вызывающего кровотечение из слизистых оболочек.

— И это объяснит пятна крови в конференц-зале.

— Вот именно! Так я буду совершенно чист. Никто ничего не расскажет, оружия нет, тела нет. Если возникнут вопросы, в пепле останется достаточно ДНК...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Бизон стоял под холодным душем.

Давно они с Хлоей так не ссорились.

— Я знаю, что нам всего три с половиной года осталось, — сказала она, — но неужели ты думаешь, что мне хочется растить ребенка в одиночку?

— Ничего плохого не случится, — возразил Бизон и потянулся к ней.

Она отвернулась.

— Ты уезжаешь. По тебе же видно, как ты хочешь поехать. Я люблю Хаима, но он не должен был об этом просить.

— Если не поеду я, то поедет Цион, а нам это совершенно не нужно.

Хаима Розенцвейга пригласили принять участие во всемирном торжестве в качестве почетного гостя. Хаим попросил Иакова сообщить об этом Отряду Скорби, и тот оставил на сайте Циона зашифрованное послание. Лия обнаружила его почти случайно.

— Это может что-то означать? — спросила она у Рэйфорда однажды ночью, когда они оба работали за своими компьютерами на кухне. — Инициалы не могли совпасть случайно?

Она повернула к нему свой ноутбук. Ее внимание привлекло одно из тысяч сообщений, которые каждый день появлялись на сайте; в некоторых из них были благодарности доктору Бен-Иегуде, в некоторых — вопросы к нему, критика или угрозы. Одной из обязанностей Лии было читать сообщения и отделять те из них, которые требовали личного ответа. Таких было меньше всего. Одно из сообщений было очень кратким и содержало любопытные инициалы. Оно гласило: «К.(Б.)У., позвони Я. насчет босса». И подпись: «м.Х.»

— Я не знаю, кто такой этот «Я.» или что может означать «м.Х.», — сказала Лия, — но много ли людей знают, что с Кэмероном Уильямсом можно связаться через этот сайт? Или это просто совпадение?

Рэйфорд взглянул на текст и позвал Бизона. Они втроем уселись за компьютер Лии и уставились в монитор. И вдруг Бизон вскочил.

— Иаков! — воскликнул он. — Хитро придумал. Он муж Ханнелоры, и он хочет поговорить о Хаиме.

Бизон проверил, сколько сейчас времени, и начал набирать номер. В Израиле было уже семь утра. А Иаков всегда вставал рано.

— Его пригласили на торжество, — торопливо сообщил Иаков. — Все мы думаем, что

ему нельзя ехать. В последнее время он плохо себя чувствует, почти не спит. И выглядит ужасно. Отговори его.

Судя по голосу, Хаим действительно был нездоров. Он пытался шутить, но его голос казался слабым, а речь иногда становилась почти неразборчивой.

— Я обязательно поеду, Кэмерон, но я заявил, что меня будут сопровождать мой слуга и два гостя. Мне разрешили взять с собой кого угодно. Стефан панически боится Карпати и говорит, что скорее уволится, но со мной не поедет. Иаков согласился быть при мне и слугой, и водителем.

— Доктор Розенцвейг, вам не следует это делать. Вы же читали предупреждения Циона и...

— Цион пишет свои предупреждения для тех, кого Мировое Сообщество называет его сторонниками. Я люблю Циона, но если я и считаю себя его сторонником, то в несколько другом смысле. Я поеду на праздник, но хочу, чтобы ты и Цион были там рядом со мной.

Бизон закатил глаза.

— Простите меня, доктор, но это смешно. Мы оба объявлены вне закона и не доверяем гарантиям безопасности Карпати.

— Мне сказали, что я могу привезти с собой любых гостей.

— Они не знали, кого вы имели в виду.

— Кэмерон, мы ведь друзья, правда?

— Конечно.

— А ты не просто журналист и знаменитость, дающая интервью, так ведь?

— Конечно, но...

— Ты — космополит. Но ты должен знать, что в моей стране считается крайне невежливым отклонять приглашения. Я приглашаю тебя и Циона посетить торжество вместе со мной, и если вы откажетесь, я сочту это оскорблением.

— Доктор, у меня семья. А у доктора Бен-Иегуды есть миллионы читателей, которые...

— Вы оба приедете со мной! Режим Карпати виновен во множестве преступлений, но покушаться на такого человека, как Цион, в присутствии почетного гостя...

— Я говорю вам прямым текстом: Цион не поедет. А что касается меня, я еще не решил. Может, он и захочет выполнить вашу просьбу, потому что любит вас, но с моей стороны было бы безответственностью...

— А ты меня любишь, Кэмерон?

— Да, настолько, что могу сказать вам прямо...

— Я не стану приглашать Циона, если буду знать наверняка, что ты приедешь.

Бизон колебался.

— В любом случае мне придется ехать под чужим именем. И хотя выгляжу я не так, как раньше, и смогу пройти таможеню, я не пойду на праздник вместе с вами, если вы будете сидеть рядом с руководством Мирового Сообщества. Они меня сразу узнают.

Хаим умолк. А потом сказал ему:

— Очень жаль, что два моих ближайших друга, которые уверяли, что любят меня...

— Сэр, не надо. Так не честно. Вы хотите заставить меня приехать, надавив на чувство вины? Разве можно так делать? Вы хоть немного подумали обо мне, о моих жене и ребенке?

Розенцвейг, казалось, даже не услышал упоминания о семье, и это было совершенно на него не похоже.

— А что скажет Цион, если ты передашь ему, что я согласен стать бен-иегуистом?

Бизон вздохнул.

— Во-первых, он ненавидит это слово всей душой. И уж кто-кто, а вы должны знать, что дело не в Ционе и не в желании завербовать как можно больше сторонников. И использовать свою бессмертную душу в качестве разменной монеты...

— Кэмерон, разве я когда-нибудь о чем-то тебя просил? В течение многих лет я верил, что ты искренне мной восхищаешься. И мне кажется, я ни разу не злоупотребил твоим отношением ко мне. Правда ведь?

— Да, и поэтому я...

— Но ведь ты журналист? Как ты можешь пропустить такое событие?

У Бизона не было ответа. На самом деле он мечтал поехать на праздник с тех пор, как впервые о нем услышал. Ему трудно было поверить, что Карпати сам организует мероприятие, на котором должны сбыться столько пророчеств. Но всерьез Бизон о поездке не думал. Правда, совсем недавно он слетал в Израиль и вернулся без малейших проблем. Но Хлоя? Кенни?

Отношение Циона к празднику? Нет, о том, чтобы поехать, даже речь не шла.

Но теперь Хаиму удалось пошатнуть его уверенность. Кем бы он ни был — язычником или верующим, одиноким или женатым, бездетным или отцом, в первую очередь он был журналистом. Он был очень любопытным еще в раннем детстве — любил совать нос в чужие дела, как говорили его друзья и родители, — когда понятия не имел о том, что свои открытия можно публиковать в прессе. Его коньком были репортажи с места событий, и счастлив он был только там, где кипит жизнь, а не прячась в убежище.

Розенцвейг заметил его сомнения и понял, что Бизон заглотнул наживку, и достаточно слегка потянуть леску, чтобы насадить его на крючок.

— Я же не говорю, что не хочу туда поехать, — тихо ответил Бизон, ненавидя себя за жалобные нотки в голосе.

— Так ты поедешь? Это так много для меня значит...

— Я не могу принять такое решение, не посоветовавшись с остальными, — возразил Бизон и понял, что на самом деле все уже решил. Он больше не отказывался наотрез, а размышлял о том, как лучше осуществить свой план.

— Вот еще одно различие между нашими культурами, — заметил Хаим. — Ближневосточный мужчина — сам себе хозяин, он сам принимает решения и не спрашивает...

— Нас не должны видеть вместе, — сказал Бизон.

— Я буду счастлив просто знать, что ты где-то рядом, Кэмерон, и, конечно же, мы сможем встретиться наедине и пообщаться. Я не стану приглашать Циона и не буду больше откладывать наши разговоры о Боге.

— Для этого я вам не нужен, доктор. На самом деле я хотел бы, чтобы, прежде чем отправляться на праздник, вы...

— Такие вопросы я предпочитаю обсуждать лично, Кэмерон. Ты же меня понимаешь?

Бизон не понимал, но он боялся, что чем длиннее будет разговор, тем больше он сделает уступок. Он и так был уверен, что остальные участники Отряда Скорби сильно на него рассердятся, и поэтому решил выдвинуть хотя бы одно последнее требование.

— У меня есть одно условие, — заявил он.

— Ох, Кэмерон, ты же не собираешься в последний момент передумать?

— Я хочу, чтобы на второй день торжеств вас там не было.

Хаим замолчал, но Бизон слышал, как он шелестит какими-то бумагами.

— Торжество продлится пять дней, — сказал наконец Розенцвейг, — всю следующую неделю с понедельника по пятницу. В понедельник отмечают годовщину договора. Николае хочет, чтобы я тоже присутствовал. Во вторник состоится праздник на Храмовой горе, который, я боюсь, перерастет в схватку между ним и двумя твоими

друзьями-проповедниками. Поэтому ты хочешь, чтобы я туда не пошел?

— Да.

— Обещаю.

— Спасибо, сэр.

— В приглашении меня просят почтить своим присутствием церемонии открытия и закрытия праздника. Это вечера понедельника и пятницы.

— Я бы предпочел, чтобы вы не ходили туда вообще.

— Но ты же пойдешь!

* * *

Энни и Давид стали еще ближе друг другу. Однажды она призналась, что иногда ей кажется, будто он гораздо больше ценит в ней соратника по борьбе, чем любимую женщину. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что, кроме них, в коридоре никого больше нет, Давид обхватил ладонями ее лицо и прижался носом к ее носу.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Если бы не конец света, я бы на тебе женился.

— Это что, предложение?

— Хотел бы я сделать тебе предложение. Но ты же представляешь, в каком постоянном напряжении я живу. Впрочем, ты тоже. Единственные верующие кроме нас, которых я тут знаю, — это Мак и Абдулла, а тех двух женщин из кладовой кто-то сдал прошлой ночью.

— О нет! Я с ними даже не разговаривала ни разу. Наверное, они думали, что, кроме них, тут верующих нет.

— Этим утром их отправили в Брюссель.

— Ой, Давид!

— Вряд ли мы здесь долго продержимся. Не знаю точно, когда от нас потребуют, чтобы мы приняли метки, но тогда нам сразу же придется бежать.

— Я хочу быть твоей женой, пусть даже всего на пару лет.

— И я тоже этого хочу, но мы не можем пожениться, пока не будем знать, сможем ли мы выбраться отсюда вместе. Если одному удастся сбежать, а второму нет, что это будет за жизнь?

— Я знаю, — ответила Энни. — Скорее всего, когда Карпати захочет заклеить тех, кто ему предан, мы узнаем об этом первыми. Ты же понимаешь, что он начнет с дворца.

— Скорее всего.

— Кстати, Давид, надо бы предупредить американцев, что если им нужно куда-то поехать, то лучше сделать это сейчас. Я видела документ, который разослали миротворческим силам по всему миру. Сейчас объявлен мораторий на аресты и задержания врагов Мирового Сообщества до окончания торжеств.

* * *

Скрыть от Циона разговор с Розенцвейгом, конечно же, не удалось, и с тех пор, как

Цион узнал о его просьбе, он все время был в подавленном настроении.

— Я не вправе тебе указывать, Бизон, — сказал он в присутствии Рэйфорда, — но я надеюсь, что твой тесть тебя переубедит.

— Если честно, — заявил Рэйфорд на следующем собрании, — я и сам хотел бы поехать с Бизоном.

— Ты его отпускаешь, — упрекнула его Хлоя, сидевшая с ребенком на руках. Кенни обернулся к ней и закрыл ладонями ее лицо. Ей пришлось повернуть голову. — Я не верю своим ушам. Так почему бы тебе и вправду не поехать вместе с ним, пап? А может, мы все поедем? Раз уж мы все равно до конца периода Скорби не доживем, так зачем мучиться? Если уж делать Кенни сиротой, так давайте все погибнем, включая даже бабушку!

— Кенни! — воскликнул ребенок. — Деда!

Рэйфорд похлопал себя по бедрам, и Кенни слез с рук Хлои и подбежал к нему. Рэйфорд подбросил его вверх, заставив радостно взвизгнуть, а потом усадил к себе на колени.

— На самом деле я хочу съездить в другое место.

— Великолепно, — съязвила Хлоя. — Значит, будем голосовать еще раз, или поедем освобождать Хэтти безо всякого голосования?

— Тут ни о какой демократии речь не идет, — возразил Рэйфорд и по брошенному

на него взгляду Циона понял, что сказал что-то не то. Мальчик слез с его рук и поковылял в соседнюю комнату. — Мы с Лией посоветовались и...

— Лия тоже едет? — возмутилась Хлоя. — Я же без нее как без рук!

— Я не надолго, — заверила ее Лия.

— Вы что, сговорились?

— Да, это скорее объявление, чем повод для спора, — ответил Рэйфорд.

— Я так и поняла. В таком случае делай свое объявление.

Рэйфорд заговорил, тщательно выбирая слова, потому что боялся выдать свои истинные желания. На самом деле он хотел поехать в Иерусалим, прихватив с собой свою «саблю».

— Нам нужно передать сообщение Хэтти. Я чувствую себя ответственным за ее судьбу, я хочу убедиться, что она жива и здорова, передать ей, что мы на ее стороне, и выяснить, не можем ли мы чем-нибудь ей помочь. Но, самое главное, я хочу убедиться, что она нас не выдала.

Даже Хлое нечего было на это возразить.

— Она должна узнать о смерти сестры, — сказала она. — Но ведь Мировое Сообщество тебя разыскивает, папа.

— Женщину они вряд ли заподозрят. Мы подумываем о том, чтобы выдать Лию за тетку Хэтти со стороны матери, изменить ей внешность и, конечно, добыть ей новые документы. Она скажет, что каким-то образом узнала о том, где находится Хэтти. Если

они не знают, что Лия одна из нас, то зачем запрещать ей свидание с «племянницей»?

— Но почему именно сейчас, папа? Ведь Бизон тоже уедет.

— Давид сказал, что сейчас наилучшее время. Очень скоро мы уже не сможем никуда путешествовать.

— Это правда, — подтвердил Цион.

Рэйфорд взглянул на него с удивлением, и остальные тоже.

— Я не поддерживаю твой план, — сказал Цион. — Но что, если эта бедная девочка умрет в тюрьме вдали от Бога, после того как так долго жила с нами под одной крышей? — Его голос дрогнул. — Не знаю, почему Господь дал мне столько сочувствия к этой женщине.

Хлоя покачала головой; Рэйфорд видел, что она очень расстроена, но не решается возразить.

— Ты считаешь, что мне слишком рискованно лететь на «суперджете», поэтому он подготовит «гольфстрим».

— Я вижу, ты и об этом договорился, — буркнула Хлоя. Рэйфорд почувствовал в ее словах скрытое восхищение; похоже, она смирилась с тем, что если он что-то задумал, то непременно это осуществит.

— Бизон может вылететь с нами в Брюссель — это сэкономит нам некоторое количество долларов, а оттуда коммерческим рейсом отправится в Тель-Авив. Я залягу на дно где-нибудь в Бельгии и встречу с Лией, когда она будет готова.

— Может, Бизон и вернется вместе с вами? — предложила Хлоя. — Если вы согласны дождаться его в Брюсселе.

— Возможно, — сказал Рэйфорд. — А ты хочешь?

— Хочу ли я, чтобы он летел домой вместе с моим папой, а не на коммерческом рейсе, когда самолеты падают постоянно? Да, хочу. Конечно, я предпочла бы, чтобы он вообще никуда не летел, но, наверное, я хочу слишком многого.

* * *

На борту «Феникса-216» царило праздничное настроение, когда субботним утром Мак и Абдулла с полной загрузкой вылетели в Израиль. Казалось, что в самолете собралась вся правящая верхушка, а Николае был просто в ударе. Мак слышал, как Леон хлопнул в ладоши, пытаясь привлечь всеобщее внимание.

— Приветствую вас всех, — объявил он. — А особенно я рад поприветствовать нашего дорогого гостя, который так бескорыстно пожертвовал его превосходительству этот замечательный самолет.

Раздались вежливые аплодисменты, и Мак пожалел, что не может видеть сейчас лицо Питера Мэтьюза.

— Не хотите сказать пару слов, первосвященник, прежде чем его святейшество выступит с речью?

— Да, спасибо, верховный главнокомандующий. Я... то есть мы, представители церкви Сокровенного Вавилона, ждали этого праздника с большим нетерпением. Как вы знаете, Израиль оказался одной из последних территорий, жители которой приняли наши идеалы. Я верю, что у нас будет возможность достойно представить израильтянам нашу всемирную религию и что уже через неделю количество наших прихожан значительно увеличится. Так же я искренне рад любой возможности бросить вызов диссидентам, и если вспомнить историю двух проповедников и их союзников иудаитов, то Израиль — самое подходящее для этого место. Я счастлив, что лечу туда вместе с вами.

— Спасибо, первосвященник, — поблагодарил его Леон. — А теперь, ваше святейшество...

Карпати был переполнен радужными ожиданиями.

— Я поздравляю и приветствую каждого из вас, — начал он. — Я верю, что наступит день, когда мы будем вспоминать эту неделю как начало нашего звездного часа. Да, мы вместе со всем миром страдали от бедствий и катастроф. Но наше будущее безоблачно. Мы знаем, что нам нужно делать, и мы делаем это. А пока развлекайтесь. Это праздник, это фестиваль! Никогда еще личная свобода человека не ценилась так высоко. И позвольте сообщить вам, что в Иерусалиме достаточно мест, где вы сможете удовлетворить самые разнообразные свои желания.

Наслаждайтесь и получайте удовольствие. Покажите всему Мировому Сообществу, что мы не утратили способности радоваться жизни, даже пройдя через невзгоды и хаос. Так устроим же праздник, какого еще не видел мир! Многие из вас приняли участие в организации развлекательных мероприятий, и я благодарю вас за это. Я и сам жду не дождусь начала торжеств.

Маку и Абдулле выделили два соседних номера в великолепном отеле «Царь Давид», в котором Карпати снял целых два этажа. Остальные члены его свиты заняли ближайшие и не менее роскошные номера. Десять региональных потентатов должны были разместиться в «Гранд-отеле», который располагался неподалеку.

В течение двух дней, предшествовавших официальному открытию праздника, экипажу пришлось совершить несколько полетов на двести шестнадцатом в Тель-Авив. Ранним утром понедельника они помогали организовать доставку из аэропорта Бен-Гурион в Иерусалим региональных потентатов и их многочисленных сопровождающих. Затем Мак помогал службе безопасности Мирового Сообщества выгружать металлодетекторы, которые Давид разместил в грузовом трюме. Их установили по обеим сторонам огромной сцены, воздвигнутой в полумиле от Храмовой горы и Стены Плача. Через эти металлодетекторы предстояло пройти всем, кто поднимется на сцену, — от участников представления до почетных гостей.

Сцена была поднята на двенадцать футов над землей и ее ширина составляла примерно сотню футов. Сверху над ней было натянуто огромное полотнище из зеленого брезента — для защиты от солнца, а на массивных деревянных опорах размещались мощные динамики, чтобы донести речи и музыку до двух миллионов зевак. На огромном занавесе такого же цвета, как и тент, были изображены надписи на самых распространенных языках мира. Приветствия делегатам, даты проведения пятидневного всемирного торжества и огромные сверкающие лозунги Мирового Сообщества.

Самая крупная из надписей, нанесенных на заднике сцены, гласила: «Единый мир, единая истина: личная свобода для каждого». Повсюду, на каждом столбе, стене или заборе, висел лозунг «Сегодня — первый день Утопии».

Пока Мак и Абдулла помогали устанавливать металлодетекторы, на площадке уже начали репетицию музыканты и танцевальные коллективы. Мак наклонился к Абдулле и прошептал:

— У меня, наверное, галлюцинации. Вон та девушка, вторая слева, никого тебе не напоминает?

— Я пытаюсь на них не смотреть, — ответил Абдулла. — Но раз уж ты настаиваешь... Ой, конечно, напоминает. Но это же невозможно. Правда?

Мак покачал головой. Хэтти была в Брюсселе. Они знали это наверняка. Эта женщи-

на всего лишь выделялась среди остальных танцовщиц, потому что выглядела немного старше. Большинство из них были совсем подростками.

Начальник службы безопасности напомнил музыкантам и танцорам, что никого из них не выпустят на сцену вечером в понедельник, пока они не предъявят удостоверения личности и не пройдут через металлодетекторы.

— Если у вас на одежде будут кнопки, пряжки или металлические украшения, вам придется их снять и отдать на проверку.

Во время инструктажа сотрудников службы безопасности Мак услышал, как начальник отдает распоряжения группе охранников в штатском, которым предстояло по-сменно дежурить перед сценой.

— Не двигайтесь с места, — говорил он, — особенно когда со сцены будет выступать потентат. Если будете загораживать обзор кому-то из зрителей, пусть они перемещаются, а не вы. Вы должны стоять полукругом, по восемь человек, в четырех футах друг от друга; руки должны лежать на ремне. Глядеть прямо перед собой, никаких разговоров, улыбок, жестов. Если вас вызовут в микрофон, вслух не отвечать. Просто делайте, что прикажут.

У Мака совсем испортилось настроение, пока он шел к микроавтобусу, который должен был отвезти их с Абдуллой обратно в отель. Он обернулся и посмотрел на сцену, от которой его отделяла широкая полоса

асфальта. Там под оглушительную музыку сладострастно извивались девушки из танцевальной группы.

— Вот тебе новый мир, Абдулла. Вот личная свобода, которую разрешило нам мировое правительство.

— Не только разрешило, но и празднует, — заметил Абдулла. Вдруг он остановился и прислонился к ограде. — Капитан, бывают дни, когда я мечтаю о рае. Я не хочу умереть, особенно так, как умирали люди на моих глазах. Но дожить до Второго пришествия будет непросто.

Мак кивнул.

— То, что случилось с Таттлами, ужасно. Но они, наверное, даже не успели понять, что с ними произошло. И проснулись в раю.

Абдулла поднял лицо к солнцу и безоблачному небу.

— Господи, прости меня, но я хочу себе такой же смерти. Быстрой и безболезненной.

Музыка стихла, и Мак услышал, как в полумиле от них проповедуют Эли и Моше, но не мог разобрать слов.

— Мне много о них рассказывали, — сказал он. — Наверное, нам не стоит рисковать и подходить к ним.

— Я хотел бы на них посмотреть, — признался Абдулла. — Может, мы пойдем в отель пешком и хотя бы пройдем мимо них? Мы не станем присоединяться к толпе, просто увидим то, что успеем увидеть, и услышим то, что успеем услышать.

— Молчи, Смитти.

На своем пути Мак и Абдулла проходили мимо баров, стриптиз-клубов, массажных кабинетов, борделей, языческих святилищ и салонов, где предсказывали судьбу. В городе, где история религии исчислялась тысячами и где, как и во всем остальном мире, половина населения была уничтожена после Восхищения праведников, эти заведения работали совершенно открыто. Они не были размещены в бедной, нереспектабельной части города. Они не скрывались под покровом темноты, не впускали клиентов с черного хода. Напротив, когда почти весь Святой Город ветшал и разрушался из-за нехватки рабочей силы, здесь сияли витрины, бросались в глаза яркие вывески, кричащие о всевозможных извращениях и плотских грехах.

Мак невольно ускорял шаг, несмотря на все еще сильную хромоту Абдуллы, и они оба спешили к Храмовой горе и двум Свидетелям, словно из холодной зимы в весну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Как и остальные обитатели убежища, Бизон не мог понять, что за отношения связывают его тестя и Лию Роуз. Казалось, она раздражает Рэйфорда, но при этом он высоко ценил ее вклад в деятельность Отряда Скорби, не говоря уже о деньгах, которые она внесла.

Рэйфорд часто вступал с ней в перебранки, и она не оставалась в долгу. Но при этом они все больше и больше времени проводили вместе. Объявление Рэйфорда о том, что он собирается лететь в Брюссель с Лией, по мнению Бизона, многое прояснило. Похоже, Рэйфорду нужно было, чтобы Лия сделала для него кое-какую работу, и она с радостью согласилась. Наверное, кроме этого, между ними ничего и нет.

Зак-младший, он же Зет, сделал для Лии прекрасный набор документов. Она освет-

лила волосы, подобрала темные контактные линзы и специальную накладку на зубы, которая меняла ей прикус, но не особенно портила внешность — все это полностью ее преобразило. Теперь ее звали Донна Кленденон, она была родом из Калифорнии и побывала замужем за одним из братьев матери Хэтти Дюрхем. Ей предстояло сообщить Хэтти о смерти ее сестры Нэнси (и это, к сожалению, было правдой). Рэйфорд полагал, что это поможет ей добиться свидания с Хэтти в брюссельской тюрьме, которая официально называлась Бельгийским реабилитационным центром для женщин. Английская аббревиатура этого названия звучала как BFFR, и поэтому тюрьму прозвали Буфером. Охранялась она по высшему разряду. Сюда отправляли диссиденток, но выходили они отсюда крайне редко. А если и выходили, то какими угодно, но только не реабилитированными.

Бизон надеялся (и Рэйфорд, похоже, тоже), что сотрудники Мирового Сообщества сочтут Хэтти достаточно ценной, чтобы не убивать ее. Для Карпати она могла послужить как минимум приманкой, чтобы выманить Рэйфорда, Бизона или даже Циона Бен-Иегуду. Обитатели убежища надеялись, что после того, как Рэйфорду дважды удалось выскользнуть из ловушек, сотрудники Мирового Сообщества не стали срывать зло на Хэтти.

Прощание Бизона с семьей прошло не так уж плохо, как могло бы пройти, если бы

Хлоя снова дала волю чувствам. Сразу после собрания она сказала, что считает его желание поехать на праздник безумным и безрассудным.

— Дело не в том, что я запрещаю тебе увидеть собственными глазами величайшее событие в истории, но ты же знаешь, что там будет землетрясение и что опасность велика, как никогда. Обещание, которое ты дал Хаиму, для тебя важнее, чем собственная семья.

Но в тот день, когда она, Цион и мальчик провожали остальных на самолет, Хлоя, видимо, решила, что она уже высказала все, что могла. Бизон подумал, что она, наверное, смирилась с его отъездом. Она дала ему понюхать с Кенни, а потом крепко обняла на прощание, пообещала за него молиться и поклялась в вечной любви.

— Надеюсь, твоя любовь ко мне тоже не умрет, — сказала она.

— Моя любовь меня переживет, — ответил Бизон.

— Это не то, что я хотела бы услышать.

Бизон поблагодарил ее за то, что она его отпустила. Она хлопнула его по плечу.

— Можно подумать, у меня был выбор. Может, ты считаешь, что я испортила тебе жизнь? Поэтому уезжаешь?

Хлоя пыталась шутить, но расплакалась, когда Бизон, Рэйфорд и Лия отъехали от дома под благословение Циона и пожелание счастливого пути.

* * *

— Ты можешь в такое поверить? — обратился Мак к Абдулле, когда они с изумлением обнаружили установленное вокруг Стены Плача телевизионное оборудование. Камер здесь было почти столько же, сколько вокруг сцены.

Абдулла, всегда немногословный, лишь покачал головой.

Мак был глубоко взволнован, увидев Эли и Моше, пусть даже с приличного расстояния. Они громко проповедовали, цитируя Евангелие, а толпа вокруг безумствовала. Маку рассказывали, что люди, слушающие проповедников, обычно молчат — из уважения или из страха. Они стараются держаться от странной пары, способной в буквальном смысле испепелить своих обидчиков. Никому не хотелось, чтобы их случайно сожгли по ошибке.

Сегодняшняя толпа, гораздо более шумная, чем обычно, похоже, состояла из людей, приехавших на праздник. Некоторые из них бурно реагировали на каждое высказывание проповедников, смеялись, аплодировали, свистели, кричали: «Аминь». Другие всячески выражали свое неодобрение. Мак мог только поражаться некоторым зрителям, которые бросались в пляс или бегали вдоль ограждения, словно демонстрируя свою храбрость. Очевидно, проповедники были способны отличить потенциальных убийц от бестолковых приезжих, считающих их про-

рочества у Стены Плача частью праздничного балагана.

Страннее всех, однако, выглядела группа из двух десятков человек, которые, казалось, были глубоко тронуты проповедью. Они стояли на коленях в десяти футах от ограды и плакали. Эли и Моше умоляли людей прийти к Христу, пока не стало слишком поздно. Похоже, часть зрителей их услышала.

— Хоть что-то хорошее, — заметил Мак, — посреди этого безумия.

Двое Свидетелей сегодня были особенно настойчивыми. Мак знал, что для этого есть причины. Он читал все поучения Циона и знал, что срок, о котором так часто упоминали проповедники, совпадал с днем открытия мирового торжества, которое должно было состояться всего в полумиле отсюда.

* * *

По пути в Палуоки Бизон мало что смог узнать об отношениях, вернее, об отсутствии отношений между Рэйфордом и Лией. Лия говорила только о Ционе.

Почему о Ционе?

— Он кажется таким одиноким, — заметила она.

— Так и есть, — ответил Рэйфорд. — Он же только с нами близко и общается, да еще с Хлоей и Бизоном.

— Как будто я не знаю, — сказала Лия. А потом стала расспрашивать о жизни Цио-

на до того, как он вступил в Отряд Скорби, и Бизон ей рассказал.

В Палуоки Ти уже заправил «гольфстрим» и подготовил план полета. Он даже заложил продукты в холодильник.

— Ты слишком уж расстарался для нас, Ти, — сказал ему Рэйфорд.

— Это мелочи. Все наши прихожане молятся за вас, хотя я, сами понимаете, подробностями с ними не делился.

* * *

Поздно вечером в воскресенье Мак позвонил Давиду в Новый Вавилон.

— Тут прямо город-призрак, — рассказывал ему Давид. — Я остался за старшего, зато шпионить совершенно не за кем. Мы с Энни много времени проводим вместе, но только тем и занимаемся, что планируем побег и решаем, куда мы отсюда поедем.

— Не уезжайте, пока совсем не припрет, — посоветовал ему Мак. — Ты нужен нам именно здесь.

* * *

Двумя часами раньше Рэйфорд приземлился в Брюсселе. Он волновался так же сильно, как и когда подходил к двери квартиры Хэтти в Гавре. Но нужно было скрывать свои чувства. Его зять и Лия знали, что его

работа состояла лишь в том, чтобы доставить Лию в нужное место. Что они подумают, если узнают о его волнении?

«Донна» собиралась поселиться в гостинице неподалеку от печально известного Буфера и пойти туда на следующий день. Бизон же под именем Рассела Штауба должен был вылететь коммерческим рейсом в Тель-Авив.

— Ты помнишь номер моего защищенного телефона? — спросил Рэйфорд у Лии, подъезжая ближе к терминалу.

— И твой, и Бизона.

— Я мало что смогу для тебя сделать, если ты не сможешь связаться с Рэем, — вмешался Бизон.

— Если я не смогу связаться с Рэйфордом, — возразила ему Лия, собирая вещи, — то позвоню тебе, чтоб попрощаться. Пожелай мне удачи.

— Мы полагаемся не на удачу, — сказал ей Бизон. — Ты помнишь?

— Ах да. Тогда помолись за меня.

Рэйфорд знал, что тоже должен что-то сказать, но он был занят. И Лия ушла.

— Куда теперь, Рэй? — спросил у него Бизон.

Рэйфорд окинул его взглядом.

— Меньше будешь знать, крепче будешь спать.

Бизон развел руками.

— Рэй! Я же не точный адрес спрашиваю. У тебя есть, куда поехать, чем заняться, где спрятаться?

— Есть прикрытие, — ответил Рэйфорд.

— И Лия знает все, что ей нужно передать Хэтти?

— Я бы не стал везти ее в такую даль и отправлять на дело неподготовленной. — Он знал, что слишком резок с Бизоном, но не мог удержаться. Что с ним творится?

— Я просто пытаюсь понять, чтобы быть спокойнее, Рэй. Я еду туда, где опасно, и мне хочется, чтобы у меня было как можно меньше причин для волнения.

— Иди уже, — сказал ему Рэйфорд, взглянув на часы. — Если найдешь способ меньше волноваться, сразу поделись со мной. Мы посылаем в тюрьму новичка, и какой бы находчивой она ни была, кто знает, что она может сказать или сделать, если ее прижмут.

— Мне прямо полегчало от твоих слов.

— Пора тебе повзрослеть, Бизон.

— Пора научиться расслабляться, папа.

— Будь осторожнее, слышишь? — сказал ему Рэйфорд.

Когда Бизон сошел с самолета, Рэйфорд почувствовал себя очень одиноким. Он все еще сомневался в своем решении и мог себе представить, что подумают об этом остальные. Если Господь использует его для убийства Карпати, ему живым не уйти. Он боялся, что видел своих близких в последний раз. И еще он надеялся, что не слишком много взвалил на Бизона, которому придется каким-то образом вывезти Лию обратно в Штаты.

Через десять минут после того, как Бизон скрылся в здании терминала, Рэйфорд

дозаправился и попросил у диспетчера разрешения на взлет. Он подумывал о том, чтобы сесть где уютно, но не в Иерусалиме или Тель-Авиве, но в итоге решил, что проходить таможенную по своим новым документам, выданным на имя Марва Берри, безопаснее там, где больше всего народу. Значит, Бен-Гурион.

* * *

Сейчас, когда трое американцев из Отряда Скорби разъехались по миру под чужими именами, Давид все время путался, кто из них кто. Он сделал себе карточку, на которой указал настоящие инициалы в обратном порядке и псевдонимы. Получился такой список: «Р.Л. Донна Кленденон; С.Р. Марвин Берри; У.К. Рассел Штауб». На всякий случай он добавил и Хэтти: «Д.Х. Мэй Уилли».

* * *

Бизон вылетел в Иерусалим вечерним рейсом и поселился в общежитии для туристов под своим новым именем. В полночь он сел в такси, поехал к Стене Плача и обнаружил, что впереди собралась такая огромная толпа, что даже не видно Моше и Эли. Бизон решил воспользоваться моментом и позвонить Давиду, потом Хлое, потом Маку. На-

конец, он набрал номер Хаима, и Иаков снял трубку.

— Ох, Бизон! — воскликнул он. — Я так надеялся, что ты позвонишь! Это ужасно, ужасно!

— Что?

— Доктор Розенцвейг сегодня утром не смог встать с кровати и не мог разговаривать. Его как будто парализовало. У него текла слюна, он стонал, и левая руку скрючило. И рот перекосило. Мы вызвали скорую, но они так долго ехали, я прямо испугался, что он умрет.

— Инсульт?

— Да, диагноз такой написали. Они забрали его в больницу на обследование. Результаты скажут только завтра, но вряд ли там что-то хорошее.

— Где он?

— Я могу сказать, Бизон, но вряд ли тебя туда пустят. Даже нас никого не пустили. Он сейчас в реанимации, и врачи говорят, что основные жизненные показатели пока хорошие. Но мы все очень за него волнуемся. Все это время, пока ждали скорую, мы молились и уговаривали его тоже стать верующим. Он не мог говорить, но я все время смотрел на его лоб, надеясь увидеть метку. Но она не появилась. Он выглядел сердитым и испуганным и все время отмахивался от меня здоровой рукой.

— Иаков, я очень всем вам сочувствую. Звони мне, как только появится хоть какая-нибудь новость.

— Мы боимся тебе звонить. Твой телефон защищен, но наши-то нет.

— Хорошая мысль. Я буду звонить тебе так часто, как только смогу. И буду молиться.

* * *

Таможню Рэйфорд прошел почти без задержки — служащий таможни лишь спросил, что это за тяжелая металлическая коробочка в чемодане, и поверил, что это аккумуляторная батарея для компьютера. Рэйфорд взял напрокат машину и снял номер в дешевом отеле на западе Тель-Авива. Оттуда он позвонил в гостиницу, где остановилась Лия. В Брюсселе было уже полночь, но Рэйфорд понадеялся, что она еще не привыкла к смене часовых поясов и вряд ли легла спать.

Служащая гостиницы не хотела соединять его с номером миссис Кленденон, но «мистер Берри» заявил, что дело очень важное. Лия ответила сонным голосом после шестого звонка, и Рэйфорда поразило, что даже в таком состоянии она не забыла свою легенду.

— Донна слушает, — сказала она.

— Это Марв. Я разбудил тебя?

— Да. Что случилось?

— Все прекрасно. Слушай, я не смогу забрать тебя отсюда раньше пятницы.

— Что?

— Подробности сказать не могу. Просто будь готова вылететь в пятницу.

— Слушай, Марв, мы же договаривались на вторник.

— Не пытайся звонить мне до пятницы, хорошо?

— Хорошо, но...

— Хорошо, Донна?

— Хорошо! И больше ты ничего мне сказать не хочешь?

— Хотел бы, но не могу.

* * *

В понедельник Бизон проснулся очень рано и поспешил к Стене Плача. Вечером накануне он так и не смог подойти поближе к Эли и Моше, хотя с волнением видел, как люди выходили из толпы и становились на колени у ограждения, молясь Христу.

Свидетели всегда говорили страстно и энергично, но Бизон понял по их речам, что они знают: их время подходит к концу. Население мира уменьшилось наполовину, а те, кто выжил, закоренели в грехах. Сегодня у Свидетелей осталась последняя возможность спасти души людей от зла.

В понедельник толпа на Храмовой горе была еще больше, потому что праздник должен был начаться только ранним вечером, и сотни тысяч приезжих хотели собственными глазами увидеть двух проповедников, о которых раньше только слышали. Греховные заведения в центре Иерусалима тоже были переполнены, но большинство тури-

стов предпочли глазеть на странных стариков, проповедующих из-за ограждения.

Это был тысяча двести шестидесятый и последний день их служения. Бизон считал, что ему невероятно повезло оказаться здесь в такое время. Он проталкивался сквозь толпу, пока не выбрался в самый первый ряд, пройдя мимо еще одной группы новообращенных, молящихся у ограждения. Бизон теперь стоял так близко, что мог дотянуться рукой до ограды, ближе к Эли и Моше, чем кто бы то ни было. Кто-то из зрителей окликнул его и напомнил, что некоторые погибали из-за такого же безрассудства. Бизон встал на колени, не сводя глаз с двоих Свидетелей, и приготовился слушать.

Эли сидел чуть впереди, а Моше — дальше, прислонившись спиной к стене маленького каменного строения.

— Смотрите на того, второго! — крикнул кто-то. — У него огнемёт!

Многие засмеялись, но большинство зашикали на них. Бизона поразило, сколько чувств было в голосе Эли. Эли кричал, почти плакал, и его голос разносился на весь ближайший квартал, хотя телевизионщики довольно часто вели прямую трансляцию по «МС Си-эн-эн». Телерепортеры рассказывали о том, как во всем Иерусалиме нарастает радостное возбуждение в преддверии праздника, но все съемки толпы, похоже, велись отсюда, от Стены Плача.

Эли кричал:

— В какое отчаяние пришел бы Мессия, если бы увидел сейчас этот город! Бог-Отец обещал благословить Иерусалим, если жители будут верны Его воле и отвергнут других богов. Мы пришли сюда с именем Отца, но вы не приняли нас. Сам Иисус сказал: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо говорю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!»

Шум толпы смолк. Эли продолжал:

— Господь послал к нам своего Сына, обещанного Мессию, который исполнил более ста древних пророчеств и был распят в этом городе. Любовь Христа вынуждает нас сказать вам, что Он за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего. Итак, мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения. Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись. Хотя лжеправители этого мира обещают нам, что все религии ведут к Богу, это ложь. Иисус — единственный путь к Богу, и сам Он сказал:

«Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Эли выдохся и отошел от ограждения. Моше встал и начал говорить:

— Этот мир может увидеть нашу смерть, но вы никогда не увидите смерти Иисуса Христа! Как говорят нам пророчества, Он вернется с силою и славою великою, чтобы создать свое царство на земле. И вот Он идет с мириадами святых, чтобы совершить суд над ними, и Он уничтожит нечестивых, и будет судиться с всякою плотью относительно всего, что грешники и нечестивые сделали и совершили против Него. Владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. Придите к Нему сегодня, сейчас! Господь долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Так говорит Господь.

Эли встал рядом с Моше, и они продолжили в унисон:

— Мы служили Господу Богу всемогущему, Создателю земли и небес, и Иисусу Христу, Его единственному сыну. Мы выполнили наш долг и закончили свое служение в надлежащий срок. О, Иерусалим, Иерусалим...

Они двое стояли перед оградой, не двигаясь, не моргая; их волосы, бороды и одеяния развевались на ветру. Толпа забурлила. Кто-то просил их говорить еще, другие начали насмехаться. Бизон медленно поднялся и отошел, понимая, что миссия двух Свидетелей окончена. Для многих это выглядело так, будто Николае Карпати победил. Он устроил

в Иерусалиме свой всемирный праздник и заставил проповедников замолчать.

* * *

Рэйфорд боялся наткнуться на Бизона так же сильно, как и на агентов Мирового Сообщества. Он перестал бриться начиная со дня отлета из США. В понедельник он выехал в Иерусалим, оставил машину при въезде в город и дальше пошел пешком. Он намотал старый зеленый тюрбан поверх седого парика и надел темные солнечные очки с отверстиями, сквозь которые мог видеть почти нормально, и при этом его глаза были полностью скрыты.

На нем был легкий длинный халат — довольно распространенная одежда на Ближнем Востоке. Глубоко во внутреннем кармане лежала «сабля». Халат был настолько просторным, что Рэйфорд мог вынуть руки из рукавов и разделить оружие под одеждой. Хотя по обеим сторонам огромной сцены стояли металлодетекторы, он заметил, что тысячи зрителей проходят на площадку перед сценой беспрепятственно. Рэйфорда бросило в дрожь от мысли, что он принес с собой оружие, способное убить человека с расстояния в сотни футов. Он так этого хотел, а теперь обратился к Господу с просьбой избавить его от этой миссии. Он не был уверен, что сумел бы убить Карпати, даже если бы получил от Бога прямой приказ.

Толпа очень быстро росла, и на сцену вышла одна из «разогревающих» групп, исполняющая громкую и ритмичную латиноамериканскую музыку. Часть зрителей начали петь и пританцовывать, постепенно к ним присоединились и остальные. Музыка, песни и танцы, перемежаемые восторженными объявлениями о том, что скоро на праздник придет и сам потентат, довели зрителей до исступления.

Небо постепенно темнело; Рэйфорд тоже пританцовывал, топтался на месте, чтобы не слишком выделяться из толпы. Но однажды он едва удержался, чтобы не застыть на месте и не снять очки. Ему показалось, что мимо прошла Хэтти. С бьющимся сердцем он уставился ей вслед. Тот же рост, та же фигура, та же походка. Не может быть. Просто не может быть!

* * *

Мак и Абдулла вышли на площадку перед сценой, уже заполненную до отказа зрителями.

— Ты бы предпочел, чтобы мы оставались вместе или разделились? — спросил Мак.

Абдулла пожал плечами:

— Если хочешь побыть один, я не против.

— Дело не в этом. Я просто хочу, чтобы ты не чувствовал себя обязанным все время ходить со мной.

Абдулла снова пожал плечами. На самом деле это Маку хотелось побыть в одиноче-

стве. Одному среди огромной толпы. Наедине с собственными мыслями о том, как изменился мир и вся его жизнь. Он принял решение. Если Карпати каким-то образом переживет этот праздник, если Цион Бен-Иегуда по какой-то невероятной причине ошибся в толковании пророчеств, Мак знал, что нужно сделать. Рэйфорд был прав. Кому-то давно уже надо было направить самолет Николае прямо в горный склон, пожертвовав собой ради всеобщего блага. Но Мак не собирался втягивать в это Абдуллу. Ему нужно каким-то образом сделать так, чтобы он вез потентата один. Ему даже гора не нужна. Достаточно отключить двигатели, и гравитация все сделает за него.

Сможет ли он? Решится? Мак посмотрел на Абдуллу и обвел взглядом толпу. Так жить нельзя.

* * *

Наконец в небе появились вертолеты. Услышав вокруг радостные крики, Рэйфорд поднял голову. Легкие вертолеты приземлились по обеим сторонам площадки, и из них под гром аплодисментов вышли почетные гости. На сцену поднялись все десять региональных потентатов, верховный главнокомандующий и женщина в ярком одеянии церкви Сокровенного Вавилона. Из-под подмостков выбрались дюжие охранники и выстроились полукругом впереди толпы.

Только когда все заняли свои места, на еще одном вертолете прибыл и сам Карпати. Под оглушительный рев зрителей его пригласили подняться на сцену, и все почетные гости обменялись с ним рукопожатиями. Последним пожал ему руку Леон Фортунато, и он же отвел потентата к креслу, огромному и богато украшенному, как царский трон.

Когда он сел, расселись и остальные, но нескончаемые аплодисменты толпы вынудили Карпати снова подняться и со скромным и даже застенчивым видом помахать зрителям рукой. Каждый раз, когда он вставал, вставали и остальные. Рэйфорд стоял от него примерно в двух сотнях футов, и дважды он просовывал руки под халат, ощупывал «саблю», открывал ее на дюйм, а потом снова закрывал. Он не мог нормально прицелиться, когда впереди было столько людей. Если именно ему предстоит совершить это убийство, Господь даст ему знак. Нужно только дождаться подходящего момента, когда толпа впереди разойдется, или он сам сможет подойти поближе. Взгляды зрителей так прикованы к Карпати, что на целящегося Рэйфорда никто не обратит внимания, пока он не сделает первый выстрел.

* * *

Бизон, которому не хотелось уходить от Стены Плача, пришел слишком поздно и оказался в самом хвосте почти двухмиллионной

толпы. Он видел начало торжества, но не мог заставить себя аплодировать. Он беспокоился о Хаиме, пытался позвонить Иакову, но понял, что все равно ничего не услышит.

Когда шум толпы слегка подутил, Леон обернулся, чтобы убедиться, что Карпати больше не собирается вставать, и подошел к кафедре.

— Я приветствую вас, жители нового мира, — начал он и в первый, но далеко не последний раз прервался из-за оглушительных аплодисментов.

Каждая его фраза вызвала бурную радость зрителей, и Бизон понять не мог, с какой планеты эти люди. Разве никто из них не считает правительство виновным во всех этих бедствиях и смертях? За три с половиной года погибла половина населения Земли, а они еще что-то празднуют?

— Меня зовут Леонардо Фортунато, и я счастлив служить вам и его превосходительству в качестве верховного главнокомандующего Мирового Сообщества. Сейчас я хочу представить вам региональных потентатов, которых, как я знаю, вы встретите с таким воодушевлением, как они того заслуживают. Но сначала, чтобы получить благословение великого бога-природы, я вызываю к микрофону помощницу первосвященника Всемирной церкви Сокровенного Вавилона, которая сделает объявление. Давайте поприветствуем помощницу первосвященника Франческу Д'Анжело.

В толпе раздался свист, но, к удивлению Бизона, девушка его как будто и не замети-

ла. Неожиданно Бизона бросило в такой холод, что его руки покрылись гусиной кожей. Когда мисс Д'Анжело встала за кафедрой, Карпати поднялся, и бушующая толпа мгновенно умолкла. Бизону показалось, что он единственный сохранил способность отвести взгляд от Карпати. Все потентаты уставились на него, и Фортунато тоже повернулся в его сторону.

Карпати начал говорить завораживающим, гипнотическим голосом, который Бизон слышал один раз в жизни. Три с половиной года назад Николае совершил двойное убийство после того, как сказал всем присутствующим в комнате, что из случившегося они должны запомнить. Бизон, только что уверовавший в Бога, оказался единственным человеком, на которого не подействовал этот гипноз. Позже никто даже не смог вспомнить, что Бизон был в комнате вместе с ними.

Теперь потентат говорил, и хотя его голос не усиливался динамиками, Бизон, стоящий дальше всех от сцены, слышал его так же отчетливо, как если бы стоял вплотную.

— Вы не будете помнить, как я это говорил, — сказал Николае.

«Господи, — мысленно взмолился Бизон, — защити меня! Не дай ему на меня повлиять».

— Вы сейчас услышите известие о смерти, — продолжил Карпати, и ни один человек в толпе даже не шелохнулся. — Вы воспримете его как давно известную новость. Вас оно не взволнует.

Карпати сел, и толпа зашумела снова, как будто не умолкала. Мисс Д'Анжело объявила:

— Прежде чем я обращусь с молитвой к великому бесполому божеству, в котором мы все упокоимся и которое покоится во всех нас, я должна сделать объявление. Первосвященник Петр Второй сегодня утром скоропостижно скончался. Он был поражен опасным вирусным заболеванием, из-за чего его тело пришлось срочно кремировать. Мы выражаем соболезнования его родным и близким. Поминальная служба состоится завтра утром на этой площадке. А теперь давайте помолимся.

Завтра утром? — удивился Бизон. В программе праздника во вторник в десять утра была запланирована «дискуссия» между Карпати и «иерусалимской парочкой», после которой должна была состояться вечеринка «От полудня до полуночи» в квартале красных фонарей.

Бизон обвел взглядом лица зрителей. Они не выглядели удивленными. Бизона это потрясло. Выходит, Николае может внушать мысли двум миллионам человек одновременно? Зрители встретили аплодисментами молитву, призывавшую почитать жизнь во всех ее проявлениях. Они радостно приветствовали каждого регионального претендента, а особенно недавно избранного мистера Литуалу из Африки. Казалось, на них произвели одинаково сильное впечатление одинаковые речи каждого из претендентов, превозносящих Карпати в каждой первой

фразе. И наконец, настало время выступить герою дня.

— А сейчас, — начал Фортунато, и толпа разразилась ревом, который мог бы заглушить все окончание его речи, если бы Бизон не стоял прямо под динамиком, — перед нами выступит человек, избранный Богом для того, чтобы возглавить Землю и привести ее от войн и кровопролития к единому идеальному обществу, ваш и мой верховный потентат, его святейшество Николае Карпати!

Все почетные гости за исключением Фортунато спустились со сцены, а Карпати поднял руки над головой и улыбнулся, выйдя вперед к полукругу суровых охранников. Леон дал начало овации, стоя позади Николае с правой стороны от его трона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Бизон понял, что ораторский талант, который Николае Карпати впервые продемонстрировал в ООН три с половиной года назад, с годами развился еще сильнее. В то время невероятная память Карпати, его знание истории и фактов и владение несколькими языками потрясли даже издававших виды журналистов. Бывало ли, чтобы работающие в зале представители прессы встали, как один, чтобы выразить свое восхищение оратором?

Конечно, эта его первая речь, прогремевшая на весь мир, прозвучала в те дни, когда жители Земли оплакивали исчезновение миллионов людей, в том числе всех младенцев и большинства детей. Карпати оказался в нужное время в нужном месте, и охваченные ужасом люди, и даже сам Бизон, встретили его с распростертыми объятиями. Все

население земного шара увидело в Карпати вестника мира, гармонии и здравого смысла. Он был молод, красив, энергичен, харизматичен, красноречив, умен, решителен и при всем при этом еще и скромнен. Казалось, он с неохотой принял на себя бремя лидерства, возложенное на него человечеством. Николае изменил карту мира, разделив его на десять регионов, каждый со своим потентатом. В разгар катастроф, следовавших за исчезновением миллионов людей, он оставался для всех воплощением мужества и поддержки. Во время Третьей мировой войны, голода, великого землетрясения, падения метеоритов, морских катастроф, загрязнения источников, затмений и похолодания, нашествия саранчи и недавней гибели от дыма, огня и серы третьей части мирового населения Карпати удерживал власть железной рукой.

Ходили слухи о неверности по крайней мере трех региональных потентатов, но это ни к чему не привело. Отчаявшиеся, измученные люди часто спрашивали о том, почему жизнь становится только хуже, и Николае каждый раз успокаивал их в своих выступлениях по телевидению обещаниями, выражением сочувствия и заверениями, что работает над улучшением ситуации не покладая рук.

Люди верили ему, особенно те из них, которые превыше всего ставили свою собственную, личную свободу. В то время как Мировое Сообщество заново отстраивало

города, аэропорты, дороги и линии связи, все более широкий размах получали убийства, грабежи, чародейства, поклонение идолам и сексуальная распущенность. Последние три пункта в этом списке горячо приветствовались режимом Карпати и всеми теми, кто называл добро злом и зло добром.

Единственной трещиной в броне Карпати была его неспособность справиться с двумя Свидетелями из Иерусалима. То, что он организовал свое всемирное торжество в честь «первого дня Утопии» в городе, где эти двое господствовали так долго, казалось неслыханной дерзостью. Если Николае снова не сможет их осадить, если не помешает им и дальше превращать воду в кровь и вызывать засуху, вера людей в его возможности может наконец пошатнуться.

И вот он стоял перед камерами, изображение с которых транслировалось по международному телевидению и в Интернете. Тридцатилетний, уверенный и обаятельный, как всегда, он расхаживал по сцене перед командой охранников. Он не мог устоять за кафедрой и все время двигался, размахивая руками и улыбаясь огромной толпе, которая, казалось, не могла на него насмотреться.

Наконец, он вскинул руки, требуя внимания. Без записей, без запинок, без единой оговорки он произнес речь, которая длилась сорок пять минут. Почти за каждой фразой следовал гром аплодисментов, и если Карпати даже в начале своей речи казался ожив-

ленным, то к концу он все больше и больше заряжался энергией.

Он рассказывал о трудностях, о скорби и горе потерь и о том, какую работу еще предстоит проделать. Он даже пустил слезу, говоря о «наших дорогих соотечественниках, понесших столь тяжелые утраты».

Подводя речь к своему драматическому финалу, он заговорил громче, более откровенно, даже доверительно. Бизону казалось, что толпа охвачена любовью. Они доверяли ему, верили в него, боготворили его, рассчитывали на его поддержку.

Однажды Николае сделал театральную паузу: он встал рядом с кафедрой, опираясь на нее одной рукой, скрестил ноги и второй рукой уперся себе в бок. Вся его поза излучала нахальство и самоуверенность, и безбрежная людская толпа следила за его изображением на огромных экранах, развешанных над площадью. Улыбнувшись так, что зрители восхищенно заахали, засмеялись или зааплодировали, он явно собирался дать какое-то очень важное обещание.

Карпати подождал, пока напряжение достигнет пика, а потом решительно встал за кафедрой, сжав ее края обеими руками.

— Завтра утром, — объявил он, — как написано в ваших программках, мы соберемся у Храмовой горы. Там мы восстановим власть Мирового Сообщества на всей территории Земли без исключения.

Толпа взревела.

— Кто бы ни брал на себя ответственность за коварные нападения на этот город, эту местность, эту страну, я лично положу конец религиозному терроризму, возглавляемому двумя убийцами и самозванцами. Я уже устал от суеверий, устал от засухи, устал от кровавой воды. Я устал от высокопарных пророчеств, от угроз и от обещаний сладкого торта в небе! Если иерусалимская парочка завтра же не прекратит свою деятельность, мне не будет покоя, пока я не покончу с ними сам. И когда это случится, мы будем танцевать на улицах!

Толпа ринулась к сцене, выкрикивая в один голос:

— Николае, Николае, Николае!

Он перекричал этот шум.

— Развлекайтесь сегодня вечером! Порадуйте себя! Но хорошо выспитесь, потому что завтра у нас будет очень долгая вечеринка!

Когда в небе снова появились вертолеты и людей вытеснили с площадки для приземления, Карпати снова помахал рукой и улыбнулся, повернувшись к лестнице. Леон торопливо шагнул вперед и бросился на колени, вытянув вперед руки. К удивлению Бизона, большая часть зрителей последовала его примеру. Десятки тысяч людей встали на колени и приветствовали его, словно знаменитого спортсмена, или певца... или бога.

* * *

Рэйфорд был вне себя. Чтобы не слишком выделяться среди вставших на колени зрителей, он двинулся вперед. Каждый шаг приближал его к сцене, и под халатом он уже вытащил «саблю» из блока. Тяжелая, твердая, смертоносная сталь и воодушевляла его, и пугала. Ему казалось, будто это сон, будто он смотрит на себя со стороны. Неужели это правда? Неужели он превратился в безумца, отвергнувшего здравый смысл? Но если бы не уверенность, что все это часть Божьего плана, Рэйфорд никогда не решился бы войти в историю таким образом. Кто бы ни стал убийцей, ему не спастись. Преступника опознают на пленке и не выпустят отсюда живым.

До сцены оставалось пройти пятьдесят футов, когда Карпати помахал рукой в последний раз, пригнулся и исчез в вертолете. Летящая машина пронеслась прямо у Рэйфорда над головой, и он мог бы сбить ее выстрелом. Рэйфорд скрипнул зубами и засунул «саблю» обратно в блок. Опустил ее в просторный внутренний карман, снова всунул руки в рукава. Он так сильно сжимал зубы, что заломило виски.

Толпа начала рассеиваться, и Рэйфорд пешком отправился к своей машине, оставленной за много миль отсюда; он все так же сжимал челюсти и прятал руки в широченных рукавах. Если только Бог ему не прикажет, он не собирался делать никаких глупостей.

* * *

Бизон скучал по семье. Шоу на праздничной площади испортило ему настроение. Он шел по улицам, словно лунатик, вроде бы следуя за толпой, но в то же время стараясь двигаться по направлению к своему общежитию. Он позвонил домой, поговорил с Хлоей, поговорил с Кенни, поговорил с Ционом. Позвонил в Новый Вавилон, поговорил с Давидом, «познакомился» с Энни. Ему неудобно было прерывать свой первый с ней разговор, но, судя по сигналу, поступил еще один звонок, и, похоже, он был от Лии.

— Прости, что беспокою тебя, Бизон, — сказала она, — но у меня был тяжелый день в Буфере, и захотелось с кем-то поговорить.

— Не вопрос, но у тебя же для этого есть Рэйфорд.

— Мне нельзя звонить ему до пятницы.

— Что?

Лия рассказала ему о приказе Рэйфорда.

— А если возникнут проблемы?

— Я так поняла, что в этом случае надо звонить тебе.

— А что я могу сделать? Взять напрокат машину и смотаться во Францию?

— Понятия не имею.

— Ты с Хэтти хоть виделась?

— Они рассмотрят мой запрос и перезвонят.

— Звучит подозрительно

— Звучит совсем тухло, Бизон. Я не знаю, что делать — то ли сматываться, то ли играть дальше.

— Может, я позвоню Рэйфорду и спрошу, в чем дело?

— А ты можешь?

Бизон остановился под уличным фонарем в нескольких кварталах от Стены Плача и позвонил Рэйфорду. Он поймет, кто ему звонит.

— Надеюсь, это что-то важное, Бизон, — ответил Рэйфорд.

— Я думаю, что если ты оставил одного из наших в подвешенном состоянии, то это наверняка что-то важное. Как ты мог бросить Лию одну?

Рэйфорда это не впечатлило.

— А что у нее стряслось? Проблема какая-то?

Бизон рассказал.

— Скажи ей, пусть придерживается плана и не звонит ни мне, ни тебе до пятницы.

— Во что ты ввязался, Рэй?

— Бизон, послушай. Когда я сказал Лие, чтобы она мне не звонила, я не думал, что она позвонит тебе. Мне нужно, чтобы ты мне доверял.

Бизон вздохнул и с неохотой согласился. Он решил не рассказывать Хлое о том, что с ее отцом происходит что-то непонятное. Он же сам не знал, в чем дело.

Бизон залез на дерево, чтобы посмотреть на Стену Плача и увидеть Эли и Моше. Они так и стояли плечом к плечу, глядя прямо перед собой, не двигаясь, в той самой позе, в какой он видел их в последний раз. Толпа над ними насмеялась.

Он позвонил Иакову, чтобы узнать о Хаме.

— Есть хорошие новости, и есть плохие, — ответил Иаков. — Анализы хорошие.

— А что плохого?

— Врачи не могут определить причину паралича и потери речи. Симптомы как у инсульта, но, похоже, это все-таки не инсульт.

* * *

На следующее утро Рэйфорд встал пораньше и отправился к Стене Плача. Асфальт был влажным, и явно не от росы. Рэйфорд с изумлением обнаружил, что уже за два часа до объявленного времени у Стены собралась гигантская толпа. Ходили слухи, что поминальную службу по первосвященнику Петру Второму отменили из-за отсутствия зрителей и что мисс Д'Анжело уже лишена сана. Очевидно, церкви Сокровенного Вавилона суждено было погибнуть вместе с ее основателем. Рядом с Карпати не оставалось места даже для языческой религии.

С «саблей» в кармане халата Рэйфорд протолкался в самую гущу толпы. Он плохо выспался, молился большую часть ночи и теперь очень жалел, что не может присесть. Но он терпел. Свидетели стояли, словно статуи, и люди говорили, что они простояли так уже много часов. Наверняка они выйдут из оцепенения, когда Карпати явится, чтобы бросить им вызов.

В квартале отсюда музыкальные группы уже начали репетировать перед обещанной вечеринкой.

* * *

Бизон хотел залезть на то же дерево, на котором сидел прошлым вечером, но его согнали охранники из Мирового Сообщества. В итоге он нашел себе место на каменном выступе, откуда видна была вся толпа.

Его расстроило молчание Свидетелей, и он надеялся, что, когда приедет Карпати, они хотя бы смогут ему ответить. Но их время закончилось, сегодня шел тысяча двести шестьдесят первый день. В Библии было сказано, что их победят и убьют.

Без одной минуты десять с неба донесся шум двигателей. Как и накануне, в трех вертолетах прибыли региональные потентаты, Фортунато, но на этот раз без представительницы церкви Сокровенного Вавилона, и, наконец, Карпати. Бизон впервые увидел его без галстука. На нем были дорогие ботинки и брюки, рубашка с открытым воротом и кашемировая спортивная куртка, из кармана которой выглядывал какой-то темный предмет, возможно Библия.

Потентаты и Фортунато встали за барьером, отделяющим их от зрителей. Замерцали вспышки, включились камеры, и Карпати подошел к ограждению. К его рубашке был прикреплен беспроводный микрофон,

и один раз ему пришлось остановиться, чтобы гримерша поправила ему грим. Улыбнувшись шумящей толпе, он подошел к Свидетелям, стоявшим совершенно неподвижно, и только по их дыханию было заметно, что они живые люди, а не статуи.

Движением фокусника Карпати снял с себя куртку и повесил ее на ограду. Карман куртки оттягивался лежащим внутри предметом. Затем Николае закатал рукава, как будто готовясь к драке, и толпа взревела.

— Ну что, джентльмены, сегодня вам есть что сказать? — спросил он, взглянув сначала на Свидетелей, а затем на толпу.

Бизон молился о том, чтобы к ним вернулись красноречие, сила, энергия.

* * *

В Илинойсе была почти еще ночь. Цион уселся перед телевизором, одетый в пижаму, халат и тапочки. Хлоя сидела в кресле.

— Мальчик спит? — спросил Цион.

Она кивнула.

— Надеюсь, что не проснется.

Когда Карпати задал свой провокационный вопрос, Хлоя шепнула:

— Врежь ему, Эли. Давай же, Моше.

Но они не ответили.

— О Господи, — взмолился Цион. — О Боже, Боже. Они истязуемы были, но страдали добровольно и не открывали уст своих; как овцы, ведены были они на заклание, и

как агнец перед стригущим его безгласен, так они не открывали уст своих.

* * *

На мгновение Бизон пожалел, что у него нет оружия. Он видел Карпати прямо перед собой. Какая наглость! Какое самомнение! Будь у него хотя бы рогатка, и он выстрелил бы Николае между глаз. Бизон покачал головой. Он журналист, обозреватель. Он никогда не утверждал, будто придерживается нейтралитета. Его сердце на стороне Свидетелей. Но никогда раньше он не вмешивался в ход событий.

* * *

Рэйфорд еле сдерживался. Он до боли прикусил язык, чтобы не заорать на Карпати. Он просунул руки под халат и сжал в ладонях коробку. Если Николае станет насмехаться над Свидетелями, то, может, Рэйфорду удастся прикончить этого лживого идиота.

Карпати наслаждался триумфом.

— Языки проглотили? — спрашивал он, расхаживая перед молчащими праведниками и время от времени поглядывая на зрителей, словно ожидая от них поддержки. — Вода в Иерусалиме сегодня холодная и свежая, как никогда. У вас яд закончился? Или закончи-

лись сообщники? Или доступ к источникам перекрыли?

Люди начали кричать и насмехаться.

— Вышвырните их отсюда! — заорал кто-то.

— Арестуйте их!

— В тюрьму!

— Убейте их!

«Заткнитесь!» — хотелось крикнуть Рэйфорду, но в жаждущей крови толпе его бы никто не услышал. И управлял это толпой Карпати.

— Это не дождь ли сегодня стучал ко мне в окно? Так что случилось с засухой? Кстати, а саранчу никто не видел? Всадников? Дым? Джентльмены! Вы ни на что не способны!

Толпа внимала. Рэйфорд кипел от ярости.

— Я запретил вам приходить сюда еще два года назад! — продолжил Карпати. Он стоял спиной к зрителям, но благодаря микрофону его голос был прекрасно слышен. — Почему вы все еще здесь? Вы должны уйти или вас арестуют! И разве я не говорил, что, если вас увидят на людях где угодно после собрания фанатиков, вы будете казнены?

Карпати повернулся к толпе:

— Говорил я это или нет?

— Да! Да! Казните их!

— Я допустил ошибку! Я не выполнил свой долг! Как я могу смотреть в глаза гражданам, которые возложили на меня бремя власти, после того как я оставил преступление безнаказанным? Я не хочу чувствовать

себя опозоренным перед своим народом! Я не хочу, чтобы у меня были причины стыдиться! Выходите! Выходите из-за ограждения и сразитесь со мной! Бросьте мне вызов! Ответьте мне! Вылезайте оттуда, перелетите, телепортируйтесь, если вы на это способны! Не заставляйте меня открывать ворота!

Карпати снова обратился к толпе:

— Я что, должен бояться их дыхания? Эти драконы дохнут на меня огнем и испепелят?

Зрители стихли, кто-то нервно засмеялся. Свидетели не двигались.

— У меня заканчивается терпение! — объявил Николае. Глава миротворческих сил Мирового Сообщества вытащил ключ из кармана и передал его Николае. Тот вставил ключ в замочную скважину, и толпа шарахнулась назад. Кто-то ахнул. А потом наступила мертвая тишина.

Карпати с помпой распахнул ворота и ринулся к Свидетелям.

— Вон! — закричал он, но они не сдвинулись с места. Карпати кинулся к Эли и толкнул его к Моше, так что оба, потеряв равновесие, сделали шаг к воротам. Он погнал их вперед, подталкивая и пиная.

Толпа попятилась еще дальше. Карпати схватил Эли и Моше за их халаты и с силой толкнул их к ограде, а потом отвернулся от них и улыбнулся толпе.

— Вот ваши мучители! — крикнул он. — Ваши судьи! Ваши пророки! — Последнее слово он буквально выплюнул. — И что теперь они могут сказать в свою защиту? Ничего! Им дали такую возможность, а теперь они осуж-

дены и приговорены. Все, что осталось, — это свершить правосудие, и раз я вынес им приговор, я и приведу его в исполнение!

Он повернулся к свидетелям, снова ухватил их за отвороты халатов и подтащил еще ближе к ограде.

— Хотите сказать последнее слово?

Эли и Моше переглянулись и подняли лица к небу.

Карпати подошел к своей куртке и вытащил из кармана что-то черное. Рэйфорд с изумлением понял, что знает, что это такое. Повернувшись спиной к толпе, Николае вынул из блока пистолет-«саблю». Он отошел футов на десять от Свидетелей и прицелился в Эли, стоящего справа. Выстрел грохнул так, что все вздрогнули и зажали уши ладонями. Пуля попала Эли в шею, он упал, врезавшись головой в ограду, а потом медленно сполз на землю. Фонтан крови окатил и ограду, и стену каменного здания позади.

Моше опустился на колени и закрыл глаза, словно в молитве. Карпати выстрелил ему в голову, и он ударился об ограду и рухнул лицом вниз, раскинув руки и ноги.

У Рэйфорда пересохло во рту, дыхание вырывалось короткими вздохами, в висках стучала кровь. Люди вокруг него зажимали уши и изумленно пялились на трупы. Карпати соединил две части оружия, сунул коробку в карман, надел куртку и с напряженной улыбкой поклонился толпе.

Рэйфорд был охвачен такой жаждой убийства, что ринулся вперед, оттолкнув стояще-

го впереди мужчину, но тут толпа забурилась. Люди начали прыгать от радости, кричать, смеяться, пританцовывать. Рэйфорд проталкивался вперед, чтобы добраться до Карпати, и все это время пытался разделить свою «саблю».

Толпа шумела, люди толкались и падали, кричали и веселились. На полпути к ограде Рэйфорд споткнулся; его руки были под халатом, и он не сразу смог встать. Ему удалось высвободить одну руку, так что он сумел оттолкнуться от земли, но не успел подняться, как его снова сбили с ног. Он попытался локтями распахивать навалившихся на него людей, и тут коробка с «саблей» выскользнула на землю. Рэйфорд смог ее нащупать, все еще сидя на корточках, несмотря на толкотню вокруг, но когда ему удалось вытащить из рукавов халата обе руки, его снова толкнули назад, и он приложился затылком о бетон. Перекувырнувшись, Рэйфорд встал, ощупывая шишку на голове. Где «сабля»? Не раскрылась ли она? Она полностью заряжена и опасна.

* * *

Бизон стоял на каменном уступе, чувствуя себя совершенно измученным. Он видел, как люди плясали и радовались, как Карпати и прочие почетные гости снова сели в вертолеты и направились к праздничной площади. Бизону больно было смотреть на изуродованные тела проповедников. Он так ими восхищался — и их смутлыми, морщи-

нистыми лицами, и ногами, покрытыми грязью, и одеждой из мешковины! Они были такими величественными, они творили чудеса и казались пришельцами из далекой древности. А худоба, морщины, длинные седые волосы и бороды придавали им еще более сверхъестественный облик.

И вот они мертвы. Прежде неуязвимые, они лежали у железной ограды, рядом друг с другом, в нелепых позах. Бизону было стыдно оттого, что их мертвые тела оставили лежать на виду. Их халаты задрались, руки были сжаты в кулаки, глаза распахнуты, рты приоткрыты. Темно-красная кровь все еще струилась из ран, нанесенных таким мощным оружием, что его и пистолетом-то не назовешь.

Бизон знал, что будет дальше. Он не собирался участвовать в празднике, который должен был продлиться с полудня и до полуночи, но на самом деле затянется на трое суток. Он с глубокой печалью смотрел на торжество греха, на то, как зло подчинило себе людей, у которых была возможность спастись и которые получили предупреждение.

* * *

Цион низко опустил голову.

— Я и представить себе не мог, какой это ужас...

Хлоя не могла отвести глаз от экрана.

— Бизон наверняка где-то там.

Цион поднялся.

— Хлоя, наступил страшный перелом. Это только начало. Очень скоро Карпати перестанет притворяться, будто подчиняется хоть каким-то законам и нормам морали. И большинство людей будут не в силах противостоять ему.

* * *

Рэйфорд вертелся на месте, отчаянно надеясь найти «саблю». Он наступил на нее, наклонился, и его тут же опять сбили с ног обезумевшие плясуны. Упав на колени, он схватил оружие обеими руками и прижал к груди. Затем он засунул его под халат и начал выбираться из толпы. Карпати к этому времени давно уже улетел.

* * *

Бизон шел к общезнанию, на каждом шагу встречая радостных людей, толпившихся возле стоек с установленными на них телеэкранами. Он позвонил Лие. Она не ответила.

* * *

Следующие три дня торжеств были одним сплошным праздником. Везде гремела музыка и звучали речи, в которых поноси-

лась иерусалимская парочка и восхвалялся Николае. Фортунато призывал всех увидеть в Карпати божество, «возможно, то самое божество — Бога-творца и спасителя человечества». И люди радовались.

Единственным человеком, который вспомнил о гибели Петра Второго, был сам же Карпати, сказавший: «Я устал не только от лжепроповедников и их терроризма, но и от слишком назойливых представителей церкви Сокровенного Вавилона, которую мы не станем восстанавливать. Каждый человек может найти бога в своей душе и жить по его указаниям. Я ценю личную свободу человека гораздо выше, чем какую бы то ни было религию».

Рэйфорд старался держаться поближе к центральной сцене, на которой в пятницу вечером должна была состояться церемония закрытия. Он заранее прикидывал, с какой стороны и под каким углом будет целиться, когда ему прийти сюда, где встать, куда переместиться и как оказаться в нужном месте в нужное время, если Бог все-таки его изберет. Церемония должна была завершиться после заката финальной речью Карпати. Возможно, это и будет самый подходящий момент.

* * *

Люди праздновали по всему Иерусалиму. Бизона уже тошнило от телерепортажей, в которых показывали раздутые, гниющие

тела Эли и Моше, брошенные разлагаться под солнцем. Дни и ночи напролет люди плясали вокруг, зажимая себе носы, а некоторые отваживались даже подойти поближе, чтобы пнуть какой-нибудь из трупов. Все вокруг было покрыто засохшей кровью.

Со всего мира приходили сообщения о праздниках, о том, как люди обмениваются подарками, словно на Рождество. Кое-где звучали предложения «покончить с этим, похоронить их и жить дальше». Но люди продолжали веселиться, и результаты мировых опросов показывали, что большинство голосует против похорон.

Вечером в среду Бизону наконец-то решили повидаться с Хаимом в больнице. Хотя цвет лица у него был неплохой и речь улучшилась, кожа на лице все еще казалась обвисшей. Вся левая сторона задеревенела, правая рука была скрючена. Врач Хаима так и не смог разобраться в результатах анализов, но отказался выполнить его просьбу «вернуться домой, чтобы умереть спокойно».

Хаим стал жалобно упрашивать Бизона:

— Забери меня отсюда! Пожалуйста! Я хочу домой.

К утру пятницы Бизон так и не смог связаться ни с Лией, ни с Рэйфордом. Зато ему позвонил Иаков и сообщил неожиданную новость:

— Не знаю, как ему это удалось, но Хаим упросил врачей, чтобы его выписали. Он чувствует себя хорошо, и врач решил, что,

наверное, это микроинсульт, хотя симптомы были как у настоящего инсульта. Я изменений к лучшему не вижу, но, по крайней мере, он хоть говорит разборчиво. И он приказал, чтобы сегодня вечером я отвез его на церемонию закрытия.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Утром в пятницу Бизон понял, что готов на все, лишь бы оказаться в нужное время у Стены Плача. Он верил Циону, верил Библии и пророчествам. И он представить себе не мог ничего более заманчивого, чем увидеть собственными глазами, как будут посрамлены те, кто насмеялся над Эли и Моше.

Бизон обещал Иакову, что уговорит Хаима остаться дома и не ехать вечером на финальный концерт, если, конечно, им повезет и они окажутся в числе девяноста процентов жителей Иерусалима, которые избегнут гибели в предсказанном землетрясении.

* * *

Большую часть утра Рэйфорд проспал и не отвечал на звонки, хотя и убедился, что

звонила ему только Лия. Что он мог ей сказать? «Прости, я не смогу забрать тебя и отвезти в Штаты, потому что сегодня меня, скорее всего, убьют или посадят?»

Он позаботился о том, чтобы как следует выспаться и поесть. Ему хотелось быть полностью готовым и сосредоточенным, что бы ни принес ему этот день. Кроме того, Рэйфорд помолился и попросил Господа дать ему знак, если вдруг окажется, что он действует вопреки Божьему замыслу. Он решил прийти на площадь по крайней мере за три часа до заката, пробраться в гущу толпы и встать на том месте, которое заранее присмотрел. А дальше Бог ему подскажет.

Рэйфорд снова посмотрел на телефон и вздрогнул, увидев последнее сообщение Лии: «Птичка вылетела из клетки. Что дальше?»

Хэтти сбежала из Буфера? Но как ей это удалось? Он перезвонил Лие. Но теперь уже она не брала трубку.

* * *

Бизон был зол на себя из-за того, что не догадался прийти к Стене Плача пораньше. Его место на выступе было занято. С деревьев зевак стогнали охранники из Мирового Сообщества. Вся округа была заполнена пьяными, некоторые из которых, по мнению Бизона, проторчали здесь уже несколько дней. Сколько можно веселиться, в самом-то

деле? Люди вокруг танцевали, обнимались друг с другом, что-то выкрикивали, пели, пили, просто шатались в толпе.

Тысячи людей переговаривались на разных языках, но теперь только самые отчаянные осмеливались подойти к почерневшим, разлагающимся трупам. Отвратительная вонь разносилась на сотни ярдов. И все же Бизон решил подобраться поближе. Он попытался зайти издалека, с левой стороны Стены, и обнаружил на пути небольшую рощицу и высокие кусты. Бизон не мог допустить, чтобы его узнали, но в этом случае рискнуть определенно стоило. Если ему удастся через эту рощицу подойти поближе к Эли и Моше, не попавшись на глаза охранникам, он сможет увидеть одно из величайших чудес в истории.

* * *

Цион и Хлоя встали до рассвета и снова уселись перед телевизором, по очереди отвлекая Кенни, когда на экране снова начинали показывать останки Эли и Моше.

— Смерть ужасна, — заметил Цион, — но скоро произойдет нечто удивительное.

Он ерзал по дивану, не в силах усидеть смирно. Каждый раз, встречаясь взглядом с Хлоей, он вспоминал свою маленькую дочь в день ее рождения.

* * *

Бизон прокрался через кусты мимо двух охранников и подобрался к ограждению так близко, как только мог без риска быть замеченным. Он сам не верил своему счастью. Если не случится ничего необычного, его никто не обнаружит. Он вспомнил, как сказал однажды Лие: «Мы полагаемся не на удачу».

— Спасибо Тебе, Господи, — прошептал он.

Бизону невыносимо было смотреть на то, что осталось от этих могущественных людей. Если не считать пинков от самых наглых из зрителей, тела не сдвигали с места вот уже три с половиной дня. Их трепали животные, клевали птицы, по ним ползали насекомые. Бизон подумал, что не оставил бы гнить на солнце даже труп своего злейшего врага.

Поблизости расположилась какая-то шумная рок-группа, и веселье стало еще безумнее. Теперь самые храбрые из зевак плясали бок о бок, положив руки друг другу на плечи, окружив трупы. Бизон испугался, что не сможет увидеть чуда из-за этих чокнутых пьянчуг. Бесформенный хоровод кружился между телами и оградой.

Они плясали все быстрее и быстрее, пока кто-то не решил изменить направление. Вся цепочка остановилась, а потом двинулась в противоположную сторону, но кто-то не успел отреагировать, и хоровод рассыпался. Танцоры сталкивались друг с другом, смеялись, кричали и хохотали до слез. Женщина

средних лет, в одной туфле, наклонилась, и ее вырвало, а потом ее сразу же сбил с ног кто-то из пьяных танцоров.

Несколько человек разошлись, и теперь Бизон снова мог видеть Эли и Моше, превратившихся в отвратительные, бесформенные, зловонные останки. Он еле сдержал рвущееся из горла рыдание.

И вдруг мертвецы шевельнулись. Бизон затаил дыхание. Безумцы один за другим бросились наутек, своими воплями привлекая внимание остальных зрителей. Кто-то крикнул, что трупы шевелятся, и люди, стоящие рядом, отшатнулись, а те, кто был дальше, наоборот, ринулись вперед.

Музыка стихла, пение сменилось испуганными визгами. Многие закрывали глаза или прятали лица. Тысячи людей попросту разбежались. Тысячи других заняли их места.

Эли и Моше очень медленно поднялись на колени, теперь они снова дышали. Упершись в бедра своими натруженными руками, они моргнули и повернулись, оглядываясь по сторонам. А потом одновременно уперлись руками в землю и начали подниматься, вызвав испуганные стоны у оцепеневших от ужаса зрителей.

Как только они встали во весь рост, сухая кровь вокруг них снова превратилась в жидкость. Зияющие раны исцелились, кожа, которая была натянутой и потрескавшейся на раздутых телах, снова стала обычной, трупные пятна исчезли. Волосы и ошметки человеческой плоти на ограде и стене как будто

испарились, и двое Свидетелей снова были невредимы.

Бизон слышал каждый звук, доносящийся из толпы, но не мог отвести взгляд от Эли и Моше. Они зажали в кулаки ткань своих халатов и прижали руки к груди, и их длинные подолы развевались на ветру. Они опять стали высокими и сильными, непобедимыми и благородными и полными достоинства.

Эли и Моше с тоской и сожалением посмотрели на зрителей, а затем повернули свои лица к небу. В их взглядах было столько ожидания, что Бизон заметил, как многие из зевак тоже уставились вверх.

В фиолетово-синем небе клубились белоснежные облака. Солнце скрылось, затем вышло снова на прекрасный, меняющий цвет небосвод.

Сверху раздался голос, такой громкий, что люди пригнулись, закрыв себе уши:

— Поднимайтесь сюда!

С воздетыми к небу лицами Эли и Моше вознеслись. Один громкий вздох прокатился по Храмовой горе, и люди попадали на колени или даже ниц, стали плакать, кричать, стонать и молиться. Свидетели исчезли в облаке, которое сначала разрослось, а затем снова уменьшилось в точку и исчезло.

У Бизона подкосились колени, и он упал на землю, наконец-то заплакав по-настоящему.

— Слава Богу, — выдохнул он. — Благодарю Тебя, Господи!

Вокруг него на земле распростерлись тысячи людей, они причитали, плакали и молились.

Бизон начал подниматься, но земля вдруг качнулась под ним, словно резко натянувшаяся ткань. Он упал назад и врезался спиной в дерево, оцарапав шею и затылок о жесткую кору. Приподнявшись, он увидел, как сотни людей повалились на землю от сильнейшего толчка.

Небо почернело, и хлынул ледяной дождь.

Из ближайших кварталов доносились звуки рушащихся зданий, падающих деревьев, скрежет металла и звон стекла.

— Землетрясение! — кричали люди, разбегаясь.

Бизон выбрался из своего укрытия, удивляясь тому, каким коротким и сильным был этот толчок. Солнце проглядывало сквозь летящие по небу тучи, придавая окружающему какой-то совсем уж потусторонний вид. Словно в тумане, Бизон побрел к дому Хаима.

* * *

Рэйфорд смотрел телевизор у себя в номере, когда от подземного толчка отключилось электричество и все посыпалось на пол. Почти сразу же по улице проехали машины из службы оповещения Мирового Сообщества:

— Внимание, граждане! В восточной части города требуются добровольцы. Церемония закрытия состоится сегодня вечером, как и было объявлено. Тела проповедников были похищены фанатиками. Не верьте рассказам о том, что они якобы исчезли или что именно это стало причиной природного катаклизма. Повторяем: церемония закрытия состоится сегодня вечером, как и было объявлено.

* * *

Мак проснулся поздно и включил телевизор, чтобы посмотреть дневные новости. Он заплакал, когда телекамеры показали воскрешение и вознесение в небеса Эли и Моше. Как Мировое Сообщество сможет опровергнуть то, что было показано в прямом эфире всему миру? Давид Хассид рассказывал ему, что видел в прямом эфире, как Карпати вмешался в ход церемонии открытия вечером в понедельник, но потом этот зловещий эпизод ни разу не повторили ни в одной передаче. И на этот раз сообщение о вознесении проповедников не повторилось больше ни в одной программе новостей.

Какая власть у человека, подумал Мак. Какие возможности контролировать все, даже технику. Если каким-то чудом Карпати удастся вылететь из Израиля живым, Мак решил, что не позволит ему приземлиться. Но стоит ли ждать так долго? Мак порывлся

в боковом отделении своей сумки и нащупал провезенный контрабандой пистолет, такой же, какой был и у Абдуллы. Если взять его с собой, придется держаться подальше от металлодетекторов.

* * *

Район, где жил Хаим, сильно пострадал. В гараже обрушилась стена, но в отличие от соседних домов, которые стихия почти сровняла с землей, дом Хаима избежал серьезных повреждений.

Электричество восстановили быстро, и Бизон посмотрел новости по телевизору вместе с Хаимом и его домочадцами. Количество погибших исчислялось сотнями, но вскоре перевалило за тысячу.

Сильнее всего пострадала восточная часть Иерусалима, где было разрушено множество зданий и целых жилых кварталов, дороги превратились в мешанину из асфальта и грязи, а тысячи людей пропали без вести. К вечеру стало ясно, что разрушена примерно десятая часть Святого Города, а число погибших к утру должно было достигнуть семи тысяч человек.

В каждом выпуске новостей повторяли настойчивый призыв Мирового Сообщества посетить церемонию закрытия праздника.

— Она будет сокращена, — со скорбным видом подчеркнул Леон Фортунато. — Потентат сейчас принимает участие в спаса-

тельной операции, но он попросил, чтобы я передал его искренние соболезнования тем из вас, кто потерял своих близких. Вот его слова: «Восстановительные работы начнутся немедленно. Это поражение нас не сломит. Характер человека раскрывается в том, как он реагирует на трагедию. Мы стоим, потому что мы — Мировое Сообщество. Для того чтобы сохранить наш боевой дух, очень важно, чтобы мы собрались вместе, как и планировали. Музыка и танцы будут сейчас неуместны, но мы будем вместе, мы поддержим друг друга и еще раз поклянемся в верности идеалам, которыми дорожим». Позвольте добавить пару слов от себя лично, — продолжил Фортунато. — Для потентата Карпати очень важно, чтобы вы пришли на торжество. Мы почтим память погибших и отдадим должное спасателям, и с этого начнется процесс исцеления.

У Бизона не было ни малейшего желания идти на церемонию, чтобы выслушивать там лесть региональных потентатов в адрес своего бесстрашного лидера и видеть, как Карпати заигрывает с толпой.

— Ты обещал пойти, — прохрипел Хаим.

— Но, сэр, дороги разрушены, пандусы для инвалидного кресла тоже могут быть повреждены. Вы только посмотрите...

— Иаков может довести меня куда угодно.

Иаков пожал плечами. Бизон поморщился, не понимая, почему шофер его не поддержал.

— Он прав, — сказал Иаков. — Посади его вместе с коляской в машину, и я его отвезу.

— Это слишком рискованно, меня могут узнать, — обратился Бизон к Хаиму.

— Мне нужно знать, что ты где-то в толпе, я должен чувствовать твою поддержку.

* * *

Солнце пробилось сквозь плотные облака и согрело Иерусалим. Окутанный теплым свечением старый город поразил Рэйфорда и красотой, и масштабами разрушений. Рэйфорд понять не мог, почему Карпати так стремится придерживаться расписания. Но потентат вел себя в соответствии с Божьим замыслом.

Рэйфорд пробирался между зрителями и наконец присоединился к плотной группе людей, собравшихся у динамика с левой стороны от Карпати. По прикидкам Рэйфорда отсюда до кафедры было футов шестьдесят — семьдесят.

* * *

— Я не пойду, — объявил Абдулла. — Посмотрю по телевизору.

— Отдыхай, — сказал Мак. — Я тоже, наверное, зря иду.

Мак сел в маршрутку минут за двадцать до того, как она наконец-то отъехала. Он успел увидеть, как Абдулла торопливо вышел из гостиницы, засунув руки в карманы ветровки.

* * *

Бизон пришел на площадь раньше Иакова и Хаима и подождал их у выхода на сцену, осмелев от того, что на него никто не обращал внимания. Конечно, причина была в измененной внешности, да и сотрудникам Мирового Сообщества было не до него — они встречали почетных гостей. И вот Хаим прибыл.

Кому-то пришлось припарковать их машину, пока Иаков вез Хаима к металлодетектору справа от сцены.

— Ваше имя, сэр, — спросил охранник.

— Иак...

— Он со мной, молодой человек, — отрезал Хаим. — Оставьте его в покое.

— Простите, сэр, — сказал охранник. — У нас усилен режим безопасности, сами понимаете.

— Я же сказал, он со мной!

— Хорошо, сэр, но как только он поможет вам подняться на сцену, ему придется найти себе место или встать где-нибудь.

— Чушь! — воскликнул Хаим. — А теперь...

— Но, босс, — торопливо вмешался Иаков. — Я все равно не хочу там сидеть. Пожалуйста.

Бизон заметил, как Хаим устало закрыл глаза и отмахнулся рукой.

— Тогда просто доведи меня.

— Вам нужно пройти через металлодетектор, — объявил охранник. — Никаких исключений.

— Прекрасно! Поехали!

— Сначала вы.

Прибор среагировал на ключи в кармане у Иакова. Но со второго раза Иакову удалось пройти.

— Вам нужно ненадолго встать с кресла, доктор Розенцвейг, — сказал охранник. — Мои люди вам помогут.

— Еще чего не хватало! — возразил Хаим.

— Сэр, — сказал Иаков, — с ним в понедельник случился инсульт...

— Я знаю.

— Вы хотите оскорбить израильтянина и политического деятеля мирового значения?

Охранник растерялся.

— Но я же должен хотя бы его обыскать.

— Отлично, — рявкнул Хаим. — Живее!

Охранник ощупал руки, ноги и спину Хаима, похлопал по одежде.

— Но быстро выехать оттуда вы не сможете, — предупредил он.

Иаков и еще три охранника подняли кресло с Хаимом на сцену и поставили его слева в ряду сидячих мест. Охранник велел Иакову возвращаться.

— Я что, должен оставить его здесь одного?

— Ничего не могу сделать, — ответил охранник.

Иаков пожал плечами. Хаим сказал ему:

— Иди! Со мной все будет хорошо.

Иаков спустился и подошел к Бизону, стоящему у прохода.

Они вместе смотрели, как Хаим развлекается, разъезжая на автоматическом инвалидном кресле по огромной и пока еще пустой сцене и веселя собирающуюся толпу.

* * *

Небо давно потемнело, но площадь освещалась ярким светом прожекторов. Рэйфорду показалось, что людей пришло больше, чем в день открытия, но вели они себя тише.

Вертолетная площадка пострадала при землетрясении, и поэтому почетные гости прибыли в лимузине. Не было ни фанфар, ни музыки, ни песен, ни приветственной молитвы. Потентат поднялся по лестнице, обменялся рукопожатиями со всеми, включая Хаима, и встал перед рядом кресел. К нему подошел Леон в сопровождении группы охранников. Зрители разразились бурными, продолжительными аплодисментами, на этот раз без выкриков и свиста.

Леон быстро представил публике региональных потентатов, а затем объявил:

— Сегодня нас посетил очень дорогой гость, которого мы рады приветствовать, и предоставляем эту честь его святейшеству потентату. Итак, я искренне благодарю вас за поддержку в это тяжелое время и снова передаю слово его превосходительству Николае Карпати.

Рэйфорд сунул обе руки под халат, раздел «саблю» и мысленно сказал Богу, что готов воспользоваться ею в подходящее время.

Карпати вел себя очень сдержанно и быстро остановил овацию.

— Позвольте мне выразить глубокую благодарность нашему верховному главнокомандующему и свое искренние сочувствие пострадавшим. Я не отниму у вас много времени, потому что знаю: многим из вас нужно возвращаться по домам, и вы беспокоитесь о том, как вы сможете вернуться на родину. Сейчас работают оба аэропорта, но некоторые рейсы пока задерживаются. А теперь позвольте, я представлю вам моего почетного гостя. Он должен был прийти сюда в понедельник, но с ним случился инсульт. И сейчас я с огромным удовольствием объявляю о чудесном исцелении этого великого человека — он исцелился настолько, что смог уже сегодня присоединиться к нам на инвалидном кресле, и это обещает в будущем его полное выздоровление. Дамы и господа Мирового Сообщества, перед вами политик, ученый, преданный гражданин и мой дорогой друг всем известный доктор Хаим Розенцвейг!

Толпа взревела, когда Карпати указал на Хаима, и Рэйфорд понял, что настал нужный момент. Люди вокруг него вскидывали руки в приветственных жестах, и он торопливо вытащил пистолет и прицелился. Но Хаим протянул вперед здоровую ладонь, как будто для рукопожатия, и Карпати наклонился, чтобы обнять его.

Рэйфорд не мог стрелять, когда потентат стоял так близко к Розенцвейгу. Он опустил

оружие и спрятал его в широком рукаве, дожидаясь, пока они закончат обниматься. Под конец Николае поднял здоровую руку Хаима, и зрители снова зааплодировали. Затем Карпати вернулся к кафедре; возможность была упущена.

* * *

Мак МакКаллам знал, что Бизон Уильямс сейчас где-то в толпе. Быть может, с ним удастся даже встретиться. А Абдулла тоже здесь? И почему он говорил, что не пойдет?

* * *

Дрожа от пережитого волнения, Рэйфорд почувствовал горечь во рту. Таковую ненависть вызывал в нем Карпати.

— Дорогие сограждане, — серьезным тоном начал Николае, — за очень краткую историю мирового правительства нам часто приходилось вставать плечом к плечу, чтобы противостоять великим бедствиям, таким же как сегодняшнее. Я хотел произнести здесь речь, которая наполнила бы вас энергией и возродила веру в идеалы Мирового Сообщества. Теперь, после свершившейся трагедии, это уже не нужно. Мы снова подтвердили свою верность нашим целям и идеалам служения и добра.

Трое потентатов, сидящих позади Карпати, неожиданно поднялись. Похоже, это произвело впечатление и на остальных, потому что они тоже, хоть и с неохотой, начали вставать. По реакции зрителей Карпати заметил, что за его спиной происходит что-то неожиданное, и обернулся. Все десять потентатов захлопали. Толпа подхватила эти аплодисменты, но Рэйфорд обратил внимание на взгляды, которыми обменялись Карпати и Фортунато.

Что-то явно назревало. Неужели эти трое — те самые потентаты, которых Мак считал способными на предательство?

Потентаты снова сели, но Карпати впервые после своих выступлений на стадионе имени Тедди Коллека выглядел растерянным. Он начал речь заново, запнулся, повторил последнюю фразу, а затем повернулся к потентатам и пошутил:

— Не надо так поступать со мной.

Зрители снова захлопали, и Николае воспользовался их реакцией. Пытаясь скрыть замешательство, он заговорил снова и стал нарочно оглядываться на потентатов, вызывая у публики новые приступы смеха.

Неожиданно трое потентатов снова встали и зааплодировали, словно в поддержку Николае, но Рэйфорд видел, как один из них сунул руку во внутренний карман пиджака. Впрочем, зрители явно не ждали подвоха. Когда Хаим неожиданно выехал вперед на своем кресле и подъехал к Фортунато, толпа разразилась схемом и веселыми выкриками.

Вдруг Рэйфорд заметил слева от себя нечто совершенно неожиданное. Хэтти? Не может быть. Он пытался проследить за ней взглядом, но люди впереди снова вскинули руки, крича, хлопая, подпрыгивая на месте. Он направил вперед пистолет, целясь между двумя охранниками, стоящими перед Николае, и попытался спустить курок. И он не смог! Рука была словно парализована, пальцы дрожали, перед глазами все расплывалось. Неужели Господь решил его остановить? Или еще слишком рано? Рэйфорд чувствовал себя глупцом, трусом, ни на что не годным человеком. Пока он тут трясся, Карпати оставался идеальной мишенью. Толпа продолжала бурлить, кто-то толкнул Рэйфорда в спину, и он выронил оружие. Раздался оглушительный выстрел, и люди шарахнулись в стороны. Рэйфорд тоже бросился бежать, так и не подняв пистолет и выкинув корпус где-то по пути. Люди кричали и в панике сталкивались друг с другом. Пробираясь сквозь толпу, Рэйфорд успел бросить взгляд на сцену. Карпати куда-то исчез. Региональные потентаты разбегались, и кто-то из них что-то выронил, спрыгнув со сцены. Фортунато тоже не было видно. Кафедра была разбита, а одно из черных полотнищ в сотню футов шириной было оборвано и развевалось на ветру. Рэйфорд решил, что пуля пробила тело Николае навылет и угодила в задник сцены. Может, Господь позволил ему убить Карпати, несмотря на его трусость? Неужели он все-таки исполнил пророчество?

Но ведь выстрел был случайным! Он вовсе не собирался стрелять!

* * *

Бизон забился под стойку с динамиком сразу же, как только раздался выстрел. С обеих сторон от него бежали люди, и он замечал радость на лицах некоторых из них. Новообращенные со Стены Плача, которые видели, как Карпати убил их героев?

Когда Бизон взглянул на сцену, региональные потентаты разбежались, занавес хлопал на ветру, а Хаим сидел, глядя прямо перед собой, словно в приступе кататонии. Карпати лежал на сцене, все его лицо было залито кровью, как показалось Бизону, из раны на голове. Микрофон, прикрепленный к лацкану пиджака, еще работал, и Бизон, сидевший прямо под динамиком, смог услышать гортанное бормотание Николае:

— Но я думал... я думал... я сделал все, что ты приказывал.

Фортунаато склонился над Карпати, поднял его и прижал к себе. Сидя на сцене, он раскачивался, обнимая своего кумира, и причитал:

— Не умирайте, ваше святейшество! Вы нужны нам! Вы нужны всему миру! Вы нужны мне!

Их окружили охранники, размахивающие своими «узи».

Бизон решил, что хватит потрясений на сегодня. Он выпрямился и совершенно отчетливо увидел окровавленный затылок Карпати.

Рана, несомненно, была смертельной. И Бизон понял, что должно было стать причиной такого ранения.

* * *

— Я не ожидал выстрела, — заметил Цион, глядя, как на экране телевизора сотрудники службы безопасности Мирового Сообщества сгоняют людей со сцены и уносят Карпати.

Через два часа агентство «МС Си-эн-эн» подтвердило факт гибели Николае и принялось снова и снова передавать речь убитого горем верховного главнокомандующего Леона Фортунато:

— Мы сохраним верность принципам нашего основателя и духовного лидера потентата Николае Карпати. Причина смерти не будет разглашена до окончания следствия. Но можете быть уверены: виновные понесут суровую кару.

Агентство новостей объявило, что прощание с покойным состоится во дворце Нового Вавилона, а в воскресенье его тело будет предано земле.

— Не выключай телевизор, Хлоя, — сказал Цион. — Наверняка телекамеры заснимут его воскрешение.

Но когда в Маунт-Проспекте пятница сменилась субботой и до воскресенья осталось всего ничего, даже Цион начал нервничать. В Писании ничего не было сказано о смерти от пули. Антихрист должен был умереть от раны, нанесенной в голову, а затем снова вернуться к жизни. Но тело Карпати все еще было выставлено во дворце.

К утру воскресенья, глядя на поток людей, проходящих мимо стеклянного гроба в залитом солнцем внутреннем дворике дворца Мирового Сообщества, Цион и сам уже стал сомневаться.

Неужели все это время он ошибался?

* * *

За два часа до похорон Карпати Давида Хассида вызвали в кабинет Леона Фортунато. Леон вместе с начальниками разведслужбы и службы безопасности сидел перед телемонитором. На лице Лиона застыло выражение глубокой скорби и жажды отмщения.

— Как только его святейшество похоронят, — срывающимся голосом сказал он, — миру может прийти конец. Единственное, что нас может спасти, — это суд над убийцей. Смотри, Давид. С передних камер ничего не видно, они загорожены, но посмотри сбоку. Скажи, ты видишь то, что видим мы?

Давид посмотрел.

«О нет! — подумал он. — Не может быть!»

— Ну? — спросил Леон, пристально на него уставившись. — У тебя есть сомнения?

Давид молчал, но этим он лишь привлек к себе внимание двух остальных начальников.

— Камера лгать не может, — сказал Леон. — Мы ведь нашли убийцу, да?

Как бы ни хотелось Давиду придумать какое-нибудь другое объяснение увиденному, он не мог рисковать.

— Конечно, нашли, — кивнул он.

ЭПИЛОГ

«Второе горе прошло; вот, идет скоро третье горе».

Откровение 11:14.

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.Christian WritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Апарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ВОПЛОЩЕНИЕ

СЕДЬМОЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В седьмой книге серии «LEFT BEHIND®» – «Воплощение» – в войну за человеческие души вступают новые силы. Доктор Цион Бен-Иегуда, бывший раввин, а ныне духовный лидер миллионов верующих, встречается лицом к лицу с архангелами Михаилом и Гавриилом. Воины господни решили вступить в битву отнюдь не просто так. После того как был убит самопровозглашенный претендент Мирового Сообщества Николае Карпати, которого Отряд Скорби считал Антихристом, в его теле воплощается сам Люцифер.

Заказать книгу «ВОПЛОЩЕНИЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ВОЗМЕЗДИЕ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Перевод *М. Ковровой*
Консультант *А. Коньхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *О. Борисова*

Подписано в печать 15.07.11 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 16,86.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"
Logotipas Company
www.baltoprint.ru

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобрести наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

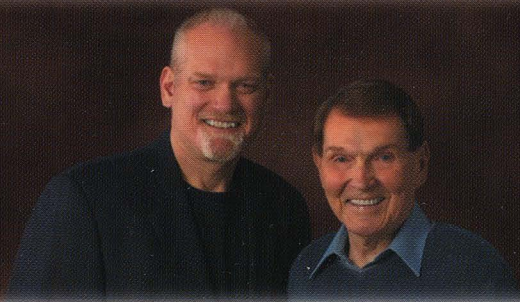

Реклама: (495) 780-5757

Продажа: (495) 780-5353

www.privatelife.ru

ВОЗМЕЗДИЕ — шестая книга серии «LEFT BEHIND®». Герои саги направляются в Иерусалим, чтобы убить Антихриста. Каждый из них хочет сохранить свои намерения в тайне от других, и в конце концов одному из них удастся исполнить эту миссию. А тем временем на человечество обрушивается второе горе Апокалипсиса...

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Безумно популярно и чрезвычайно противоречиво».

USA TODAY

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0367-7

9 785422 403677

www.Leftbehind.ru